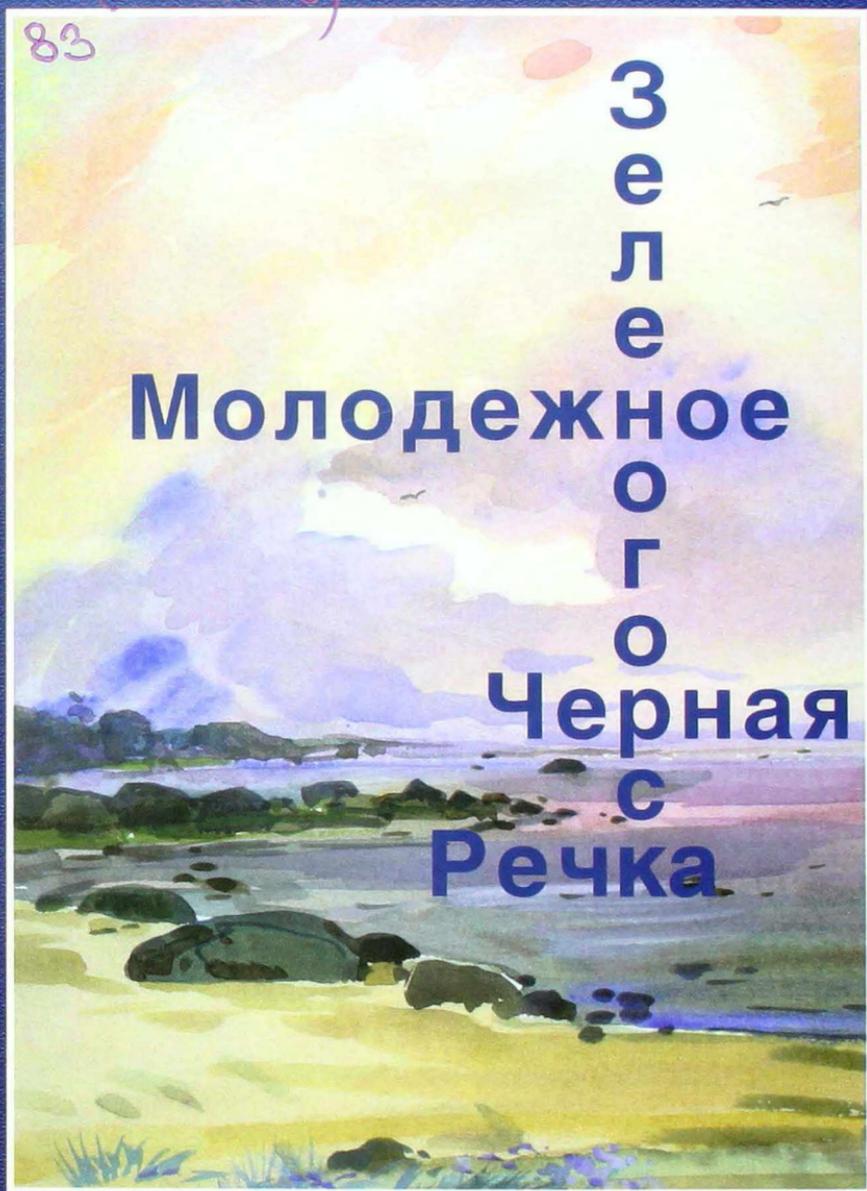


Муниципальный совет поселка Молодежное

Н. В. Григорьева

63.3(2-20110)
Г 83



**З
е
л
е
Молодежное
о
г
о
Черная
с
Речка**

**КАРЕЛЬСКИЙ
ПЕРЕКРЕСТОК**

2010

3



63.3(2-2СП8)
Г 83

Н.В. Григорьева

Карельский перекресток

150592 / 3

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. М. Зощенко
Гук "ЦБС Курортного района" Санкт-Петербурга
197701, г. Сестрорецк,
ул. Токарева, 7 тел. 434-7157

Краеведческий
отдел

Гук "ЦБС Курортного района"
Санкт-Петербурга

Молодежное – Зеленогорск
2010

Муниципальный совет поселка Молодежное

Уходит время. Забываются события и люди, принадлежавшие своему времени, если только они не остаются в памяти и в истории.

Чем жили люди ушедшей эпохи? О чем говорили, мечтали, что делали, что творили те, чьи голоса звучали на Карельском перешейке. Для познания этого недостаточно прочитать учебники истории и мемуарную литературу.

История Карельского перешейка представлена весьма фрагментарно. Понять настроение и дух XX века можно при детальном исследовании архивных материалов и воспоминаний. На пожелтевших страницах предстает судьба творческих людей – политиков, исследователей, писателей, артистов, художников, ученых, жизнь которых так или иначе связана с пребыванием на Карельском перешейке – в Русской Финляндии. Но не с каждой жизненной истории удастся стряхнуть столетнюю пыль времени. Имена многих, внесших свою лепту в становление и развитие русской культуры, уже забыты. Постараемся же приподнять завесу времени и заново открыть для себя эти места, людей и их дела.

ISBN 978-5-86983-162-0

© Григорьева Н.В., 2010

© Издательство «Любавич», оформление, верстка, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дорогами истории	5
Дачная мозаика	29
Театральные события в Терийоки 1912 года.	82
Зримая память Карельского перешейка.....	89
Судьбы одной эпохи	99
В.А. Серов в Финляндии	110
Художники перешейка	119
Перешеек в огне.....	139
Живая связь времени	150
Родом из детства.....	154
Из ранее опубликованного	161
Приложние I	171
Приложние II.....	178
Приложние III.....	187
Послесловие	196
Библиография.....	197

ОТДЕЛЕНИЕ

100.....

101.....

102.....

103.....

104.....

105.....

106.....

107.....

108.....

109.....

110.....

111.....

112.....

113.....

114.....

115.....

116.....

117.....

118.....

119.....

120.....

121.....

122.....

123.....

124.....

125.....

126.....

127.....

128.....

129.....

130.....

131.....

132.....

133.....

134.....

135.....

136.....

137.....

138.....

139.....

140.....

141.....

142.....

143.....

144.....

145.....

146.....

147.....

148.....

149.....

150.....

151.....

152.....

153.....

154.....

155.....

156.....

157.....

158.....

159.....

160.....

161.....

162.....

163.....

164.....

165.....

166.....

167.....

168.....

169.....

170.....

171.....

172.....

173.....

174.....

175.....

176.....

177.....

178.....

179.....

180.....

181.....

182.....

183.....

184.....

185.....

186.....

187.....

188.....

189.....

190.....

191.....

192.....

193.....

194.....

195.....

196.....

197.....

198.....

199.....

200.....

ДОРОГАМИ ИСТОРИИ

Карельский перешеек до сих пор таит для жителей Санкт-Петербурга много интересного, забытого, а красота Северного побережья Финского залива привлекает не только петербуржцев, но и многочисленных туристов. Города и поселки перешейка – Сестрорецк, Зеленогорск, Комарово, Серово, Молодежное стали для многих местом летнего отдыха и лечения.

В прошлом Карельский перешеек также был одним из любимых мест отдыха петербуржцев. Мы немного знаем об его истории.

Весь Карельский перешеек охватить в книге не удастся, поэтому акцент будет сделан на Зеленогорске, Молодежном и их окрестностях. Прежде познакомимся с их достопримечательностями. В Зеленогорске невозможно обойти вниманием православный храм, возведенный архитектором Николаем Никитичем Никоновым в 1914 году. Храм – архитектурная доминанта сегодняшнего города. Его золотые купола парят над соснами, Приморской дорогой и Финским заливом в чистом балтийском воздухе. Автору сооружения удалось использовать различные творческие приемы: сочетание крупных и малых объемов куполов, сводов, декоративные элементы окон, перекличку вертикалей. Именно они помогли ему связать архитектуру православного собора с традициями северного модерна.



*Православная церковь в
Зеленогорске*

Церковь освящена епископом Выборгским и Финляндским Сергеем (Страгородским) в 1915 году в честь иконы Казанской Божией Матери.

Добрые традиции веротерпимости были присущи во все времена жителям Карельского перешейка. По соседству с православной церковью находится кирха, возведенная финским зодчим Йозефом Стейнбеком. Фундаментом кирхи служит местный природный гранит, и само строение имеет небольшую площадь. Значимость сооружения подчеркивает высокий шпиль колокольни. Два величественных храма на одной улице как бы протягивают руки дружбы и согласия русского и финского народов, и вместе с тем восстанавливают историческую справедливость.



Лютеранская кирха

В Зеленогорске сохранилось несколько исторических зданий, построенных в разное время по проектам как финских, так и русских архитекторов. Эти здания привязаны к ландшафту, слились с природой и, не противореча современным строениям, образуют сложное, но единое понятие «облик города Зеленогорска».

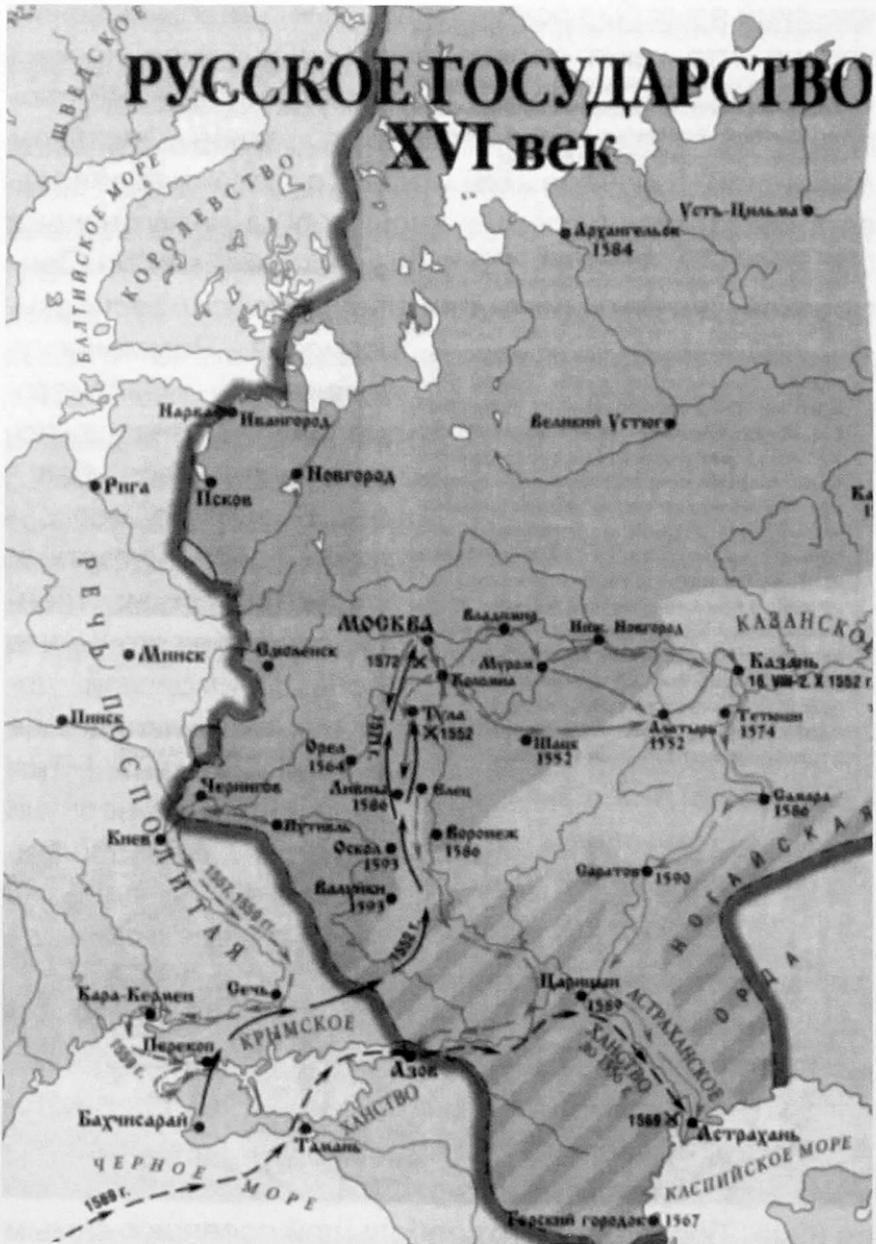
Центром притяжения в поселке Репино (быв. Куоккала) стал уникальный музей «Пенаты». Здесь жил и творил в течение 30 лет великий русский художник Илья Ефимович Репин. В исторической летописи Репино-Куоккала встречаются имена, которые запечатлены в воспоминаниях как самого Репина, так и Альберта Бенуа, Владимира Маяковского, Александра Блока, Бориса Асафьева и многих других деятелей культуры. Занимательная книга Корнея Чуковского «Чуккокола» свидетельствует о значимости этого места.

На заповедном берегу Финского залива, в поселке Комарово, по сей день отдыхают жители и гости Санкт-Петербурга. Здесь в летние дни собирается столько народа, что на побережье нет свободного места. Но не все едут сюда лишь затем, чтобы полюбоваться взморьем. Знатоки и исследователи русской культуры приходят в Комаровский некрополь, где отдают дань памяти и уважения ушедшим от нас деятелям науки и культуры, чье творчество осталось незабвенно.

Комарово – это дома творчества писателей, художников, композиторов, театральных деятелей. В конце 40-х годов прошлого века в Келомяках (ныне

Комарово) появился новый «академгородок» – дачи, принадлежавшие знаменитым ученым. Директор Эрмитажа Д.И. Орбели, физик Е.Р. Гросс, математик Ю.В. Линник и другие известные люди создали здесь особый духовный климат. Позднее в этих местах появились дачи композитора В.П. Соловьева-Седого, режиссера Г.А. Товстоногова, писателя Д.А. Гранина. В маленьком доме, арендованном Литфондом на летние месяцы, жила Анна Ахматова. Она «привела» за собой сюда плеяду знаменитых людей. С нее начинается история Комаровского некрополя – «города мертвых». Земля Карельского перешейка стала для Ахматовой родной. Поэтому ее желанием было остаться здесь навсегда. Верующая в Бога, Ахматова знала, что на кладбище в Комарово нет церкви, но ей хватило и надгробного креста, как и глубоко верующему Дмитрию Сергеевичу Лихачеву.

Небольшие поселки Курортного района невозможно рассматривать независимо один от другого. Все они расположены на берегу Финского залива и неразрывно связаны с финляндской историей и культурой. Приморская дорога, соединяющая поселки, известна со времен седой древности. Она стала последней дорогой в жизни финского просветителя и создателя финского алфавита Микаэла Агриколы (1510–1557). Его личность и по сей день легендарна. В Финляндии имя Агриколы известно каждому жителю. Его называют историком, дипломатом, религиозным деятелем, философом, этнографом. Имя Агриколы является символом огромного творческого и духовного потенциала скандинавской культуры. Перевод Библии на



Карта XVI века

финский язык был осуществлен им на таком высоком уровне, что текст перевода считался каноническим в течение трех столетий. Но не только базовый словарь религиозных терминов был создан Микаэлом Агриколой. В начале 1557 года Агрикола отправляется в составе шведских дипломатов на переговоры с Иваном IV в Россию. Возвращаясь обратно по Приморской дороге мимо финских хуторов Терийоки,



*Памятник
Микаэлу Агриколе.
54 км Приморского шоссе*

Тюрисева, Ваммельсуу, Иннокюля, Сяйвисто, дипломат Агрикола почувствовал себя больным. Возможно, московские бояре угостили его недоброкачественной едой. Как жаль, что вдоль Приморской дороги в те времена еще не было здравниц! Там бы непременно вернули к жизни Микаэла Агриколу. В его последнем пути 9 апреля 1557 года

скрывается какая-то тайна, которая ждет своего толкователя.

Место преждевременной смерти М. Агриколы финны превратили в памятник нашей общей истории, в котором достойно увековечено имя великого просветителя.

На Приморском шоссе расположен поселок Ушково (быв. Тюрисева). Этот небольшой поселок с самым красивым пляжем «Детский» сохранил за собой пра-

во принимать на отдых и лечение маленьких жителей Северной столицы.

В поселке Смолячково в старину находился большой финский хутор с красивым романтическим названием Лаутаранта, что в переводе с финского означает Тёсовый берег. Здесь существует легенда о большом гранитном камне, стоящем рядом с Приморской дорогой. На камне высотой более двух метров четко выбито только слово «Февраль». Когда-то местные жители хотели установить памятник павшим жителям и бойцам Белофинской войны 1918 года. Кровавые события малоизвестной для нас войны запечатлены только названием месяца. Возможно, непредвиденные обстоятельства помешали увековечить точную дату трагедии. Сегодня жители и гости Смолячкова имеют возможность увидеть камень-памятник в пре-



*Архитектурный ансамбль на «Марьиной горе».
Фото 1930 года*

красном прибрежном парке, созданном муниципальным советом поселка Смолячково.

В поселке Молодежное (быв. Метсякюля, что в переводе означает Лесная деревня), есть своя достопримечательность – Марьина гора. По дорожкам старого парка здесь гуляют жители и гости поселка, отдыхающие санатория «Черная речка», баз отдыха «Маяк», «Балтика», «Балтийский берег» и других здравниц.

Памятник русской писательнице Марии Всеволодовне Крестовской (1862–1910) одиноко стоит среди сосен на высоком обрыве. Под обрывом шумит Черная речка, унося свои воды в Финский залив.

У поселка Молодежное древняя история. Несколько сотен лет тому назад, по финской легенде, сильный и бурный поток этой реки размыл крутые склоны древнего хребта Эйрэниэ и понесся в море. Сегодня древнее Лотариновое море мы называем Финским заливом. Но старое море было намного шире и полноводнее сегодняшнего. Следы присутствия Лотаринового моря сохранились вдоль Приморской дороги. Особенно четко выделяется выступ древнего берега в поселке Серово (быв. Ваммельсуу). С незапамятных времен почти по самому обрыву проходит прогулочная тропа, названная на французский манер «Корниш», что означает в переводе «берег моря». Еще не так давно, сто и более лет назад, на «Корнише» в летнее время собиралось много дачной публики. С подзорными трубами, с парусиновыми летними зонтиками, с тросточками, поодиночке и группами сюда поднимались чтобы любоваться красивыми видами и заливом. «Корниш» остается

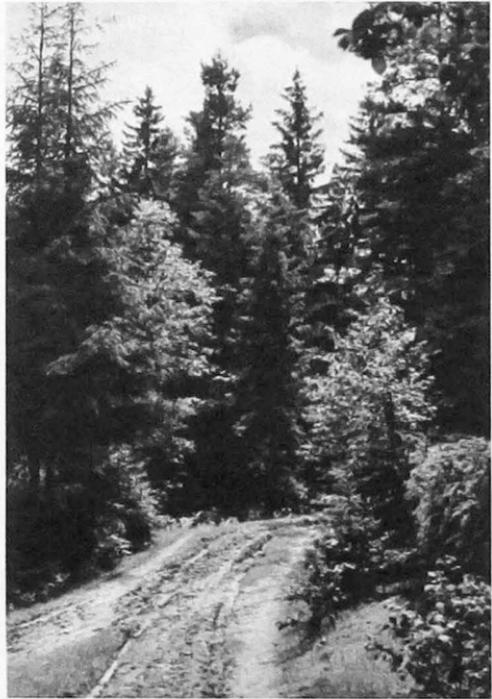
по сей день местом традиционных вечерних променадов с созерцанием закатов.

От беспокойствия древней стихии остались округлые земляные террасы – камы. Они тремя параллельными линиями спускаются к Приморскому шоссе с правой стороны дороги (напротив остановки у санатория «Черная речка»).

Большую часть современного поселка Молодежное в древности занимало море.

Творение древней стихии оставило в устье Черной речки длинный и глубокий фиорд, напоминающий рог быка. Берега реки были высокими, да и сама речка бурной и полноводной. Водяная мельница стояла и до сих пор стоит на одном из ее берегов. К ней ведет сельская дорога. По реке сплавлялся лес и перевозились товары.

Карельский перешеек, богатый реками, озерами и водами Финского залива, считался рыбным краем. Рыба была основным продуктом питания местных жителей. Ее коптили, солили, вялили и запасали впрок. По сезонам ловили ряпушку, корюшку, миногу, щуку,



Лесные дороги Метсякюля



Берег залива. Открытка 1935 г.



Тянущие невод. Открытка неизвестного художника 1910 г.

салаку, судака, леща, сига, окуней, плотву и даже угрей. Рыбалка осуществлялась как в одиночку, семейным подрядом, так и артельно. Все стадии лова по карельским обычаям сопровождались определенными ритуалами. Рыбаки не брились перед рыбалкой, не надевали чужой или новой одежды, боялись встретить по пути к морю старую женщину. Перед тем как идти на промысел, смотрели на огонь в печи, окуривали себя дымом – отгоняли злых духов, очищались. Для удачи в шапки зашивали крестцовую кость от когда-то пойманной большой рыбы.

Финский залив и Черная речка кормили людей. Сейчас рыболовы-любители забыли обряды, верования, поверья, и возможно поэтому промысел рыбы в Невской губе Финского залива практически сошел на нет. Но бывалые рыбаки и сегодня предпочитают хлебать уху из миски без ложки, со свистом и причавкиванием, отдавая дань памяти старым языческим традициям

Бывали тяжелые времена холода и голода, когда малочисленные карельские хутора уходили на другие земли. Переселенцы становились тверскими и московскими карелами.

Стоит посмотреть распил старого дерева, где годовые кольца расскажут о природных катаклизмах, засухе и дождях, холоде и добром лете. Деревья – немые свидетели истории – хранят молчание. На Карельском перешейке, в Зеленогорске и окрестностях, сохранилось лишь немного древних дубов, лип, лиственниц, реликтовых кедровых сосен. Но одна из разновидностей ивы названа терийокской, так как местом ее произрастания была карельская земля.



*Дорога в Ваммельсуу.
Фото Леонида Андреева*

Сейчас ивовые аллеи можно увидеть в Белоострове, Сестрорецке, Зеленогорске и в Центральной Финляндии. Ее крона похожа на шар или какой-то округлый предмет. Веточку от этого дерева привез в Хельсинки неизвестный нам белогвардейский офицер, и там из нее русские эмигранты вырастили большое дерево и засадили ростки по всей стране, как память о родине.

Карельский перешеек еще недавно был богат лесом, камнем, водой. Его равнины использовались для земледелия и скотоводства. Природная тишина побережья весной нарушалась трелями бесчисленных птиц. Многие из пернатых становились объектами охоты местных жителей – в особенности куропатки и тетерева.

Земли перешейка в старину были местами обитания полудиких лошадей. Из шкур диких зверей люди шили одежду, ими же утепляли свое жилище. В холодные зимы у домашнего огня грелись как люди, так и домашний скот.

В здешних лесах еще водились хищные звери: волки, медведи, рыси. Карелы ограждали свои жилища от нежданных гостей – зверей, втыкая в землю остроконечные колья с левым наклоном. Таким образом они и по сей день возводят заборы.

Дома местные жители возводили на сухих, возвышенных местах, если рядом были река и дороги. Жителями финских деревень побережья становились в основном земледельцы. Население немногих рыбацких деревень, по преданиям, происходило от потомственных рыбаков – с Березовых островов и с противоположного берега залива. Эти деревни были также расположены «на горках» – Тюрисева, Метсякюля, Терийоки и другие.

Избы были похожи друг на друга. Под фундамент домов укладывали обычные камни с берега Финского залива, при постройке придомовых зданий – более мелкие камни, скрепляя их глиной.

Камни – отдельная тема в истории Карельского перешейка. Большая часть его территории усеяна валунами или так называемым ледниковым щебнем. Берега Финского залива, за исключением редких песчаных пляжей, обрамляют россыпи угловатых и округлых обломков гранита и гнейсов. Эти камни ледник притащил из разных мест Скандинавии. Глядя на царапины, вкрапления, штрихи и рисунки на камнях, можно много фантазировать. Но камни – немые свидетели истории – не умеют рассказывать. Еще не прочитана страница геологической летописи Карельского перешейка. Среди камней-валунов можно насчитать более десяти разновидностей гранита и гнейсов. Один из сортов мы

хорошо знаем. Им одеты берега Невы, и он называется «раппакиви», что в переводе с финского означает «гнилой камень». Такое название дано камню за его способность выветриваться и разбиваться в щебень. Гранит для строительства Петербурга добывался в каменоломнях Финляндии. Так, творение Монферрана, посвященное победе русской армии в Отечественной войне 1812 года, Александрийский столб, установлено в самом сердце Петербурга. Этот символ города на Неве напоминает нам о стране холодных скал. Глыбу гранита для его изготовления провезли на трех баржах вдоль северного побережья Финского залива. Добывали 500 тонн темно-красного гранита в течение двух лет в Пютерлакском карьере за городом Выборгом. Намного ранее была совершена транспортировка постаментов для памятника «Медный всадник» из поселка Лахта. По рассказам старожилов, еще один камень для пьедестала был обнаружен у истока Черной речки. Легенда об этом такова:

– Когда-то большой камень, стоявший у старой финской мельницы на хуторе Кирьявала, служил язычникам-финнам для исполнения ритуалов. Первые надои молока, первый созревший колосок ржи, ягоды, цветы несли богам, надеясь на их милость. Жизнь на Карельском перешейке, обдуваемом ветрами то с Балтики, то с Ладоги, была и осталась не слишком комфортной. Но в родном суровом краю финны зорко оберегали свои капища. Однако прошло время, и пришли русские забрать этот камень. На нем заложили шурфы и взрывом раскололи камень надвое. Но сдвинуть с места языческий камень не удалось. До сих пор огромный замше-

лый валун в лесу на берегу Черной речки с расщелиной посредине напоминает нам о силе ледника, о древнем море, существовавшем здесь много тысяч лет назад, и о человеке, который попытался побороться с природой.

Современный историк-исследователь Константин Сакса рассказал легенду о камнях Карельского перешейка. Она гласит, что в давние времена, когда еще не было реки Невы, вдоль побережья Финского залива мирно проживали народы финно-угорского корня. На южном берегу жили ингерманландцы, на северном – карелы. Эти народы объединяли обычаи, быт, единый язык. Карелы и ингерманландцы роднились между собой, по-семейному отмечали праздники, дружили. Но злые язычники-соседи завидовали этим добрым отношениям и призвали черные силы для того, чтобы разъединить друзей. Необузданная стихия услышала их просьбу. Из огромного озера Нево (Ладожское) вырвался мощный поток воды (река Нева) и разделил берега Финского залива вместе с их обитателями. С разных берегов соседи докричались друг до друга и решили построить мост.

Все камни Карельского перешейка были собраны для строительства моста в устье Невы. И когда мост был почти готов, строители поспешили пивом отметить рукотворное творение дружбы. Праздник был, вероятно, очень веселым, с большим количеством выпитого пива. Поутру, когда карелы и ингерманландцы проснулись, то с удивлением обнаружили, что Нева своим мощным течением разрушила мост. Камни, с таким трудом собранные со всего Карельского перешейка, до сих пор обрамляют берега Финского

залива. Моста, соединяющего его берега, до сих пор не существует, а камни ждут своего предназначения.

Забегая вперед, отметим, что территорию Карельского перешейка шведы считали своей, новгородцы – своей, и собирали дань с карел, как правило, мехами. Суровые викинги имели обыкновение просто грабить население побережья. С того времени народы финно-угорского племени селились подальше от моря, на берегах рек. В момент опасности люди спасались от рабителей на небольших плотках.

Упоминания о людях, заселявших земли вдоль Финского залива, историки находят в шведских переписях середины XVI века. На этот момент Северное побережье входило в Выборгский лен Шведского королевства. Управлял страной король Густав Ваза как собственным имением. В помощь королю была создана канцелярия, которая занималась сбором налогов, вела учет жителей и издавала законы.

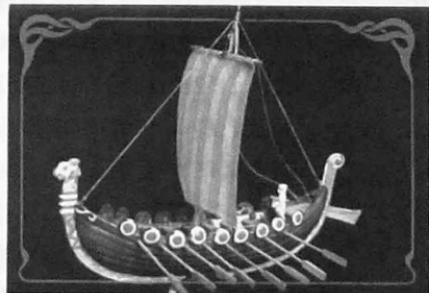
По сей день в своды законов скандинавских стран входит древнее Макдебургское право, или так называемое «Право каждого». Узаконенное Густавом Вазой, оно гласит, что «...по дорогам, лесам и нераспаханным полям, на которых нет посадок, разрешается проход, проезд, сбор грибов и ягод, купание в озерах и водоемах...». Жаль, что у нас сегодня нет такого права!

Первое упоминание Метсякюля в шведских источниках встречается задолго до начала Северной войны, когда в устье Черной речки образовался крупный торгово-транспортный узел. Древняя гавань сохранилась только на шведских картах. Существует предпо-

ложение, что в этой гавани скандинавские и новгородские купцы перегружали товары с крупных морских судов на маленькие речные по пути в озеро Нево (Ладожское). Черная речка берет свое начало при слиянии речек Рошинки и Гладышевки. Эта водная магистраль имеет длину девять километров и была одним из девяти известных путей «из варяг в греки». Шведы называли речку «путем Святой Бригитты», финны – Ваммельоки, что означало «бухта, защищенная от бурь». Возможно, что викинги подплывали к берегам Черной речки на темных драккарах. Лодки-«драконы» – особая тема в истории Скандинавии. Эти суда поя-



Струг новгородский



Драккар шведский

вились в XIII веке и были властелинами Финского залива. Особенность строения драккара – необычный киль. Днище судна по строению переходило в высокий гребень, придавая ему быстроходность и устойчивость. На воде лодки были похожи на сказочных птиц, летящих над водой. Новгородская флотилия состояла из парусно-весельных стругов и воевала со шведами в акватории Финского залива. Сегодня акватория залива стала намного меньше.

Как говорят ученые, причина изменения географических границ Карельского перешейка – подвижность Балтийского щита. В результате тектонических процессов северное побережье Финского залива с каждым годом поднимается на 1–2 сантиметра. Балтийское плато медленно выправляется от вдавившего его ледника, и залив становится мелководнее год от года. Еще недавно Невскую губу Финского залива называли «Маркизовой лужей». Такое название акватории дал француз Гекер де Траверсе. Маркиз избежал расправы на родине во время Французской революции и, сбежав в Россию, сделал удачную карьеру при дворе Екатерины II. Но у него сохранилась привычка к французским праздникам, которая позволила ему устраивать пышные парады на судах в Финском заливе. Сегодня о маркизе вряд ли кто вспомнит, а вот название «Маркизова лужа» закрепилось у жителей Северной столицы.

Но не только шумные фейерверки нарушали покой над акваторией Финского залива. Случались здесь и войны, которые были довольно частым бедствием для жителей Карельского перешейка. Ореховицкий мир, заключенный после военных конфликтов между шведами и новгородцами, был назван в истории «вечным договором». По этому договору шведские и новгородские суда могли беспошлинно следовать по акватории Финского залива и Ладожского озера. Возможно, корабли других государств платили налоги. Таможенный пункт Ваммельсуу находился на самом краю длинного песчаного мола, созданного когда-то природой. Сегодня этой прогулочной тропой, выло-

женной камнем, пользуются отдыхающие санатория «Черная речка», местные рыбаки, туристы. Они могут увидеть торчащие из воды камни, которые, по легенде, являются остатками большого острова, стоявшего в устье речки. Этот безымянный остров был обитаемым, но в результате стихии еще до появления шведского названия речки именем святой Бригитты остров ушел под воду. Каким образом и когда оказалась здесь монахиня, история умалчивает. И была ли она сама здесь, неизвестно. Легенда гласит, что на одном из берегов Черной речки ею был основан монастырь. Могла ли предположить шведская подданная, что ее именем назовут речной путь и в истории Скандинавии она будет отмечена преданным служением католической вере.

Имя святой Бригитты еще раз зазвучит в бытность Петра I в 1721 году. Русский царь – любитель древностей и редкостей – узнает о необыкновенной находке вблизи Рима – античной скульптуры обнаженной женщины. В Рим был послан капитан Юрий Кологривов договориться о сделке, которая заключалась в обмене мощей святой Бригитты, якобы оставленной шведами в Ревеле (Таллине), на скульптуру названной Венерой, хотя, как утверждают историки, мощи святой монахини по сей день находятся в городе Вадстен (Швеция). Папа Римский Климент XI – также ценитель искусства и древностей – не смел отказать первому российскому императору. Мраморная нагая Венера Таврическая была предметом долгого обсуждения и насмешек, но по сей день красуется в Эрмитаже не только как античное произведение, но и как память

о скромной монахине Бригитте и ее роли в международном культурном обмене.

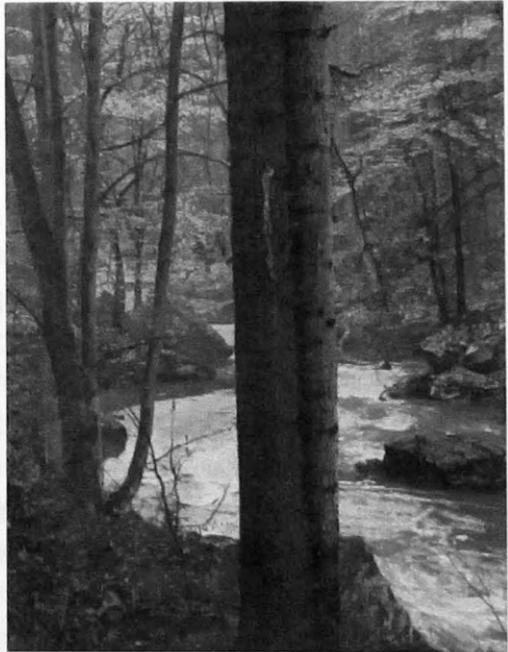
Но войны со шведами продолжались. Весной 1790 года в Невской губе, напротив мыса Красная горка, остановилась эскадра шведского флота. Корабли шли в Петербург вслед за тающими льдами, чтобы объявить Екатерине II, что отныне Россия лишается земель, отвоеванных у шведов Петром I.

Русский император успел превратить страну в морскую державу, тем самым создал условия для решения стратегических задач и торговли с заморскими странами. До Петра завоевать Балтику безуспешно пытались все русские цари, начиная с Ивана III, – Иван Грозный, Борис Годунов, Алексей Михайлович. Завоеванные земли Карельского перешейка русский император раздавал щедрой рукой своим сподвижникам. Адмиралу Корнелиусу Крюйсу даровал земли в волости Уусикирко, где протекала Черная речка. По легенде, сам Петр I побывал на берегах Черной речки летом 1710 года. Когда он возвращался с празднования победы над шведами в Выборге, его кортеж остановился на берегу реки Ваммельсуу (ныне Черная). Здесь Петр I по обыкновению начал исследовать леса и выискивать редкие породы деревьев. Не обнаружив таковых, он произнес следующие слова: «Сколько ни еду, а не узрел ни одной сосны, годной для мачты... Вот где надо бы посадить дубы». Идея о разведении корабельных лесов рядом с Петербургом преследовала императора всю его жизнь. Его благие намерения о защите лесов стали наукой – экологией. Особенно трепетно император относился к дубам.

Уничтожение одного такого дерева каралось смертной казнью. В память о пребывании Петра на берегах Черной речки местными жителями был посажен дуб.

Позднее, в 1738 году, рядом с легендарным деревом немецкий лесовод Фогель подобрал и посадил экспериментальным методом лиственничную корабельную рощу. Почему была выбрана лиственница, а не дуб, понять просто. Лиственница растет быстро, а дуб – медленно. Россия, как молодая империя, нуждалась в отборном лесе. Нужно строить корабли, суда, мосты, дома и торговать лесом. Из лиственницы получается крепкий строительный материал, не поддающийся гниению.

Единственный недостаток этой древесины – в воде лиственница тонет и ее можно переплавлять только на плотках. Корабельные верфи Кронштадта были готовы принять материал для строительства российского флота. Черная речка стала той транспортной артерией, по которой сплавляли лес. На правом берегу реки была лесопилка, где



*Исток Черной речки.
Почтовая открытка*

заготавливали доски и дрова. Все мужское население Метсякюля работало на этом предприятии. Но обрабатывать деревья с лиственничной роши не пришлось. Пока лиственницы росли, металл вытеснял дерево из кораблестроения.

Сегодня лиственничная корабельная роша является памятником русского лесоводства и радуется своей неповторимой красотой. Попадая в рошу, вспоминаем слова Петра I: «Я оставлю пример прочим, чтоб, делая то же, потомки со временем строили из них корабли. Не для себя тружусь, пользу государству впредь». Возвращаясь к временам Петра I, узнаем, что, проезжая по Карельской земле, император заметил худую обувь своих новых подданных. По его указу на хутора были посланы лучшие русские лапотники. Под строгим присмотром местных священников мастера обучали финских крестьян плести лапти. Так государь проявил заботу о здоровье своих финских подданных.

Карельский перешеек стал постепенно переходить под корону российской империи. Земли перешейка были малозаселенные. Издавна крестьяне здесь жили деревнями, и земля обрабатывалась по единому общинному распорядку. Отдельные дворы – хутора располагались на расстоянии ввереной земли. Равнины использовали для земледелия и скотоводства. Жители перешейка занимались гончарными и кузнечными ремеслами, лесозаготовками, обрабатывали лен, учили детей. Особенно трепетно каждая семья относилась к сохранению исторических традиций и к народным праздникам.

На Карельском перешейке звучала шведская, русская и финская речь. О «сладоcти» языка лесной карелы, о звонкой игре его звуков с восхищением писал русский поэт Федор Глинка. Он, полюбив Финляндию, обращается к фольклору. Народные скандинавские герои и их подвиги, исторические события и предания старины послужили основой творчества русских поэтов: А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Я. П. Полонского и других. Многие из поэтов за вольнолюбивую поэзию и демократические взгляды были сосланы в Финляндию – в так называемую «подстоличную Сибирь». Русские говорили о язычниках-финнах с опаской: «В лесу живут, пням Богу молятся». В Петербурге финнов за глаза называли чухонцами, но иногда с уважением – ингерманландцами.

Для жителей северной столицы финны были самыми близкими по духу из всех обитателей российских окраин. Журналист Бахтиаров писал: «В Петербурге чухны – явление самое обыкновенное... Всюду в городе встречается угрюмый пасынок природы – чухонец». Но у этих «пасынков природы» цивилизация появилась раньше, чем в России. Велосипеды, телефоны, фотоаппараты были во многих финских семьях. Петербужцы, побывав в Финляндии, рассказывали друг другу об особенностях финской бани.

Жители финских хуторов были приверженцами ежедневной бани. Женщины и мужчины одной семьи мылись вместе, что очень смущало русских. Зимой после жаркой бани бросались в снег с визгами и воплями, летом – в воду. Бани, в отличие от добротных домов, были низкие, черные, с одним маленьким око-

щечком. Две трети финской бани занимала печь, роль которой выполняла груда закопченных булыжников с берега залива. На полу стояли ушаты с водой. Так как потолок был низкий, то чаще всего мылись согнувшись, распрямиться было невозможно. На уровне головы стоял сильный жар, а на полу ноги чаще всего мерзли. Воду наливали на булыжники, они шипели, как сотни змей, создавая невыносимую жару и заставляли многих выскакивать из бани. Хорошая банная традиция сохранилась у финнов по сей день.

Петербуржцы не только отдыхали на Карельском перешейке, но и перекупали земли у крестьян, вкладывая свой собственный капитал в финскую землю. Так в деревне Метсякюля большинство земель вдоль побережья залива и Черной речки принадлежали уже русским господам. И красивое русское слово «имение» прижилось на финской почве, где существовали свои законы несмотря на русское подданство. Николай I резко отозвался на критические замечания о необходимости руссификации власти в Финляндии следующей фразой: «...Оставьте финнов в покое. Финляндия – единственная провинция моей большой державы, которая за все время моего правления ни на минуту не причинила мне беспокойства или неудобств».

Постановлением Финского Сейма от 16 февраля 1891 года все российские граждане, кроме евреев, смогли приобретать недвижимость в Великом Княжестве Финляндском. На 1909 г. в Выборгской губернии числилось 2273 собственника из России.

ДАЧНАЯ МОЗАИКА

О существовании загородных домов мы узнаем из воспоминаний, художественных произведений, фотографий и кинохроники. Наше любопытство привлекают заросшие аллеи парков, старые фундаменты, фрагменты дачных фонтанов и лестниц. В творчестве известных поэтов, писателей и художников загородная жизнь сыграла яркую роль. Издавна любимые места отдыха Карельского перешейка носили древние финские названия: Терийоки, Куоккала, Тюрисевя, Метсякюля и т.д.



Дача в Тюрисевя. Начало XX века

Все эти поселки вошли в историю благодаря проживанию в них известных людей. Проводить лето в Финляндии входило в обычай многих обитателей столицы. В Петербурге появился вокзал, построенный в 1870 году архитектором Петром Купинским и получивший название Финляндский.

Для Финляндии и России легендарно имя Евы Авроры Шарлотты Шернваль-Демидовой-Карамзиной (1808–1902). Она прожила долгую, наполненную драматическими событиями жизнь. Ее биография – живая история России и Финляндии – стала предметом романтического прошлого и историческим достоянием двух стран. Необычайную судьбу, красоту, ум и доброту Авроры Карамзиной описал Сергей Шульц в документальном романе «Аврора».



*Карл Брюллов.
Портрет Авроры
Демидовой*

Аврора Карамзина родилась в финском городе Пори в 1808 году, детство провела в Выборге, юность – в Петербурге. Ее первое замужество в ноябре 1836 года праздновалось как в Петербурге, так и в родном Гельсингфорсе с необычайным размахом, роскошью и фейерверками. В качестве свадебного подарка муж Павел Николаевич Демидов (1798–1840) преподнес Авроре знаменитый алмаз Санси,

один из крупнейших в мире. Художник Карл Брюллов пишет портрет красавицы Авроры Демидовой в 1838 году. Блистательная Аврора была не только украшением императорского двора. Имея щедрую душу, она занималась благотворительностью. Ею были созданы школы для бедных детей, столовые, родильный дом, богадельни, а также фонд для инвалидов. Добрые дела Авроры до сих пор помнят в Нижнем Тагиле, на родине ее мужа Демидова. Аврора прожила долгую жизнь, потеряв всех, кого пламенно любила: жениха, двух мужей, сына, и всегда находила в себе силы начинать жизнь заново. Судьба подарила ей внуков и правнуков. Ее внук Анатолий Павлович женился на Софье Климентьевне Подменер – дочери Климентия Григорьевича Подменера, одного из богатейших людей Петербурга, руководителя Русского банка внешней торговли. Он имел собственное имение в Финляндии, где и родились его три внучки: Елена, Евгения и Аврора – правнучки Демидовой-Карамзиной.

Девочки росли и проводили лето в загородном доме деда Климентия Поменера на берегу Черной речки. Об этом доме писал русский писатель Леонид Андреев в своем дневнике. Девочкам при рождении дали родовой титул – княжны Сан Донато. Они получили прекрасное образование в Петербурге. Молодые, красивые и талантливые правнучки Авроры Карамзиной после революции долгое время проживали в своем родовом имении на Карельском перешейке. Все три вышли замуж за французов и покинули берега Черной речки, так называемую «Дачу Подменера».



*Дача М.С. Воронина.
Арх. П.П. Бук. 1909год*

Надо заметить, что место для строительства дома Климентий Григорьевич выбрал необычное: высокий песчаный берег над Черной речкой. Вначале здесь были только дюны, поросшие шиповником и осокой, да несколько крепких низкорослых сосен с поднявшимися над песком корнями. Хозяин дома решил разбить

здесь парк. Со всех оранжерей города сюда привозились интересные и редкие растения. Более ста видов деревьев, кустарников, трав прошли здесь вековую проверку на выносливость и приживаемость. Сегодня от парка нам остались только липа, лиственницы, клены и березы, которые до сих пор помогают людям в восстановлении здоровья, дают силы и вдохновение. Живительные силы природы Карельского перешейка были и остались основным фактором здоровья и душевного равновесия.

Первые сведения о здравницах на этой земле относятся к концу XIX века. Женщина-врач М.М. Волкова в 1909 году открыла «санаторию для толстых». Тогдаш-

ний журнал «Огонек» дал характеристику местности: «По живописной проселочной дороге на быстрой финской лошадке вас... доставят в местность, расположенную на берегу озера. Под будущую санаторию пока отведены три большие дачи, почти скрытые одна от другой густым сосновым лесом... Вероятно, в расчете на большое количество пациенток, для дам отведены две дачи, а для кавалеров – одна... Из специальных приспособлений пока построено помещение для воздушных ванн и гимнастики без костюмов, баня, в которой толстяки будут два раза в неделю омываться горячей водой, и аппараты для паровых ванн». Судя по всему, новое заведение получилось очень востребованным.

По сей день туристы, приезжая на побережье Финского залива, интересуются историей, жизнью и творчеством тех, кто оставил свой след в русской Финляндии. Искать на картах название «русская Финляндия»



К. Булла. Мужские игры. 1910 год



*В Терийоках на пляже.
1937 год*

бесполезно, ибо это понятие не географическое, а историческое. Так в позапрошлом веке называли Терийоки и окрестности. Первый план благоустройства был разработан еще в 1883 году, а через семь лет создается Акционерное общество благоустройства дачной жизни в поселках Терийоки, Метсякюля, Тюрисевя, Ваммельоки.

Удивление русских господ вызывала не только скалочная природа: «...отдыхающие в Финляндии, обнаружили здесь прелюбопытный факт – нет пьяных людей. Вот чего не хватало петербургской публике – привычного лицезрения. Где приветливый домик с елкой на палочке, где кабак или хоть лавка? Их в деревнях нет. Финские крестьянские общины запретили продажу вина и пива. А уж если кому захочется побаловаться пивком или вином, то надо приехать в Терийоки. Только там вино продавали оптом не менее 2 литров (или 5 бутылок в руки). Ну а за пивом приезжали на пивной завод, который также находился в поселке Терийоки.» Менее 12 бутылок в руки пива под маркой Т.Т. не продавали, так как торговля была только оптовой. В каждой деревне обязательно было создано «общество трезвости». Позднее была упразднена таможенная пошлина на ввоз алкоголя в

Финляндию, на каждой станции в буфете и трактирах, рюмочных и кабаках можно было приобщиться к Бахусу. Но все же большинство петербуржцев приезжали сюда за здоровьем.

В 1908 году в Терийоках было 1400 дач, 44 улицы, не считая переулков. Большинство из них было снабжено электричеством. Летние дома называли дачами, виллами, имениями и усадьбами. Владельцы загородной собственности или арендаторы чаще называли их по своей фамилии или именами членов семьи.

Одним из собственников земли был выдающийся терапевт, основоположник клинической медицины Сергей Петрович Боткин. Он построил собственное имение в 27 километрах от Терийок на берегу озера Риескьярви (ныне Тарасовское), в местечке Пяятила. Дом получился роскошным и вместительным – два



Terijoki

Vammelsuu.

Мост через Черную речку. Почтовая открытка. 1909 год

этажа. Одним из первых Сергей Петрович, обживая русскую Финляндию, построил школу для финских детей. Период творческой деятельности доктора пришелся на знаменитую для России эпоху реформ 70-х годов XIX века. На своей даче он продолжал заниматься изучением физиологии человека и написал на эту тему множество научных работ. После этих публикаций медицину стали рассматривать как «приложение естествознания к вопросу о сохранении и восстановлении здоровья человека». В письмах с дачи он с гордостью подписывал адрес: «Финляндия. Пятила, собственная дача Боткина».

В 1893 году в Терийоках на берегу залива появилась новая дача. Имя ее хозяина – финского подданного Рафаэля фон Хаартмана было хорошо известно. Сотни петербуржцев работали на его предприятии «Русское общество машиностроительных заводов», финское население столицы обслуживало созданное Хаартманом «Общество Финского легкого пароходства»: на его судах осуществлялись перевозки по рекам и каналам. Первые трамвайные пути по льду Невы – тоже заслуга этого человека. Свою новую дачу на берегу Финского залива хозяин называет в честь красавицы жены – «Алиса».

Хозяйка дачи Алиса Пинелло, в жилах которой текла голландская кровь, прижилась в неласковом питерском климате. В семье было три сына и младшая дочь Марта. Романтическое название дачи «Вилла Алиса» было окружено ореолом любви и семейной идиллии.

Дача была не особо велика, но очень красива. В ней располагались двенадцать комнат для господ,

несколько балконов и две большие веранды. Перед домом была площадь, а на ней установлен высокий флагшток. На флагштоке развевался флаг с изображением фамильного герба фон Хаартманов, когда хозяин был дома. В его отсутствие поднимали флаг Финляндии, входившей в состав Российской империи на правах автономии, как Финляндское княжество.



*Рафаэль фон Хаартман
(1832 – 1902)*

Вокруг дачи был разбит парк с теннисной и крокетными площадками, в двух огромных оранжереях росли экзотические цветы и травы, персиковое дерево приносило плоды, несмотря на лютые морозы. Оранжереи обслуживали садовники из Терийок, которые, поддерживая в них тропический климат, не упускали случая рассказать друг другу о необычайном имени и сказочно богатом хозяине дома. Хаартманы гордились собственным причалом, где была пришвартована яхта «Гарри», названная в честь старшего сына. Летние месяцы все мальчики проводили в море,



Альберт Эдельфельт. «Портрет красавицы»

осваивая флотское ремесло. Вместе с отцом – капитаном они совершали дальние путешествия. Позднее дочь Марта напишет свои воспоминания. В книге «Гонимые ветром» описана история семьи Хаартманов и дачи «Алиса»: «Это было чудесное место вблизи Финского залива, окруженное прибрежными соснами и дюнами». В 1895 году жители Терийок знали, что у фон Хаартманов гостит известный финский художник Альберт Эдельфельт (1854–1905). Им были написаны портреты императора Николая II, великих княжен и царевича. Настало время и для хозяйки имения. В качестве рабочего помещения Эдельфельт избрал зал, где солнце светило целый день, а морской ветер приносил в открытые окна освежающую прохладу. Художник сам дает название портрету, который по сей день находится в финском консульстве Стокгольма, назвав его «Портрет красавицы».

Алиса блистала в роли хозяйки собственного салона, в котором ежедневно собирались гости. Друзьями Хаартманов и частыми гостями их дома была чета Картавцовых. Сын Картавцовых,



Чета Картавцовых Всеволод и Марта. 1917 год



Имение «Мариоки». Почтовая открытка Общества Святой Евгении. 1910 год

выпускник I-го Морского кадетского корпуса, позднее станет мужем Марты Хаартман.

Собственное имение Картавцовых «Мариоки» находилось на берегу Черной речки, в 14 километрах от «Алисы» по Приморской дороге. Понятие имения и усадьбы включало в себя все, что поддерживало жизнеобеспечение людей. Это господские дома, мастерские, хозяйственные пристройки, бани, ледники, экипажные сараи, конюшни, система водоснабжения, отопления и многое другое. Отличительной особенностью каждого имения были сады и парки, горки, пруды и фонтаны, которые носили исторические или библейские имена. Лестницы, укромные беседки и гроты чаще всего назывались романтически или даже интимно. Мраморную лестницу из 76 ступеней в парке имения «Мариоки» на-



«Лестница грешниц». До 1939 года

звали «Лестницей грешниц». Среди дачников и местных жителей существовало поверье, что, если согрешившая женщина поднимется на коленях до самого верха без участия посторонних лиц и желательно на рассвете, то всевышние силы отпустят все ее грехи. На грешницу снисходило спокой-



На той же лестнице . 1958 год



*М.В. Крестовская.
Студия Е.Л. Мрозовской на
Невском. 1903 год*

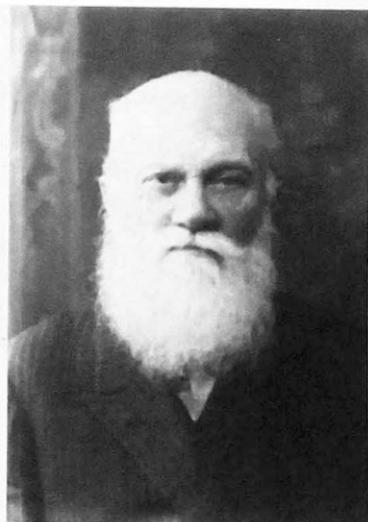
ствие и благодать, и далее она жила с чистой совестью.

Ну, а безгрешные дачники собирались каждый вечер в беседке над лестницей, чтобы наблюдать закат. Это было обязательным ритуалом в жизни дачников. Здесь они хвалили хозяйку «Мариок» Марию Всеволодовну Крестовскую (1862–1910), мечты

и планы которой послужили основанием для создания имения. В Петербурге знали и многие любили русскую писательницу, актрису, дочь Всеволода Крестовского, владелицу загородного имения в Финляндии. Существовала определенная мода на чтение ее лирических произведений. Они доносят до читателя мир ее переживаний, впечатления от путешествий и философские размышления о роли женщины в обществе. Главная героиня ее романов чаще всего была актрисой, и, читая их, мы узнаем о быте и нравах позапрошлого века.

Мужем Крестовской был Евгений Эпафродитович Картавцов (1850–1932) – действительный статский советник, экономист, писатель и просто хороший человек. На его средства в 1894 году возвели загород-

ный дом (архитектор Евгений Петрович Вейнберг). На семейном совете было принято решение назвать имение в честь хозяйки. Но как дань признательности за гостеприимство Финляндии, в названии «Мариоки» прозвучала финская фонетика. Вид дома остался только в фотографиях. Община «Святой Евгении» выпустила почтовые открытки с видами имения, на них мы видим двухэтажный дом с высокой смотровой башней,



*Е.А. Картавцов –
Фото 1914 года*



Цветущее имение «Мариоки» в 1903 году

построенный в модном тогда стиле «Фахверк». Вертикальные и горизонтальные панели белого и коричневого цветов создавали необычайно красивый вид дома. Большие окна, множество балконов, веранды и террасы с ажурными перилами можно увидеть на фотографиях.

М. В. Крестовская назвала имение «мое маленькое царство». Позднее в дневнике она напишет: «Мариоки были моей мечтой, были моей радостью и, может быть, заставляли жить, когда не было к тому больше сил...».

Первым дачным праздником был ритуал освящения дома, затем праздники цветов, лета, моря. Существовала определенная мода на подобные праздники. Илья Ефимович Репин в своем имении «Пенаты» отмечал день отмены крепостного права. Писатель Леонид Андреев праздновал выход в свет своих но-



*«Мариоки». В кабинете писательницы гость дома
А.Ф. Кони. Архив Пушкинского дома*

вых произведений. Широко отмечались православные праздники, устраивались литературные и музыкальные вечера, поэтические встречи, спортивные «кучамала», маскарады, балы, званые обеды.

В мариокском двухэтажном большом доме с домашним театром отдыхали известные люди. Среди них были: Анатолий Федорович Кони – сенатор, общественный деятель и писатель, Владимир Галактионович Короленко – писатель, Алексей Николаевич Куропаткин – военный министр, Владимир Михайлович Бехтерев – выдающийся русский психиатр, поэтесса Татьяна Львовна Щепкина-Куперник с подругой Александрой Михайловной Коллонтай, ученый микробиолог с мировым именем Сергей Николаевич Виноградский и другие.

Об имени «Мариоки» можно писать бесконечно,



А.Ф. Кони.

Почтовая открытка



Военный министр

А.Н. Куропаткин. 1904 год

и этому дивному месту, у которого был собственный запах – «аромат тысячи роз», посвящено много воспоминаний. Газета «Новое время» от 27 июня 1910 года напечатала статью о М.В. Крестовской:

«... 24 июня скончалась на 48 году жизни, после двухлетней мучительной болезни, в своем имении «Мариоки» в Финляндии известная романистка М.В. Крестовская (по мужу Картавцова). По воле покойной ее похоронили в парке «Мариоки» 26 июня. Дочь автора «Петербургских трущоб» и «Кровавого пуфа», «Очерков кавалерийской жизни», «Дедов» и многих других произведений В.В. Крестовского родилась в 1862 году. Сначала она готовилась к артистической карьере и не без успеха выступала на частных сценах. В литературе ее имя впервые появилось на страницах «Русского Вестника» в 1886-1887 гг., где



*Последний год в Мариоках с любимыми цветами.
Фото из Центрального государственного архива
литературы и искусств*

были помещены ее «Уголки театрального мира» и «Ранние грозы» – произведения, сразу обратившие внимание на талантливую дебютантку. С конца 80-х годов повести и романы ее печатались по большей части в «Северном Вестнике» («Женская жизнь» и др.) и в «Вестнике Европы» (роман «Артистка» и др.). Отдельными изданиями вышли в свет этот роман и «Повести и рассказы» (два издания – 1889 и 1892 гг.).

За последние годы М.В. Крестовская печаталась очень редко, чем отчасти и объясняется то обстоятельство, что имя ее как бы утратило приобретенную популярность, – будучи заслонено зачастую ничего не говорящими русскому сердцу именами писателей новейшей формации, микроскопические дарования которых, конечно, нельзя и сравнивать с ярким талантом покойной романистки».

Довольно верную и меткую характеристику художественного дарования писательницы читаем в последнем издании «Нового времени» за 1910 год:

«... М.В. Крестовская, одна из талантливейших русских писательниц, знавшая быт минувшей эпохи, тесно связанная с ним лучшими сторонами своего таланта и как-то не вошедшая или не сумевшая войти в пеструю и плоскую психологию современности, – начала свою памятку газета. – Последние годы она ничего не писала, незаметно сошла с литературной сцены, но лет 10–15 назад ее рассказы и романы, посвященные преимущественно лирическому воспроизведению женской любви, пользовались огромной популярностью и глубоко волновали тысячи женских сердец. Любовь, как поэтический экстаз творчества

жизни, в глубинах своих соприкасается с величайшими тайнами бытия, дает высшие религиозно-мистические и философские откровения. В период господства пессимистических настроений страстный гимн любви и жизни, раздававшийся со страниц ее рассказов, звал к счастью и свету, вливал чувства бодрости в увядающие и угасающие души. К сожалению, литературный успех писательницы и ее дар психического воздействия на читателя был как бы связан с ее собственной молодостью. Русская «Жорж Санд», она не сумела претворить свои лирические откровения в законченное мирозерцание и отцвела как пышная орхидея, не давши плода. Есть что-то неисчислимо трагическое и в ее преждевременном прекращении так блестяще начатой литературной работы, и в ее ранней смерти. Она не дала всего, что могла и, быть



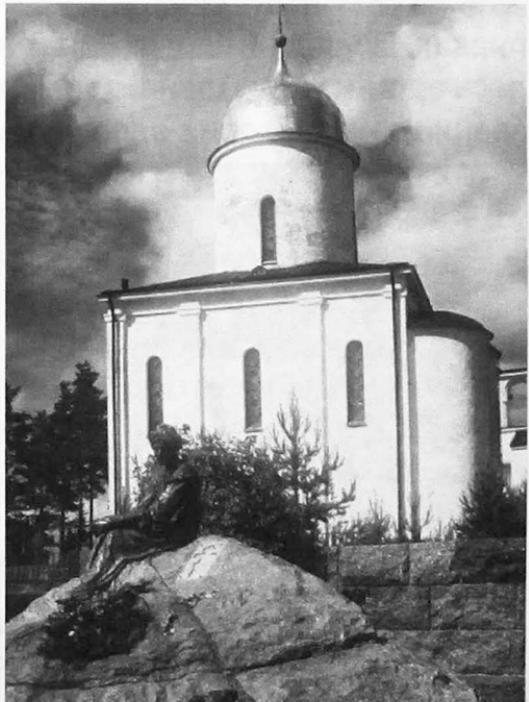
Застывшая в бронзе М.В. Крестовская. 1927 год

может, была призвана дать, судя по богатству и разнообразию ее художественного дарования, но и то, что написано ею, не будет позабыто истинными ценителями русской литературы. Вечная память даровитой писательнице».

Имение продолжало жить и после ухода хозяйки. Ее могила осталась в парке Мариоки среди любимых цветов – сирени и азалии.

Через два года после кончины Марии Всеволодовны, скульптор В. В. Лишев создал бронзовый памятник писательнице с медвежонком. У бронзового медвежонка Вилли

была своя трагикомическая история. Она такова: когда Крестовская серьезно заболела, муж привез из Германии ей плюшевого мишку. И произошло чудо: больной стало лучше. Для медвежонка сделали мебель, кровать, карету. Все, кто приходил в дом проведать больную, обязательно должны были протянуть руку медвежонку и поздороваться, по-



*Марьяна гора. Фото из
путеводителя по Карельскому
перешейку. 1935 год*

говорить. Плюшевый медвежонок становится для угасающей хозяйки больше, чем талисманом. И в завещании Крестовская просит оставить с ней навсегда Вилли. Так у подножия бронзового памятника Марии Всеволодовны Крестовской (по мужу Картавцовой) застыл в бронзе игрушечный медвежонок.

Позднее архитектор Иван Фомин возвел церковь в старом псковском стиле. Торжественно и величественно поднялся церковный ансамбль на финской земле. Все, кто по воле случая оказывался на берегах Черной речки, могли считать, что попали в сказку.

М.В. Крестовская хотела устроить санаторий в Мариоках. Последние годы жизни писательница занималась организацией санатория. Ею было придумано название – «Санаторий-здравница М.В. Крестовской».



Белая церковь. Арх. Иван Фомин. 1916 год

Поэтическая душа М.В. Крестовской, которая была для всех загадкой, осталась навеки на Марьиной горе. Судьба писательницы – романтический ореол, которым оказалась окутанной не только вся ее жизнь, но и существование имения Мариоки. При жизни Крестовской друзья и соседи создали красивую легенду о ней, основу которой заложила она сама. Ее нечаянная любовь к Сергею Николаевичу Виноградскому привлекала романистов, летописцев и тех, кто ненароком набрел на «сюжет» ее жизни и любви.

Вот и финн – уроженец этих мест Вяйно Паю попал под их особый магнетизм. Свои впечатления он опубликовал в одной из финских газет в начале 60-х годов XX века. Вот его воспоминания, названные «Забывтая могила»:

«Белая высокая церковь с золотым куполом была красива не только снаружи, но и изнутри. Посетителей поражало внутреннее убранство церкви – киоты, иконы, паникадила, пятирядный иконостас были покрыты золотом». Справа от иконостаса висела икона «Всех скорбящих радость» (с монетками). Она отличалась от всех икон Богородичного цикла своей историей. К концу XIX века существовало не менее 283 вариантов иконописных композиций, посвященных Богородице. Протограф этой композиции известен с 1643 года и находится по сей день в Москве, в храме Преображения Господня. Икона «Всех скорбящих радость» стала особо почитаемой в середине XIX века и начала новую жизнь в тысячах копий, в тысячах церквей России. В это же время происходит изменение списка первоначальной иконы, где меняется



Один из списков иконы «Всех Скорбящих Радость»

композиция всего сюжета. Этот сюжет пришел в Россию из Святого Афона.

Лик Богоматери на иконе «Всех скорбящих радость» добрый, красивый, умиротворенный. По всей видимости, на Руси во все времена людям было тяжело, поэтому икона как бы выполняла роль психотерапевта-заступника.

В Метсякюля, на Марьиной горе, архитектором Иваном Фоминым и художником И.А. Боданинским была построена одна из самых красивых церквей в Финляндии. При строительстве использованы железобетонные конструкции, изготовленные на местном заводе форта Николаевский (Ино). Бетон становится новым строительным материалом. Сначала он использовался для закладки фундаментов, а затем для строительства стен. Рубеж XIX–XX вв. – эпоха интенсивного применения бетона и железобетонных конструкций. Из этого материала на небольшом заводе форта Ино изготавливались пустотелые бетонные блоки (бетонитовые камни), из которых построили храм.

Декоративное убранство храма было выполнено в псковском стиле XVI века. Высокий золотой купол луковичной формы доминировал над лесным ландшафтом. Звонница в пять колоколов была частью декоративной ограды, похожей на мона-



Звонница в пять колоколов



Арх. ансамбль «Марьяна гора». Почтовая открытка

стырскую. Получился один из красивейших архитектурных ансамблей, куда вошел и памятник М.В. Крестовской. Созданное заботами Е.Э. Картавцова, гармоническое сочетание архитектуры и пейзажа получило романтическое название «Марьяна гора». При храме была построена церковная школа, дом для служителей церкви и хозяйственные помещения.

Стараниями местных жителей, а также строителей храма был создан комитет по работе церкви. Священным Синодом была утверждена отдельная смета на содержание храма – 1200 рублей в год, из которых 800 рублей составлял оклад священника и 400 – псаломщика. Другие должности в храме были распределены среди членов комитета и прихожан – жителей поселков Метсякюля и Ваммельсуу – на общественных началах.

Если в бытность Крестовской ее давний друг Алексей Николаевич Куропаткин часто гостил в их доме, то когда хозяйки имения не стало, он принял участие в строительстве православной церкви в память Марии Всеволодовны. В священном Синоде в 1913 году вдовцом было заявлено о создании Комитета по ор-

ганизации церкви, куда вошел и отставной генерал Санин. Императором Николаем II были пожалованы деньги на строительство церкви в имении Евгения Эпафродитовича Картавцова. Строительство шло замедленными темпами, так как 1 августа 1914 года началась Первая мировая война. Она нарушила отдых многих горожан. Дачники поспешили выехать в более безопасный Петербург, подальше от моря. Все, кто остался на побережье, были панически напуганы слухами о немецких подводных лодках, которые ожидалось в мелководном Финском заливе.

Но в начале августа 1916 года все же состоялось торжественное освящение церкви в честь иконы Богоматери «Всех скорбящих Радость». Храм был освящен митрополитом Выборгским и Финляндским отцом Сергием (Страгородским) (1867–1944). Об этом замечательном человеке следует сказать особо. Газета «Церковный общественный вестник» в 1905 году так охарактеризовала его: «Высокопреосвященный Сергей ни у кого не заискивал. Что касается отношений его к земным выгодам и преимуществам, то оно является истинно монашеским... финское жалование он не получает на руки, а все целиком передает на Карельскую миссию». Образ жизни отца Сергия был простой и непритязательный. Он прожил трудную жизнь. И если при Временном правительстве Сергей был единственным, кого оставили в составе Синода, то при новой советской власти он четыре раза отбывал наказание в лагерях и тюрьмах. Биографии отца Сергия хватит на несколько томов жизнеописаний. Сила молитвы и по сей день помогает тем, кто

посещает храм иконы Казанской Божией Матери в Зеленогорске. На Марьиной горе, над руинами освященной церкви, плачет невидимый для нас ангел, который ждет возрождения собора...

До войны, в дни церковных и государственных праздников, вся округа оглашалась колокольным звоном. Перед обычными службами также звучал колокол, но по праздникам Рождества и Пасхи перезвон колоколов был особенно разнообразным, красивым и долгим по звучанию. Он назывался «благовестом».

Из воспоминаний Вяйно Паю: «Стены и потолки были расписаны ликами Святых, которые, казалось, оживали от игры цвета оконных витражей. Некогда нанятый на службу Картавцовым управляющим имением Франц Спиридович оставался сторожем церкви. Он предложил путнику спуститься через подземный ход церкви в склеп Картавцовых.

Путь был длинный... Чем ниже они спускались, тем тяжелее становился воздух. Кругом была темнота, и только масляный фонарь сторожа качался в его старых руках при каждом спуске по лестнице. Наконец показалась черная металлическая дверь, и сторож открыл ее тяжело и со скрипом. Старик с финским парнем оказались в большой комнате, где посередине вечным сном спала хозяйка Мариок. У молодого человека хватило мужества подойти поближе. И он увидел красивую женщину со спокойным выражением лица, одетую в старинные белые одежды, с копной красиво уложенных каштановых волос. Испуг отступил, она лежала как живая. Перед ней на стене висела большая икона, украшенная драгоценными

камнями и золотом. Преданный хозяевам Франц Спиридович подошел к иконе, зажег свечу и перекрестился. В комнате стало светло и спокойно. Икона «Всех скорбящих радость» была рядом с ее хозяйкой. Старик прочел молитву, перекрестился и собрался потушить свечу. Тут в последний раз Вяйно направил свой взор на М.В. Крестовскую, и ему показалось, что на ее губах появилась улыбка».

Так молодой человек описал путешествие в «мир иной», а ему мы поверим или нет, судить вам, дорогие читатели. И сегодня руины на Марьиной горе волнуют не только случайных туристов, но и просвещенных литераторов, историков и жителей района. Эта земля до сих пор будоражит воображение и питает фантазии любознательных, дает пищу для серьезных человеческих раздумий. Марьиная гора сегодня излучает особую творческую энергию. Разбитая и израненная, она ждет своего возрождения. Церковь действовала до 1939 года.

В настоящее время в стране идет восстановление храмов. Хочется надеяться, что не будет обойдена вниманием и Марьиная гора. И позитивная энергетика, которая идет от этой земли, соединит сегодняшних людей с прошлыми и будущими поколениями.

Известным ученым позапрошлого века был Сергей Николаевич Виноградский (1867–1953). Его заслуга перед мировой наукой состоит в том, что путем исследований и экспериментов Виноградский открыл хемосинтез (хемосинтез – это создание определенными бактериями органического вещества), чем внес ценный вклад в микробиологию. Открытие им нового



*Сергей Николаевич
Виноградский.
Фото 1950 года*

метода помогло решению важных проблем морфологической изменчивости микроорганизмов. Своим трудолюбием и талантом он совершил головокружительную карьеру в науке и в 1902 году был назначен директором Института экспериментальной медицины. На этой работе Виноградский проявил себя как энергичный организатор и блестящий биолог, добившийся научного признания. Он неоднократно вносил личные сбережения в фонды строительства бактериологических станций.

На форте «Александр I» перед русско-японской войной он разрабатывал вакцину против чумы и холеры вместе с профессором Сеченовым.

Виноградский сложился как личность и получил образование в России на основе русской культуры, исторических, религиозных и духовных ценностей страны.

Книга академика Г.А. Заварзина «Три жизни Виноградского» знакомит читателя не только с биографией ученого, но и перечисляет его заслуги в микробиологии. В этой книге не сказано о пребывании Виноградского на Карельском перешейке в имении Мариоки. Однако на протяжении пяти лет летом в гостиниой М.В. Крестовской звучал его прекрасный баритон. Здесь, в окружении семьи и друзей он да-

вал вокальные концерты. Об этом свидетельствуют дневники Марии Крестовской. Последние годы жил в эмиграции во Франции, где Виноградский возглавлял институт Луи Пастера.

Желанным гостем в Мариоках был и Анатолий Федорович Кони. Совсем недавно в парадном коридоре юридического факультета СПбГУ был установлен бюст Почетного академика Российской Академии наук, профессора кафедры уголовного судопроизводства, действительного тайного советника, кавалера орденов Св. Александра Невского и Белого Орла Анатолия Федоровича Кони (1844–1927). По своему образованию А.Ф. Кони был юристом. Но Почетным академиком РАН он был избран по разряду изящной словесности. Помимо известных сочинений, вроде «Нравственных начал в уголовном процессе» и прочитанного им курса лекций по судебной этике, Кони подготовил сотни докладов и лекций о творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и других писателей. Он написал серию очерков о своих современниках, которые большей частью проводили лето на Карельском перешейке. Его хорошо знали жители этих мест, часто встречавшиеся с ним на побережье Финского залива.

А.Ф. Кони с Марией Всеволодовной Крестовской связывала дружба с ее отцом – писателем. Однажды Кони выступил защитником чести и достоинства Всеволода Крестовского. Как юрист Анатолий Федорович отличался профессиональной и гражданской честностью. Его литературным наследием стали пять томов интереснейших воспоминаний «На жизненном

пути». В воспоминаниях он отдает дань уважения Марии Крестовской. В ее имении на берегу Черной речки Кони любил проводить свободное время и обсуждать с хозяином дома все животрепещущие проблемы российского общества. Существуют письма-свидетели дружеских отношений Кони с Евгением Картовцовым, проживавшем после революции в Париже. Незадолго до кончины Кони в своем письме к Картавцову написал: «Я прожил жизнь. Прожил так что мне не за что краснеть. Я любил свой народ и свою страну, служил им как мог и умел...».

До сих пор в каждом финском путеводителе по Карельскому перешейку мы найдем старые фотографии некогда цветущего уголка земли. Особая ценность Марьиной горы в том, что здесь присутствует особая аура. И если у вас появится свободное время, приез



*Вадим Гарднер.
Фото 1920 года*

жайте на Марьину гору. Источник от Марьюшки до сих пор угощает живительной влагой любого путника. Место одухотворено отблеском жизни М.В. Крестовской. В момент заката птицы замолкают, чтобы в тишине мы смогли представить исчезнувшее имение «Мариоки» и вспомнить его хозяйку.

За громкими именами поэтов Серебряного века Николая Гумилева, Михаила Лозинского и Сергея Го

родецкого затерялось имя их друга Вадима Гарднера (1880–1956). Стихи поэта-акмеиста отличаются от других романтическими, мистическими и автобиографическими сюжетами. Большую часть своей творческой жизни он прожил в собственном имении «Зеленая дача»



Зеленая Дача сегодня

«Зеленая дача» в деревне Метсякюля (Приморское шоссе, 667), вместе с матерью и братом.

Ветхая дача зеленого цвета сегодня доживает последние дни. Мало кто знает, что здесь в начале XX века поэтом Вадимом Гарднером были написаны стихи о любви, жизни и природе родного края. Мастер белого стиха запечатлел в своем творчестве «благоухающий, щебечущий уголок земли». Исторические хроники и лирические переживания, боль от утерянной России и радость влюбленного сердца вошли в рифмованный стих в поэзию Вадима Гарднера. Настроения поэта нашли отражение в его поэзии:

«Полярный иней свой примчит свирепый ветер,
Огнями белыми природу обожжет,
Потрескается гриб, и мед утратит клевер,
Окаменеет путь, потухнет огород.»

Отец поэта, американец, представлял в России интересы военного машиностроения американских заводов. Мать Гарднера, русская писательница, сегодня абсолютно забытая Екатерина Ивановна Дыхова (1849–1936). Она и ее младший сын Борис навсегда останутся на погосте Марьиной горы.

О нелегкой судьбе поэта написана книга «Человек утративший надежду». Ее автор Людмила Яковлева рассказала о жизни и творчестве Вадима Гарднера. Основой биографии поэта стали его стихотворные дневники, которые он писал всю жизнь. Жена поэта Мария-Юлия Череп-Спиридович была крестницей Марии Всеволодовны Крестовской. Отец жены поэта



Перла Хобсон. Фото 1916 года

– Франц Иванович Череп-Спиридович работал управляющим имением доктора Боткина, а затем имения Мариоки. Имя тестя Вадима Гарднера отмечено в завещании М.В. Крестовской-Картавцовой, за верную службу и преданность ему полагалось вознаграждение. Большая семья Череп-Спиридович жила в собственном доме с

подсобным хозяйством в деревне Метсякюля.

Хочется рассказать об одной интересной даче в Метсякюля. Владелицей ее была Перла Хобссон. Дача называлась «Золотая рыбка» и стояла до 1986 года за вторым корпусом санатория «Черная речка».

О даче и ее хозяйке известно от местных жителей.



Дача «Золотая рыбка». 1935 год

Грациозная смуглая красавица с копной каштановых волос была непохожа на своих соотечественниц-финок. Ее мать была привезена из далекой Персии в Финляндию. Отец шведский финн. Дочку свою они называли «Жемчужиной», и с детства Перла полюбила танцевать. Блистать на императорской сцене северной столицы ей не позволила бедность. Талантливая девушка смогла устроиться на службу лишь в Театр-варьете на Петроградской стороне. Здесь она получила театральные псевдоним «Золотая рыбка». Где и при каких обстоятельствах ею был очарован граф Александр Дмитриевич Шереметев (1859–1932), история умалчивает. Но легенда гласит, что после того, как граф отдал дачу

на Лиговке под пожарное общество, он купил участок земли в деревне Ваммельсуу (ныне Серово) и построил собственное имение. Свою возлюбленную Шереметев не забыл и для нее выстроил на противоположном берегу Черной речки дачу, названную «Золотой рыбкой».

Да, сердце у Перлы Хобссон было истинно золотое. Она собирала у себя и обучала танцам финских детей. В огромном зале дачи хозяйка с детьми отмечала каждый год народный праздник Юханнус, и весь дом был украшен цветами. В зимнее время на Рождество для детей готовили обеды и раздавали им сладости. Для совсем бедных односельчан Перла переделывала театральные наряды в платья и рубахи. Сейчас этим детям за 90 лет, и неизвестно, живы ли они. Еще десять лет назад они каждое лето приезжали на Черную речку и рассказывали о графе А. Д. Шереметеве, его высоком росте, черных усах и белой фуражке. Вспоминали, что в его начищенных до блеска сапогах, как в зеркале, отражались любопытные детские личики. Конфеты, привезенные графом из Петербурга, были самыми вкусными на свете и запомнились на всю жизнь детям Метсакюля.

Земная жизнь Перлы Хобссон закончилась в 1919 году. Вместе с сотнями односельчан она умерла от коварного гриппа «испанка». Граф в далеком Париже надолго пережил свою возлюбленную. Там он, наверное, вспоминал свое имение, которое помогло пережить тяжелые революционные годы, и оставленную в Финляндии девушку. От имения сохранились только фундаменты да несколько деревьев в парке. Рядом с уже несуществующей «Золотой рыбкой» со-



Чертova церковь на берегу Черной реки

хранилась узкая аллея из березы и сосны. Есть легенда, что деревья были посажены графом и девушкой и названы «Тропой любви». Сегодня тропа заросла кустарником, но молодые люди смогут по ней пройти, если крепко обнимутся.

На фотографиях в старых финских путеводителях можно увидеть загадочные скульптуры необычайной величины, стоящие в на берегу Черной реки. На фоне леса и водной стремнины реки видны белые мифические скульптуры, вызывающие у нас любопытство и удивление. Возможно, создателем парка был известный керамист Петр Кузьмич Ваулин. В его биографии отмечены работы в Финляндии и на Карельском перешейке.

На фотографиях за подписью «Парк Ваулина» видны фрагменты керамики «Чертовой церкви». Сегодняшние руины и парк исследовать невозможно, так как этот берег Черной реки закрыт для прохода шлагбаумом.



*Леонид Андреев.
Фото 1893 года*

«Частная собственность – проход запрещен», – написано на щите. Мы вряд ли узнаем историю языческого парка, но тому, что Петр Ваулин трудился в доме Леонида Андреева на Черной речке, есть подтверждение в каталоге его работ. Камин, созданный керамистом в андреевском доме, был выполнен по образцу древних скандинавских печей.

О жизни и творчестве русского писателя Леонида Николаевича Андреева (1871–1919) написано много. Но хочется еще раз прикоснуться к некоторым страничкам его жизни, там были и драмы, и мальчишеское озорство, и поиски большого чувства, и любовь к семье, к России, к творчеству.

Андреева можно называть как талантливым писателем, так и фотографом, мореходом, садоводом, художником и политиком. Но при всем его многостороннем таланте и творческом трудолюбии он остается для нас малоизвестным и загадочным писателем. Его жизнь осталась на страницах дневников и произведений. Драмы преследовали его с юношеской поры и результатом их были неоднократные попытки самоубийства. Возможно, что обнаженные нервы Андреева – это родовой диагноз, унаследованный от

заболевания отца. Но для писателя чем острее боль, тем больше чувств, эмоций и сюжетов.

Архитектура огромного дома на Черной речке – это фантазии его изломанной души, в которой еще жива надежда на любовь и счастье. Это «счастье» привел к нему в свежесрубленный дом приятель



Строительство виллы «Аванс».

Вверхний ряд четвертый слева А.А Оля. 1907год.

Фото из архива Алексея Жуковского, внука Андрея Оля

Корней Чуковский, и звали ее Анна Ильинична Денисевич. Красивая, умная, с таинственным прошлым, она сумела сделать счастливым уже известного писателя Леонида Андреева.

Но недолго светило солнце любви в его больной душе. Об этом расскажут произведения самого писателя. Драма «Анфиса» была написана на Черной речке по горячим следам трагических событий. Они таковы: через четыре месяца счастливого брака с Анной Денисевич, проводив ее в Терийоки на вокзал, он случайно нашел записку от ее бывшего возлюбленного. К этому человеку поехала его жена, которую он сам посадил на вечерний поезд.

Дата 8 сентября 1908 года становится черным днем в жизни Андреева. Он отмечает сороковины, а затем години смерти собственной любви. Через три года после этих событий Андреев напишет еще одну драматическую пьесу «Екатерина Ивановна». Ее героиня – «Вечная Магдалина, для которой распутство – или начало, или конец, но без него совсем нельзя – и есть ее Голгофа, ее ужас и мечта, ее рай и ад».

Анна Ильинична проходит тяжелую пору восстановления семейных отношений. Первенца их союза Савву она возводит в ранг маленького божка, и больше жизни Андреев, уже имеющий двух сыновей от первого брака, любит сына Савву. Затем рождаются дочь Вера и сын Валентин. Но любовь к Савве остается в его жизни первостепенной.

Увлечения в жизни писателя еще случатся, и одно из них – молодая актриса Ольга Всеволодовна Крестовская, дочь писателя Всеволода Владимировича

Крестовского от второго брака. С ней Андреев знакомится на похоронах соседки по даче Марии Всеволодовны Крестовской в 1910 году. Творческое соседство не вызвало восторга и дружбы между писателями, но отдать последний долг Леонид Андреев пришел один.

В Мариоках он познакомился с очаровательной девушкой.

Роман без любви был обыденным для знаменитого писателя, но эти отношения продолжались более года. О них рассказала сама героиня романа в своих воспоминаниях, названных «Рекой жизни». Для Ольги Всеволодовны Крестовской отношения с Андреевым стали первой личной драмой. Писатель об этом романе сказал: «...Так интересны становятся весной люди, что в эту пору повальной влюбленности бессознательное надвигается на сознание и в близости своей к нему им озаряется. Влюбленные всегда интересны – богаты и расточают все то, что таилось и в их бессознательном и что только теперь, в эпоху влюбленности, вдруг осветилось».

Более десяти лет писатель Леонид Николаевич Андреев собирал в своем огромном доме деятелей культуры.



*Ольга Всеволодовна
Крестовская. Из домашнего
архива семьи Крестовских*

Здесь было всегда многолюдно. Друг дома Вера Беклемишева писала о жизни семьи Андреевых: «Что-то размашистое и сумбурное было в укладе жизни. Много народу близкого и чужого; бесконечные чаи – когда подается самовар за самоваром; ежедневные беседы далеко за полночь и сон до полудня. Казалось, в такой суматохе невозможно жить, думать, работать».

Георгий Чулков пишет, что Андреев не был аккуратистом, он был бесприютен и в жизни, и в литературе. «Так жил Леонид Андреев двойной жизнью. С одной стороны – большая семья, много знакомых. С другой стороны – та внутренняя мучительная тревога, слепая и угрюмая, которая его терзала: тут одиноко сгорала его душа». Андреев не выносил пустоты и одиночества, домочадцы правдиво играли роль радушных и



*Автопортрет писателя.
1914 год*

хлебосольных хозяев для своего господина. Даже беглый каторжник нашел еду и покой в чернореченском доме, как и все остальные посетители и гости виллы «Аванс».

Шутки и озорство были частыми явлениями в семье Андреева. Свидетельством тому стало его эпистолярное наследие. Письма и дневники, большая часть которых опубли-

кована хранителем архива Л. Андреева Ричардом Дэвисом под названием «SOS» в 1994 году, как отдельные, талантливые, остроумные произведения. Читая их, мы вдруг оказываемся в его чернореченском доме со всеми домочадцами и гостями. В дневнике Андреева, как на экране, проходит плеяда русских писателей: С.С. Голоушев, В.В. Вересаев, А.Н. Толстой, Ф.К. Сологуб, Е.Н. Чириков и другие. Многие из патриотически настроенных друзей Андреева, внесли личные пожертвования и приняли участие в открытии лазарета для раненых солдат в Первой мировой 1914 года. В Большом зале Петербургской филармонии стояли кровати, застланные солдатскими одеялами. Это было начало войны. Прибывавших с передовых укладывали на «именные кровати» – кровать журнала «Сатирикон», кровать Репина, Шаляпина, театра «Кривое зеркало» и, конечно же, кровать Леонида Андреева, который также занимался благотворительностью.

Проживая в Финляндии, он был в центре политической жизни России. Летом 1916 года возглавил литературно-театральный отдел газеты «Русская воля». На протяжении одного только года в этой газете Андреев напечатал около ста художественных и публицистических произведений. Среди них политический фельетон под заглавием «Похождения ангела мира». Позднее в эмигрантской газете «Общее дело» вышла статья Леонида Андреева «SOS». Это был адресованный всему миру призыв включиться в борьбу с большевизмом в России: «И не к правительствам обращен мой молитвенный вопль... а к вам, люди Европы, в благородство которых я верю».

Отделение Финляндии от России и последующая Белофинская гражданская война определили готовность писателя выступить в роли политолога в Северной Армии Юденича. Творческая изоляция обнажили и без того страдающие нервы писателя. О состоянии Андреева можно сказать словами Владимира Маяковского: «Сплошное сердце – гудит повсеместно». Его статья на злобу дня «Финляндия должна быть независимой» не была закончена. Трудно было жить и творить: «Божий мир прекрасен в Финляндии, но человеческий финский мир вызывает чувство, похожее на ненависть, на горькую отраву...».

Во время Белофинской войны с именем Андреева связаны интересные факты агитационно-пропагандистского дела Белого движения Северо-Запада. Писатель открыто ненавидел большевистский режим и писал о нем, как о режиме ненависти, хаоса и террора. Поэтому создание Белого движения он приветствовал и пытался утвердиться возле его просветительских истоков. Андреев летом 1919 года разработал план по противодействию как большевистской так и черносотенной пропаганды, который сам должен был осуществить. К принятию такого решения его подтолкнул гостивший на Черной речке писатель и художник Н.К. Рерих.

Леонид Андреев считал основополагающими средствами пропагандистской работы печатное слово, лекции, кинематограф и театр. Возможно, при его непосредственном участии режиссер Георгий Александрович Кроль (псевдоним Лорк), живший в этих местах, снимает фильм «Под игмом большевизма».

О факте создания фильма учеником и помощником В.Э. Мейерхольдом говорит ссылка из книги «SOS», но фильм нам так найти не удалось.

Пока Андреев, воодушевленный громадным планом политической программы, считал свою миссию необходимой для России, «политическое совещание» армии Юденича было расформировано. Разуверившись в своей пропагандистской деятельности, писатель воодушевился другой идеей – поездкой по Америке с антибольшевистскими лекциями. Советскую Россию, как страну он не признавал. Современники писали, что для русской интеллигенции в Финляндии Л. Андреев в тылу был тем же, чем Юденич на фронте.

Финляндия переживала трудные времена. Страна разделилась на красных и белых финнов. Причины войны были определены просто – ликвидация русских гарнизонов внутри страны. В конечном итоге в стране произошел всплеск классовой ненависти и национальной неприязни. На этой почве возникли военные организации «Братья по ненависти», «Шюткоровское объединение», «Лотта Свард» и другие. Леонид Андреев стал невольным свидетелем военных событий.

Карельский перешеек был зоной военных действий, пограничным форпостом. Гражданская война, объявленная главнокомандующим вооруженными силами Финляндии Маннергеймом как «священный» поход к «единокровным братьям», т.е. к красным финнам. К белым финнам присоединились отряды германских войск под предлогом военной помощи. При этом дивизия Фон Дер Гольца квартировалась в пустых дачах на берегах Черной речки.

Трехмесячная война прошла по Карельскому перешейку и по берегам Черной речки. Несмотря на трагические темы политических публикаций и военное время, Андрееву удалось сохранить чувство юмора. Об этом в полной мере свидетельствуют его письма и воспоминания близких людей. Вот одно из них.

Из письма Андреева писателю И.А. Белоусову:

«...Послушай, что со мной недавно случилось. Жена моя, известная тебе Анна, вздумала привезти из деревни поросенка, чтобы выкормить его до степени свиньи и тем обеспечить наше продовольствие в старости.

Оказалось, что для вывоза поросенка из Финляндской республики необходимо письменное и личное разрешение Сената, почему Анна, презрев закон, повезла поросенка зайцем, под лавкой в корзине. Орет же тот поросенок как большевик, и не было у бабы забот, так купила порося».

Еще один фрагмент из воспоминаний брата Андрея Андреева: «За ужином возобновлен был уже несколько дней назад начатый разговор о маминых клопах. Чем больше говорилось о них, тем все более и более вырастали в своих размерах эти клопы. Тема оказалась неистощимой. А сегодня ночью, - рассказывал Леонид, слышу – кто-то подошел к двери: стоит, дышит, очевидно прислушивается... Потом постучал. Открываю я дверь – мамин клоп в ее дверь заворачивает... Большие! Одного она в Петербург перевозила, так в собачьем вагоне везла, среди публики не позволили. Да и то пришлось намордник купить – в Терийоках жандарму сапог прокусил...».

Так писатель создавал настроение себе и близким. В 1918 году изолированный от друзей Андреев общался с русскими эмигрантами, которые переживали революционное время на собственных дачах Карельского перешейка. Они представляли собой людей разных сословий – большей частью это были банкиры, лесопромышленники, ученые и светская элита, имевшая контакты с русскими политическими организациями Финляндии.

Последний год жизни был для Андреева мучительными – болело сердце, душа. Друг писателя Ф. Фальковский сравнивал его с «кораблем-инвалидом, выведенным из строя, ибо погиб руль, ослабели машины, мятежная душа не имела опоры».

Умершего в сентябре 1919 года Леонида Николаевича Андреева оставили в Нейвола (ныне Горьковская) «временно, до погребения в родной земле в маленькой часовне, в парке местной помещицы». Перезахоронение писателя на той же финской земле, но уже на берегу Черной речки, на Марьиной горе, состоялось только через четыре года. Проводить в последний путь писателя пришли только близкие люди и несколько местных крестьян. В 1956 году его прах перевезли с Марьиной горы в Ленинград и перезахоронили уже в третий раз – на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Сегодня большая часть его архива и фотографии находятся в туманной Англии, где в университете города Лидса исследователи творчества Андреева Ричард Дэвис и Бен Хеллман издали альбом цветных фотографий и материалы, связанные с последними годами жизни Леонида Андреева.

Когда читаешь произведения и письма писателя, проникаешься особым чувством сопричастности к его творческой и трагической судьбе. Один из его критиков сказал: «Он обладал каким-то высшим даром со-умирания со своими героями и со-воскресения со своими читателями».

Жизнь и творчество Леонида Андреева это единое целое которое сегодня является достоянием и гордостью жителей Карельского перешейка. К оставшемуся фундаменту дома Андреева ведет аллея из старых лип, по преданию, засаженная Андреевым собственноручно. Пни от старых деревьев, заваленные буреломом, на берегах Черной речки, может быть, еще расскажут нам о том, сколько войн и бурь, страданий и невзгод пережил небольшой участок земли, названный когда-то «Вилла Аванс».

Берега Черной речки были плотно застроены дачами. Рядом с именем Леонида Андреева находилась дача профессора петербургского университета Михаила Андреевича Рейснера. Описание дачи не сохранилось. Профессор Рейснер был одно время очень дружен с Андреевым, сын которого Вадим проживал в семье Рейснеров в период учебы в Петербурге.

Андреев одним из первых разглядел в дочери Рейснера Ларисе литературный талант. О ней он скажет: «Это богато одаренная натура, талантливый человек, она много обещает в будущем». На тот момент юному дарованию было лишь 11 лет. В это время появляется ее первая драма «Атлантида», созданная не без влияния знаменитого соседа.

«Валькирия революции» – Лариса Рейснер оставила воспоминания о ее детстве, проведенном на берегу Черной речки, и о той среде, которая взрастила ее юный талант. Финская почва сформировала ее как личность, будоражащую до сих пор умы современников. В годы Гражданской войны Лариса Рейснер была комиссаром Красной Армии. Красивая, умная, талантливая и бесстрашная, она послужила прообразом главной героини пьесы Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия». Ее неординарная личность запечатлена в фотографиях, на полотнах художников и в воспоминаниях современников. Как-то она написала:

«Это плохо, когда жизнь сразу вдевается в угольное ушко».

Совсем недавно в серии ЖЗЛ вышла книга Галины Пржиборовской «Лариса Рейснер».

Фрагмент из книги:

«Семью Михаил Рейснер привез не в Петербург, а сначала поселил на даче в Финляндии. Первым «своим



Лариса Рейснер. 1895-1926

воздухом» оказался для них финский морской. Лара и Игорь Рейснеры провели летние месяцы на побережье Финского залива, там, где в него впадает Черная речка, Ваммельйоки, у деревни Ваммельсуу. Это место на Карельском перешейке одно из самых красивых. От Тюрисева до Черной речки вдоль залива рядом с Приморским шоссе тянется длинная гора, вся поросшая деревьями. Недалеко от Черной речки гора выходит к шоссе и открывается песчаным карьером. Если бежать вниз по песчаным склонам к заливу, возникает состояние полета. Петербуржцы в начале XX века называли эту местность «Финляндской Ривьерой», но чаще – «Черной речкой».

На даче завязались дружеские отношения Леонида Андреева с Михаилом Андреевичем, который был восхищен творчеством писателя. В 1909 году Рейснер издает книгу «Леонид Андреев и его социальная идеология. Опыт социологической критики». Возможно, они сблизились, обсуждая политические новости, и в чем-то нашли единомыслие.

В мае 1911 г. Лариса пишет стихотворение, как художник – этюд о родном доме, в котором опять предчувствует свой короткий жизненный путь.

Я не могу забыть ни бледности небес весенних,
Ни легкого рисунка беленьких цветов,
Ни света мягкого под пестрым колпачком,
Ни дорогих мне образов за гранью смутной рамы.
Все это слишком близко мне, до боли, до страданья.
Одна из трепетных страниц необычайной жизни,
В которой все лучи неясные великого восхода,

ПЕСНЯ КРАСНЫХ КРОВЯНЫХ ШАРИКОВ

Мы принесли кровеносные пчелы
Из потаенных глубин
На розоватый простор альвеолы
Жаждающих соков рубин.
Вечно гонимый ударом предсердий,
Наш беззаботный народ
Из океана вдыхаемой тверди
Солнечный пьет кислород.
Но как посол, торопливый и стойкий,
Радости долгой лишен,
Мы убегаем на пурпурной тройке,
Алый надев капюшон.
Там, где устали работать волокна,
Наш окрыленный прыжок
Бросит как ветер в открытые окна,
Свой исступленный ожог!

«Лариса принимала участие в бехтеревской разработке проблемы мирового бессмертия. В конце февраля 1916 года академик Бехтерев произносил речь о бессмертии человеческой личности: «Если вместе со смертью навсегда прекращается существование человека, то спрашивается, к чему наши заботы о будущем? К чему, наконец, понятие долга, если существование человеческой личности прекращается вместе с последним предсмертным вздохом? Не правильнее ли тогда ничего не искать от жизни и только наслаждаться теми утехами, которые она дает? Нет, ни один вздох и ни одна улыбка на пропадают в мире бесслед-

но. Человеческая личность продолжает существование во все тех существах, которые с ней хотя бы косвенно соприкасались и, таким образом, живет в них и в потомстве.»

ТЕАТРАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ В ТЕРИЙОКИ 1912 ГОДА.

На рубеже веков Россия вступила в эпоху, которую принято называть модерн. “Историки искусства, – пишет об этом времени его исследователь И. Муравьева, – до сих пор спорят о самом термине “модерн”: считать ли его определяющим своеобразный художественный стиль или это всего лишь кратковременное



Всеволод Мейерхольд в 1912 году

направление в искусстве”.

Несмотря на свою непродолжительность, этот стиль оставил свой след во всем: в образе жизни, в манере общения, в художественном вкусе, в дизайне. Сегодня нам важно восстановить факты, связанные с историей Карельского перешейка, который по разным причинам занял свое место в этой эпохе. Нам

уже доподлинно известно, что Карельский перешеек и Терийоки, в частности, стал местом притяжения для творческой элиты Петербурга. Так совпало, что освоение этого края пришлось на десятилетие, связанное с новыми вехами мировой культуры. В России это время часто связывают с понятием Серебряного века (так назвал его философ В. Розанов), и во многом повлекшего за собой изменения духовного климата как в России, так и в Финляндии.

Модерн родился не на ровном месте, он вобрал в себя художественный опыт человечества, ярко продемонстрировал свое стремление к синтезу искусств. Именно с этой точки зрения постигала “тайну” модерна, его многообразие и изменчивость творческая труппа театра Вс. Мейерхольда. Этим режиссером, учеником К. Станиславского, в 1912 году в Терийоки (ныне г. Зеленогорск) было создано “Товарищество актеров, художников, писателей и музыкантов”.

На сцене прибрежного театра “Казино” Мейерхольдом был апробован и продолжен новый подход к режиссуре, инсценировке, оформлению спектаклей, актерской игре. Позднее, уже в советское время, одно из слагаемых в общей системе воспитания актеров Мейерхольд назовет новым словом “биомеханика”. Согласно этому методу, первичным было физическое действие, звуки и эмоции - вторичны. Режиссер считал, что актер более эффективно выражал себя и доносил авторскую идею до зрителя языком своего тела. Его дочь Ирина Всеволодовна Мейерхольд вместе с мужем, известным актером Василием Васильевичем Меркурьевым, продолжили изучение и пре-

подавание “биомеханики” в Ленинградском театральном институте. Вс. Мейерхольд выступил новатором современной режиссуры. Именно он первый бросил вызов дорежиссерскому актерскому театру и узаконил на своей сцене существование режиссуры.

Интерес к жизни и творчеству Мейерхольда в контексте его трагической судьбы не иссякает последние полвека. Его имя по праву является достоянием как русской, так и мировой культуры и истории. В последнее время появилась возможность узнать о Вс. Мейерхольде из многочисленных исследований, фильмов, мемуаров, научных работ, публикаций.

Сегодня жителям Зеленогорска интересен тот факт, что лето 1907 и 1912 годов Вс. Мейерхольд жил и творил на Карельском перешейке. Терийокский театральный сезон 1912 года уже по праву вписан в историю искусства. Сцена театра походила на сложную техническую конструкцию. Сам же Вс. Мейерхольд назвал свои театральные новшества театром иронического гротеска. Сцена театра была для режиссера предметом творческих баталий. Где как ни в Русской Финляндии можно было творить в атмосфере интеллектуальной свободы. При этом актеры играли, не видев зрителя, но постепенно игрой и световыми решениями “затягивали” его в действие спектакля. Созданию напряжения способствовали так называемые “выкрики молчания” - паузы, созданные режиссером, который сумел выразить “экспрессионизм человеческих страстей” актерской игрой, своим творческим стилем. Нельзя сказать, что энтузиасты-новаторы отказались от достижений мировой культуры. Но соб-

ственное понимание мира и искусства, значимость собственного “Я” объединило новые творческие силы. Так в начале XX века появились авангардисты, символисты, кубисты, акмеисты, футуристы и другие направления в русской культуре и искусстве. Каждое новое объединение бросало вызов другим, подвергалось критике, сомнению, ниспровержению. В Финляндии у Вс. Мейерхольда появилась возможность свободного продолжения театрального эксперимента. Свободу творческого процесса в Терийоках почувствовал даже художественный совет, в который входили М. Гнесин, Вс. Мейерхольд, Н. Кульбин, Ю. Бонди, В. Бычков и Вл. Соловьев. Иногда к совету присоединялись актеры и тут же принимались решения.

Осип Мандельштам в книге “Шум времени” так передает атмосферу финского побережья: “В Терийоках песок, можжевельник, дощатые мостики, собачьи будки купален с вырезанными сердцами и зазубринами по числу купаний и близкий сердцу петербуржца, домашний иностранец, холодный финн...”.

Актеры театра Мейерхольда не получали жалованья, работали за идею служения театру и были равноправны в своем театре. Финансировала новый театр, в основном, Любовь Дмитриевна Блок (театральный псевдоним Басаргина).

Новое время требовало новой драматургии. Еще не освоенная в России скандинавская литература стала модной в Петербурге. Финляндия явилась особенным местом для творческих людей. Здесь соединение таланта с северной природой получило направление высокого романтизма. Представитель позднего сим-



*Терийокский яхт-клуб. На берегу здание театра Казино.
Фото 1914 г.*

волизма в поэзии Александр Блок пропитался северной средой и скандинавской культурой, которая надолго стала предметом его пристального изучения. “Нахожусь под знаком Стриндберга” - писал Блок о себе. “В Августе Стриндберге соединились в высокой степени великий и простой, художник и человек, творец и ремесленник”. Блок продолжает находиться под его влиянием и после кончины драматурга 14 мая 1912 года. Одной фразой поэт-символист выразил бессмертие Стиндберга:

Он менее всего конец,
Он более всего начало...

Неослабевающий интерес к шведскому драматургу Блок пронес через всю свою жизнь. И именно этот

интерес навсегда связал Блока с Карельским перешейком. Здесь летом 1912 года интересы Вс. Мейерхольда совпали с предложением Блока поставить спектакль на терийокской сцене. Так драматический сюжет из французской жизни, простая история о жизни, смерти и любви Августа Стриндберга была показана в Терийоки. Спектакль шел только один день 14 июля 1912 года и назывался “Виновны-невиновны”. Именно этому спектаклю суждено было войти в историю мировой культуры как факт творческой биографии Мейерхольда и быть вписанным в историю сценического освоения драматургии Августа Стриндберга на российской сцене. Премьера прошла под знаком триумфа искусства и великой человеческой трагедии. Спектакль был посвящен памяти Стриндберга, но актеры театра испытывали глубокое потрясение и душевную скорбь по поводу гибели своего друга, художника Николая Сапунова. Он погиб в водах Финского залива 14 июня того же года. Ему было всего 32 года. За свою недолгую, но творчески напряженную и яркую жизнь, он стал автором более 500 работ и, безусловно, состоялся как художник.

Его имя навсегда вписано в историю отечественного изобразительного искусства. Тот, кому посчастливилось познакомиться с Сапуновым - художником и сценографом (а его работы заняли место и в Русском музее, и в Третьяковской галерее, и, конечно же, в Театральном музее), не мог не почувствовать очарование его фантазии и изобретательности в театральных приемах.

Оформлением спектаклей, кроме Н. Сапунова, в театре “Казино” занимались Николай Кульбин, Юрий

и Сергей Бонди. Все эти художники, каждый в своей манере, представляли искусство модерна.

Но нам интересно восстановить фрагмент истории Карельского перешейка, соединившего когда-то трех великих людей – Стриндберга, Мейерхольда и Блока, ярчайших представителей эпохи начала XX века. Декорации к спектаклю “Виновны-невиновны” были оформлены Николаем Кульбиным. Слева, у кулисы, был помещен большой портрет Стриндберга, выполненный в кубистической манере. Портрет символизировал дань памяти великому драматургу. Занятые в главных ролях актеры: Л. Блок, В. Веригина, А. Мгебров, поразили зрителей мастерством, единомыслием и пониманием авторской и режиссерской задач. А. Блок был в полном восторге от премьеры. Зал был полон. Многие из этих зрителей и актеров оставили свои воспоминания об этом спектакле. Сегодня театральный сезон 1912 года воспринимается как значимое культурно-историческое событие. Известно о многих исторических событиях, которые произошли здесь в начале XX века. Но цельное полотно культурной жизни Карельского перешейка еще не соткано. Ждем исследователей и краеведов, неизвестных исторических фактов и событий, которые расскажут нам красивые истории прошлого.

В последующее десятилетие актеров, музыкантов и художников театра Мейерхольда разбросают революции, войны и репрессии. По словам Д.С. Лихачева, история России – это история ее культуры. На память о ней в Зеленогорске есть улица, которая называется Театральной.

ЗРИМАЯ ПАМЯТЬ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА

Страстно полюбил Леонид Андреев кино. Будучи за границей, большую часть времени он проводил в кинематографах. Он высказался так:

– Я – великий поклонник кинематографа. К сожалению, для нас, русских, он явился слишком рано. У нас так мало развит еще театр, а тут – кинематограф.

Писатель изумлен этим видом искусства как могучим орудием, которое должно позитивно влиять на общение с народом. Приклоняясь перед искусством «движущейся фотографии», он приглашает в свой чернореченский дом самого известного специалиста по электрофотографии Александра Абрамовича Дранкова, который создает короткометражный фильм о Леониде Андрееве. Найти этот фильм и узнать о его происхождении помогли дневники Корнея Ивановича Чуковского, где он вспоминает:

«– Страшно взволновала меня сегодняшняя встреча с моим давним прошлым... Была показана дача



*Андреев в доме на Черной
речке. Почтовая открытка
1913 года*

Леонида Андреева в Ваммельсуу – дача, в которой я знал каждое бревно, каждое деревце. Я помню, как Андрей Андреевич Оль показал Леониду Андрееву в поезде проект этой дачи, – и вот уже 40 лет, как она разрушена дотла, от нее не осталось ни щепочки, – и вот она тут передо мною, вся, такая знакомая. Я даже учуял запах из кухни, всегда ощущаемый, чуть войдешь в холл.

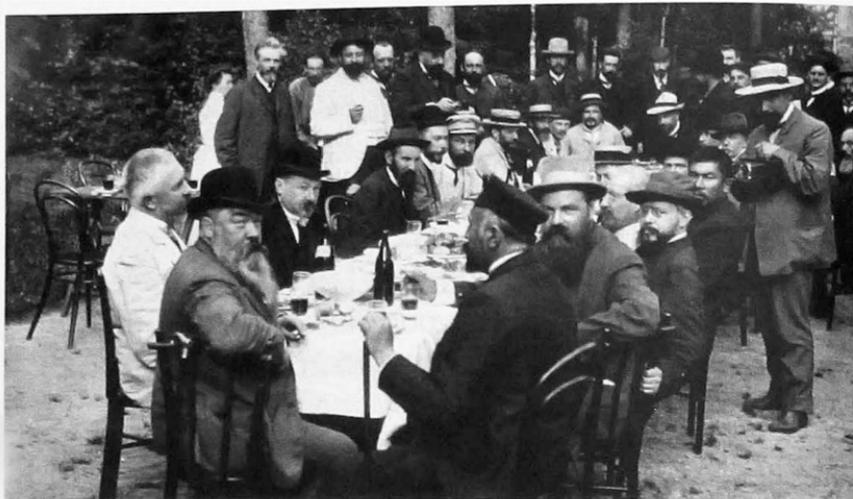
А вот и Ал. Ал. Измаилов, «Добролюбов «Биржевых ведомостей», лукавый и страшно наивный, автор остроумных пародий. А вот и Анастасия Николаевна, мать Андрея. Давно уже ее кости перемешались с землей, а тут она сидит, натягивая шаль, и я вновь услышал ее хриповатый голос и вспомнил ее походку, ее усталый, заторможенный вид. И Чириков!!! Теперь-то он, очевидно, простил бы мне все обиды. И сам Леонид Николаевич – Боже мой, в последний раз я видел его в 1916 году – и вот встречаюсь в 1963-м. И седой Вадим - шестилетний. И моторная лодка «Савва», та, на которой мы ходили в море. И лодка «Хамандол»! И Анна Ильинична – страшно подумать – я знал ее отца. Это было тысячу лет назад...»

Шесть минут фильма переносят нас в события столетней давности. На экране огромный дом на берегу Черной речки, в котором мы видим семью писателя и его гостей. Лодка плывет вдоль знакомых берегов речки и управляется молодым, статным человеком – это Леонид Андреев. В заключение фильма звучит голос самого писателя, он читает главу из книги «Жизнь человека». Автор фильма – Александр Дранков, о чем свидетельствуют титры, датированные 1909 годом.

Карельский перешеек, где в летнее время проживали и отдыхали многие петербургские знаменитости, остался запечатлен в творчестве фотографов. Если в Петербурге Дранков мелькает со своим объективом в «коридорах власти», то в Русской Финляндии он всегда находил нужные объекты. Фотография компании бывших госдумовцев в Терийоках была широко растиражирована. В курортном поселке отставные политические деятели обсуждали острые проблемы Российского государства. Предприимчивый фотограф был всегда готов к работе. Газеты писали: «Без Дранкова не хоронили, не горели здания, не бушевали стихии, не встречали монарха».

Фотограф преуспел в собственном бизнесе, но довольствоваться достигнутым было не в характере Александра Абрамовича Дранкова. Он создает необычное «Ателье по выделке синематографических лент». Одним из героев своего первого фильма он пытается сделать Льва Николаевича Толстого, но писатель в съемках отказывается.

Для настырного папараццо «отказ не указ». Дранков в Ясной Поляне прячется в дощатом туалете с установленной камерой и терпеливо ждет появления писателя. Толстой подходит к туалету, дергает ручку двери и торопливо удаляется. Авантюра фотографа удалась. Из маленького эпизода Дранков создает фильм, который показывает семье Толстого. Демонстрация съемки проходит под взрывы смеха домочадцев и самого Льва Николаевича. В дальнейшем Дранкову было оказано доверие вести кинохронику жизни знаменитого писателя.



К. Булла. Депутаты Госдумы в Терийоках

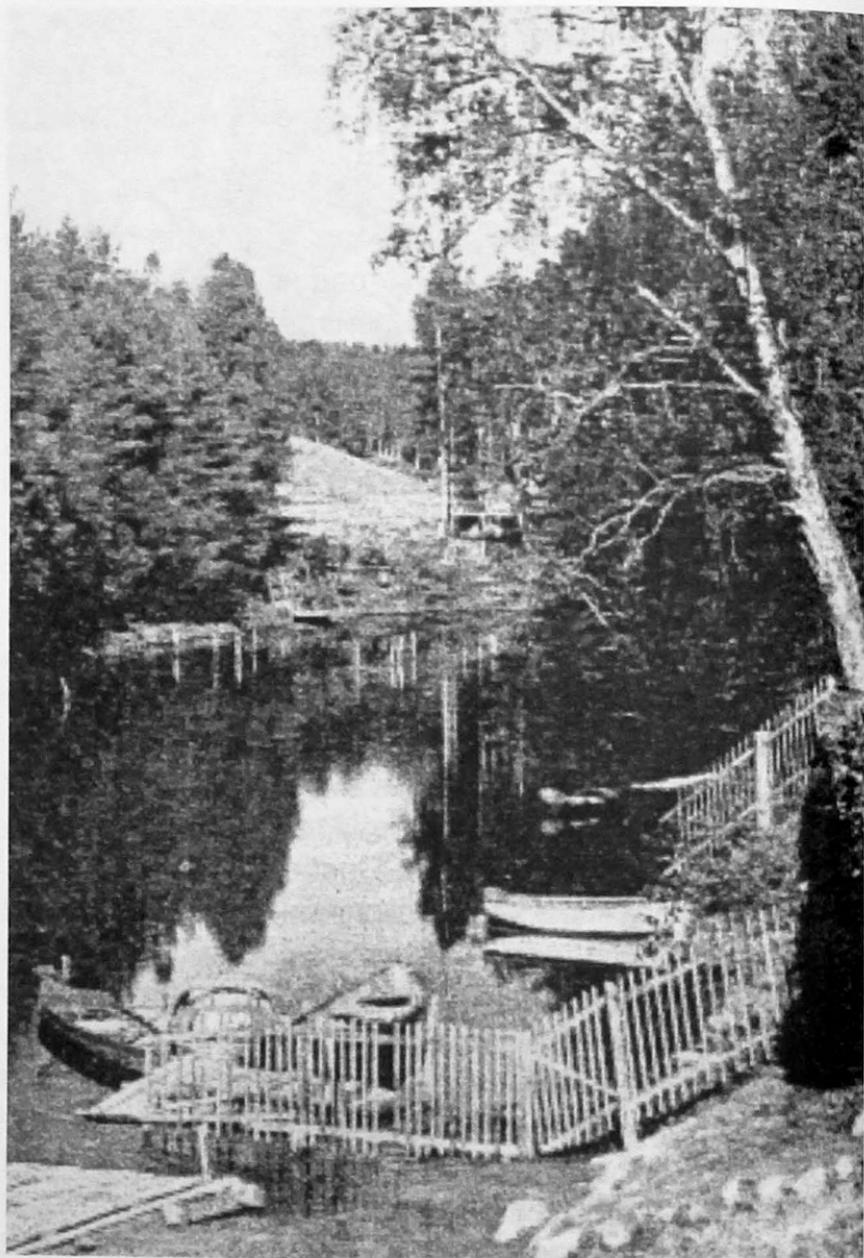
После Толстого, вторым по рейтингу издаваемых произведений был Леонид Андреев. В его дом на Черной речке и отправился летом 1909 года фотограф с титулом Двора Его Императорского Величества. Леонид Андреев сам увлекался технологией цветной фотографии, которая была хорошо изучена, усовершенствована и опробована на Черной речке.

В киношной среде Дранкова отличали деловая хватка и мгновенное реагирование на события. На Карельском перешейке фотограф выбирает место для съемок первого российского фильма «Понизовая вольница». Исторический фильм состоял из шести немых сцен. Герой фильма Степан Разин бросает красавицу-княжну в холодную воду озера Разлив в Сестрорецке. Так оператором и постановщиком первого художественного фильма, снятого на Карельском перешейке, стал Александр Абрамович Дранков.

Большевистский переворот помешал ему стать синематографическим шоу-бизнесменом. Политические события забросили терийокских знаменитостей далеко от этих мест – за границу.

В журнале «Фотограф-любитель» за 1906 год № 1 на обложке напечатана фотография под названием «Черная речка». Автор этой пейзажной фотографии Сергей Михайлович Прокудин-Горский (1863–1944). Его называют пионером русской цветной фотографии. Прокудин-Горский остался в истории фотоискусства как фотохудожник и гениальный изобретатель. Летом 1905 года, путешествуя по Финляндии с тяжелым фотоаппаратом, он остановился на мосту через Черную речку. Одно мгновение – и вид с моста остается в объективе. Не обошел вниманием художник и устье реки. Через водную гладь пробиваются бесчисленные камни-валуны. Так Прокудиным-Горским сделаны три цветных снимка. Они вместе со множеством фотографических работ мастера сегодня находятся в Библиотеке Конгресса США. Особенно известны работы под названием «Метсякюля» и «Черная речка». Они сделаны методом «автохрома», когда три основных цвета, пропущенные через светофильтры, дают цветное изображение.

Прокудин-Горский разработал состав реактивов, отличающийся от ранее созданных. Воздействие такого «метода Горского» стало наворотским. Благодаря ему мы сегодня можем заглянуть в прошлое, в лица людей и увидеть родные пейзажи на фотографиях.



Прокудин-Горский. Черная речка. 1905 год

Сохранились фотографии Русской Финляндии. Этих сюжетов и лиц довольно много. Со старых фотографий смотрят на нас знакомые и незнакомые люди. Красавицу Марию Крестовскую снимала в своей студии на Невском проспекте, дом 20, фотограф Елена Лукинична Мрозовская. На фирменном знаке мастера, кроме герба России и изображений полученных медалей, – слова «Фотограф Императорского Русского Музыкального Общества и Консерватории». Тут же надпись: «Фотограф их Высочества князей Черногорского и Болгарского». Сняться у Мрозовской считалось великой удачей. Все ее портреты отмечало высокое качество, художественный вкус и изысканная отделка. Имя Мрозовской было легендарным среди творческой элиты Петербурга. Она принимала участие в международных фотоконкурсах, выставках и активно участвовала в развитии искусства портрета в России. Являлась завсегдателем «мюссаровских понедельников». Это «Общество для оказания помощи семействам художников» занималось благотворительной деятельностью.

Художественное Общество было создано по инициативе видного деятеля ОПХ тайного советника Е.И. Мюссара и группы художников-любителей из среды высокопоставленных чиновников и аристократов. В разные годы членами Мюссаровского общества были Н.И. Дурдин, Н.К. Рерих, Альб. Бенуа, В.А. Косяков, В.В. Матэ, А.И. Куинджи и многие другие. Устав Общества Мюссара гласит: «Призрение семейств художников, впавших в нищету, воспитание их детей и помощь им во всех видах», так что благотворительность была основной задачей деятелей культуры.

Если, например, у членов Общества не было денег на взносы, то таковые принимались предметами художественного труда. Одной из задач «Мюссаровских понедельников» стало «сближение художников и лиц, причастных к искусству, для обсуждения и разработки различных вопросов, касающихся художественной деятельности, и доставление членам Общества возможности приятно и полезно проводить время в обществе сотоварищей, их семейств и знакомых». Для этих целей была построена дача в Терийоках – большое одноэтажное деревянное здание. Его архитектура соединила в себе несколько направлений русского деревянного зодчества.



Дача Мюссара сегодня

До сих пор дача Мюссара поражает красотой, архитектурой и загадочностью. В ней сохранились великолепные каминные. Исследователь изразцового каминного творчества Андрей Иванович Роденков дает характеристику прекрасных каминов на сайте Терийоки, созданным Александром Браво.



Один из каминов дачи Мюссара

На дачу Мюссара в 1910 году в Терийоки приезжает чествовать пятнадцатилетний юбилей своего творчества Елена Лукинична Мрозовская. Гостей на юбилее было много, и для них выступал тенор Д.А. Смирнов, балерина О.И. Преображенская, актер М.А. Чехов и другие знаменитости. «Мюссаровские понедельники» и юбилеи заканчивались совместным ужином. Здесь на даче устраивались выставки старейших членов Общества, которые действовали до 1917 года. Затем многие «мюссаровцы» вошли уже в 1920 году в советское Общество художников-индивидуалистов.

Но в это время Елена Лукинична Мрозовская тайно покидает Петроград и по льду Финского залива

приходит в Терийоки. Никто на даче Мюссара ее не ждет, холодная и пустая, она вызывала чувство тоски и одиночества. К тому времени граф Александр Дмитриевич Шереметев готовится к переезду с берегов Черной речки в Париж. Его, знаменитую музыкальную личность, ждет как и многих других эмиграция. Предположительно, что Елена Лукинична поселяется в его огромном доме на Черной речке, где остается управляющий имением, он же сторож, присматривать за имуществом. Выжить во враждующей Финляндии было сложно. К тому же на Карельском перешейке бушевала испанка (птичий грипп), унесший почти половину жителей перешейка. Многие из них были захоронены на Марьиной горе у церкви.

СУДЬБЫ ОДНОЙ ЭПОХИ

После революции в Праге обосновался известный в свое время писатель Евгений Николаевич Чириков. Более десяти лет проживания в Неувола (ныне Горьковское) в собственном имении сделали его человеком знакомым и узнаваемым на перешейке. Имя его сегодня знают немногие. Знание жизни, демократические убеждения, безграничная любовь к России давали ему материал для многочисленных рассказов, повестей и пьес. Знакомство писателя с Карельским перешейком состоялось летом 1907 года, когда его жена Валентина Чирикова, актриса труппы Всеволода Мейерхольда, гастролировала в терийокском казино. Позднее он приобретает дачу в Неувола, где проводит каждое лето в окружении многочисленного семейства и друзей. Когда на Черной речке, в селе Ваммельсуу, появляется литературное общество под началом Леонида Андреева, Чириков вступает в его ряды одним из первых.

Современники отмечали его взгляд, немного лукавый, но всегда остроумный и живой, а также его «чисто русскую уютность», которая сохранилась в Финляндии.

Большая часть его жизни была связана с полюбившимся ему Карельским перешейком. Но после революции оставаться в России он не мог и обосновался на жительство на своей финляндской даче. Его твор-

ческая жизнь закончилась перед войной в Праге, где он, сохраняя русскую культуру, возглавил писательский отряд русских эмигрантов.

Одним из интереснейших людей, бывавших в доме Андреева, можно назвать писателя Василия Васильевича Брусянина. Яркая грива волос делала его заметным там человеком. Под



*Василий Брусянин с женой.
Из архива В.О. Брусянина*

чужим паспортом нелегально он жил год на Черной речке, а затем, уже с семьей, в Неуволе. За это время его литературный багаж пополнился произведениями, отображающими жизнь народов Суоми, самобытную финскую культуру и красоту природы Карельского перешейка. Так были изданы очерки под названием «В стране озер. Очерки из финляндской жизни», с отрывками из которых можно познакомиться в Приложении II к настоящей книге. Их любезно предоставил нам внук писателя, проживающий в Пе-

тербурге, – Вадим Олегович Брусянин. Он интересно рассказывает о деде, сохраняет о нем память. Через имя первого биографа Леонида Андреева, Василия Брусянина, узнаем о писательской колонии, жившей здесь: А.М. Горький, Демьян Бедный, Владимир Бонч-Бруевич, Сергей Сергеев-Ценский, Анатолий Луначарский и многие другие. Всех объединил Карельский перешеек.

На взморье появилось собственное имение профессора медицины Владимира Михайловича Бехтерева (1857–1927). Известный в России невропатолог, ученый, основатель психиатрического института, находил отдохновение от городской суеты и работы в селе Лаутаранта (ныне поселок Смолячково). Имение он называет «Тихий берег».

Архитектура господского дома была похожа на дома русской усадьбы. Рядом построили еще два добротных здания – для гостей и прислуги.

Знаменитый профессор не только занимается здесь огородничеством, но и благоустраивает тер-



Фото семьи Бехтеревых. Из архива музея В.М. Бехтерева. 1905 год



Гости «Тихого берега». Из архива музея В.М. Бехтерева.

риторию возле дома. Собственноручно он сажает березовую и еловую аллеи. Эти старые деревья сегодня напоминают нам о том, что Владимир Михайлович Бехтерев любил не только науку и людей, но и природу Карельского перешейка, ставшую ему родной. Для него в парке на берегу залива устанавливают скульптуру сфинкса. Загадочная фигура неземного существа, выполненная из бетона, вызвала у отдыхающей публики удивление и восторг.

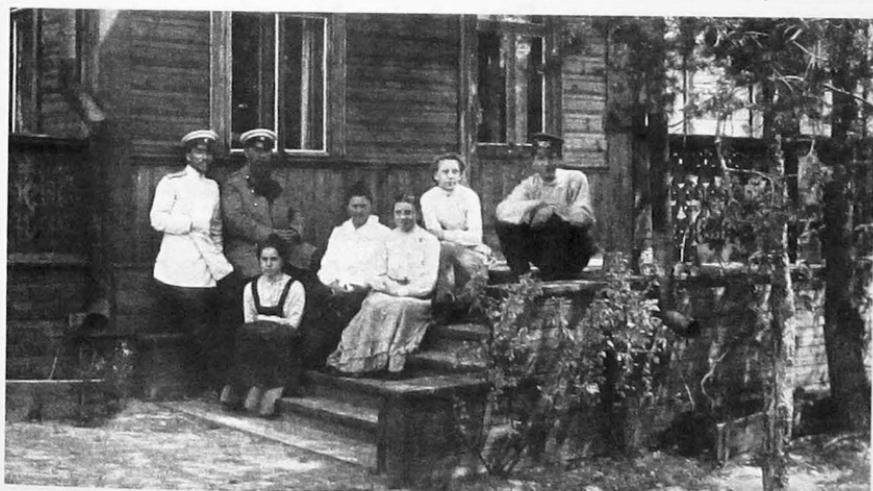
В своем имении Бехтерев занимался не только научной работой, но и писал стихи. Скромная подпись под ними становится его творческим псевдонимом – «Тихобережный».

Владимира Михайловича Бехтерева называют ученым-энциклопедистом. Один человек смог создать научную школу отечественной психоневрологии, педагогический институт, криминалогический инсти-

тут по изучению деятельности мозга и психических заболеваний, больницу для эпилептиков и нейрохирургический институт.

До сих пор удивляет разнообразие творческой деятельности великого ученого (невропатолог, психиатр, морфолог, физиолог и психолог), которое было бы невозможно без поддержки семьи и друзей. Жена профессора, Наталья Петровна, стала хозяйкой большого имения в 1903 году. Сам же хозяин, проживая на даче в летнее время, чаще всего лечил дачников и жителей побережья.

Одним из его пациентов был Петр Петрович Гуджи, владевший собственной дачей в Терийоки. О нем известно немного, лишь то, что он был военный, успешный в делах и довольно самостоятельный, а также что он был женат на жительнице Терийок – латышке Берте Яковлевне Арэ, прекрасно образованной женщине, входившей в круг друзей И.Е. Репина и А.М. Горького.



Бехтерев с учениками в своем имении

Петр Петрович Гуджи умер в 1916 году на руках Бехтерева и был похоронен на терийокском кладбище. Его вдова нашла понимание и сочувствие у Владимира Михайловича. После смерти своей жены, известный профессор женится в имении «Тихий Берег» на Берте Яковлевне Гуджи.

Примером их добрых и теплых отношений служит поздравление Берты Яковлевны с Пасхой:

«Дорогая Берта Яковлевна!

Поздравляю тебя с предстоящими светлыми праздниками и выражаю вместе с этим все наилучшие пожелания. Не забывай ни на минутку, как счастлив тот, кого любят так беззаветно, не считаясь с жертвами и страданиями. Будь счастлива и ты...

Твой В. Бехтерев».

Несмотря на большую разницу в возрасте – ему было 69 лет, а ей 39,– их союз был счастливым. В поэтических строках Владимира Михайловича появились лирические настроения. В его стихах ранее не звучала так открыто тема любви, и вот, появляется свидетельство о чувстве к Берте Яковлевне:

И я роптать уже не стану, когда отвергнешь ты меня.

Я все ж любить не перестану всем жаром пылкого огня.

10/X 1926 год.

Коллеги ученого знали об их отношениях с Бертой Яковлевной еще до того, как она стала его женой, и знали о том, какой заботливой и добропорядочной была эта женщина, которую после смерти В.М. Бехтерева объявят его убийцей.

Умер В.М. Бехтерев 24 декабря 1927 года в Москве при загадочных обстоятельствах. По официальному заключению – от паралича сердца. Был ли паралич, неизвестно. Но осталось медицинское свидетельство, данное профессором о заболевании Сталина. Затем появилось предположение о насильственной смерти ученого. Работникам НКВД было удобно объявить убийцей любящую и страдающую жену В.М. Бехтерева – Берту Яковлевну. Ее расстреляли в 1937 году, реабилитирована она была лишь в 1989 году.

Так были уничтожены двое любящих людей, чувства которых возникли и проросли на благодатной почве Карельского перешейка, русского имения в Финляндии под названием «Тихий берег».

Из письма Ксении Кондратьевой, коллеги Бехтерева, его вдове Берте Яковлевне:

«...Окруженный Вашей заботой, нежностью, шармом – присущим Вашей личности, – он умер щедро вознагражденным судьбой за все те неисчерпаемые ценности, которые он дал человеческой культуре...»

Воспоминания племянника Берты Яковлевны Ф.Э. Арэ, который смог добиться реабилитации ее доброго имени, и ее судьба заслуживает отдельного повествования.

По именам людей и их судьбам можно проследить историю всей России. Имя Николая Дмитриевича Ермакова (1867–1927), полковника Генерального штаба русской армии и коллекционера произведений искусства, сейчас известно немногим. Исследователи жизни и творчества Ильи Ефимовича Репина и те, кто интересуется эпистолярным

наследием великого художника, встретят имя генерала Ермакова в его воспоминаниях, письмах, в картине И.Е. Репина. Нам он интересен тем, что его личная и творческая жизнь была тесно связана с Карельским перешейком, с Терийоками, Куоккалой и с Пенатами.

Николай Дмитриевич Ермаков родился в 1867 году в Тавастусткой губернии Великого княжества Финляндского. Получив военное образование, он дослужился до начальника одного из отделов Главного управления штаба, откуда в 1918 году уволился по болезни. Его жизнь отныне стала протекать в Терийоках.

Судьба большой коллекции Ермакова, состоящей из художественных произведений, куда входили картины, рисунки, скульптура преимущественно отечественных мастеров, была трагична и созвучна времени. По словам И.Е. Репина, эта коллекция была «одной из самых выдающихся по количеству и качеству картин прошлого и нынешнего столетий».

До революции имя Ермакова как деятельного, энергичного и понимающего мецената хорошо известно в Петербурге. Он был постоянным посетителем выставок и мастерских художников, заядлым театралом и страстным любителем музыки. Свои рецензии на спектакли он посылал в «Петербургскую газету», они печатались за подписью «Н.Е.» Меценат и общественно-культурный деятель, Николай Дмитриевич возглавил Общество имени А.И. Куинджи и помогал советами и финансами многим конкурсантам и начинающим талантам, да и маститые художники не были обделены его помощью и вниманием.

Благие дела Ермакова прекратились в связи с революционной ситуацией в России. Пытаясь спасти свою бесценную коллекцию, он решается передать ее на временное хранение в Русский музей. Но через год Отдел по охране памятников принимает решение о национализации частной коллекции Ермакова за подписью Комиссара народного просвещения. Так некогда крупнейший коллекционер остался без коллекции, а впоследствии и без квартиры. Он вынужден был переехать с семьей в Терийоки на свою собственную дачу.

Произведения живописи и скульптуры большей частью распределили по музеям Советского Союза. Многие из них были потеряны или уничтожены во время Великой Отечественной войны.

Несмотря на потери, Русский музей сохранил в своих фондах свыше пятидесяти принадлежавших Ермакову произведений живописи, рисунки и две скульптуры.

Количество картин, находившихся в Терийоках, остается для нас неизвестным. В художественных собраниях Финляндии и Швеции также есть произведения из коллекции Николая Дмитриевича Ермакова.

На время его проживания в Финляндии выпали все ужасы белофинской гражданской войны. Итог шестидесятилетней жизни патриота, коллекционера, мецената – забвение на Терийокском кладбище.

Если бы мы могли вернуть предметы, собранные Ермаковым, то получилась бы замечательный Музей русского изобразительного искусства.

Большая коллекция произведений живописи была в имени Куропаткина. Если судьба приведет вас в

поселок Песочное на 21 километре Приморского шоссе, то кроме руин форта Ино, вы сможете обнаружить здесь следы пребывания незаслуженно забытого российского патриота Алексея Николаевича Куропаткина (1849–1925).

Он был известен всей России. Военного министра при дворе Николая II любили и уважали все русские солдаты и офицеры. Родился он в Псковской губернии, где у него было родовое имение. Но отдавая дань моде жить в Финляндии, он не оставил без внимания эти края. Каждое лето, до 1904 года, он вместе с семьей приезжал на загородную дачу, подаренную императором за служение отечеству.

Северное побережье Финского залива становится ему родным. Вокруг дома он разбивает фруктовый сад и все саженцы привозит из Псковской губернии. Урожайм яблок из его сада радовались все соседи. Он раздавал фрукты корзинами. В его доме можно было увидеть редкую коллекцию русских икон и предметов старины. В парке вокруг дома генерал выстроил несколько фонтанов и лестницу, ведущую к морю. Она сохранилась по сей день.

Алексей Николаевич участвовал во всех военных кампаниях и сражениях, которые пришлось на его жизнь. Он дослужился не только до звания генерал-адъютанта, но и до должности военного министра, давал присягу на верность России трем царям, до конца жизни занимался православной просветительской деятельностью. Сейчас происходит переоценка роли генерала Куропаткина во время русско-японской во-

йны, хотя на него были списаны все грехи недалеко-видной политики Николая II.

Во всех исторических учебниках советского периода деятельность военного министра А.Н. Куропаткина была оценена как нерешительная. Считалось, что его неумение организовать взаимодействие войск, боязнь рисковать жизнью солдат, недоверие к приказам свыше сыграли трагическую роль в этой войне. Но, по мнению современных историков, генерал Куропаткин действовал стратегически правильно и грамотно в тех тяжелых условиях; когда русская армия была готова к контрнаступлению и находилась в стратегически выигрышном положении, но царское правительство преждевременно прекратило войну. Война была проиграна.

После опалы большую часть времени генерал проводил на Псковщине в Шешурине, среди книг своей огромной библиотеки, часть которой он передал селу. Там же он и работал библиотекарем. Еще построил в своем имении сельскохозяйственную школу и преподавал в ней. Устроил также сельскую больницу.

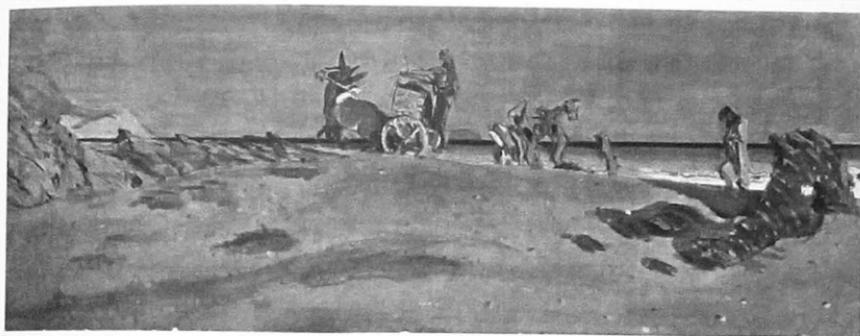
В.А. СЕРОВ В ФИНЛЯНДИИ

Бывал на Черной речке человек, имя которого знали все, русский художник Валентин Александрович



*И.Е. Репин. Портрет
В.А. Серова. 1901 год*

Серов (1865–1911). Жизнь и творчество художника были и остались интересной неисчерпаемой темой. Его вдохновляло море, на берегу которого стояла принадлежащая ему дача. Так же, как его друг и сосед Леонид Андреев, он благоговел перед морской стихией. Берега Финского залива остались на полотнах художника. Вся природа здешних мест: ее небо, водная гладь, прибрежный песок и камни-валуны соединились в едином творенье, созданном худож-



ником в свойственной только ему манере – в серо-голубых тонах.

Друзья художника отмечали его «языческое мирозерцание». Да и сам себя он считал язычником. Возможно, поэтому ему комфортно было в Финляндии, где в природе он уловил древний финский дух, невидимый простым людям.

Каждый раз, взглядываясь в серовские портреты, картины, рисунки, попадаешь в другой мир. И пытаешься разгадать таинственную душу художника. Работы Серова дают нам возможность ее понять. Он отразил как внешний блеск былого времени, так и нараставшие социальные потрясения. Гневные рисунки «Солдатики, бравы ребяташки, где же ваша слава», «После усмирения», «Виды на урожай 1906 года» говорят о бунтарском характере Серова. Как истинный патриот России он переносит революционное время на свои полотна. Протестуя против действующей власти и ужасов первой революции, художник выходит из состава Императорской академии художеств.

Друзья вспоминают, что в жизни Серов был одним, с друзьями – другим, а в творчестве – третьим. И со-

вершено иным он бывал на своей даче в деревне Ино (ныне Приветинское). Многогранность характера определяет его как художника разнопланового. На даче Серов иллюстрирует басни Крылова, которые до сегодняшнего дня остаются шедевром анималистического жанра. Возможно разнообразие домашних животных способствовало этому жанру. Все Серовы любили животных. Большинство из них запечатлено художником.

Животные, живущие на даче, были коренными жителями перешейка, поэтому им дали финские имена. Так лошадь, корова, курицы, собаки, коты и поросенок образовали малую финскую семью художника.



Автопортрет В.А. Серова

Кота звали Укки, корову – Риммики. Большую радость художнику доставляла лошадь. И, объезжая на ней окрестности, Серов выбирал места для пейзажей. Он говорил: «...Я все-таки немного и пейзажист».

География пребывания его на Карельском перешейке весьма разнообразна. Лето 1899 года он жил

в Терийоках, оттуда приезжал на дачу художника Александра Николаевича Бенуа. Семейство Бенуа отдыхало на Черной речке. Их дом стоял на том самом месте, где длинная песчаная коса уходила в море. На даче Бенуа собирались люди, близкие художнику по духу: Сергей Дягилев, Лев Бакст, Вольтер Нувель, Владимир Матэ, Дмитрий Философов и многие другие.



*Н. Войтинская.
Портрет А.Н. Бенуа*

Под влиянием друзей Серов и принял решение строить себе дачу по соседству. Согласно почтовому адресу строение находилось в поселке Ино. До сих пор нет точного определения места, где стоял дом художника. В одном из источников дана информация, что от нее до Терийок было 18 километров. По словам Леонида Андреева, расстояние между их дачами составляло 6 верст. От виллы «Аванс» до моста через Черную речку – одна верста. Если учесть, что от берега до Приморского шоссе полверсты, то получается, что дача Серова находилась на границе Курортного района Санкт-Петербурга и Выборгского района Ленинградской области, за пансионатом

«Восток-6». Дом был окончательно достроен в августе 1903 года. Уединение от городской суеты стало настоящим праздником для художника. Он тщательно оберегал свою загородную свободу и семейную идиллию. Когда Серов узнал, что рядом хочет строиться новый сосед, то перекупил этот участок для себя.

Здесь, в собственной мастерской, он продолжал жить и творить в мире палитр, холстов и красок. Заказные работы в летнее время берет редко и с неохотой. Заработок был нерегулярным. У него в кармане, вспоминают друзья, «было то густо, то пусто». Так как на его иждивении находились мать, шестеро детей и жена, работать было необходимо.

Появлялись у Серова проблемы с заказными работами, если не было симпатии и уважения к модели. Однажды художник пожаловался: «Застрял и завязя тут в Сестрорецке, с одним портретом: не выходит проклятый». Моделями портрета были самодовольные и раскормленные господа Грузенберги, которые вызывали у Серова чувство неприязни. «Заказывают – пишу, а если бы не заказывали, кто знает, и не писал бы, а так баклуши бил...».

Портретная живопись художника остается интересной и по сей день. Стало известно, что существовал миниатюрный портрет генерала царской армии Карла Густава Маннергейма. Когда и где был выполнен портрет, история умалчивает. Современный писатель Вениамин Додин в повести «О разделенной любви» или «Густав и Катерина» сообщает читателям, что во время обыска в 1940 году у балерины Екатерины Ва-

сильевны Гельцер портрет Маннергейма был изъят. И где он теперь, неизвестно.

А вот портрет сына балерины и генерала, маленького Эмиля, Серов пишет в 1907 году в имении Ренненкампов в Подмоскowie. Серовский портрет забирает отец ребенка – Маннергейм. По словам автора повести – это полотно долго находилось в Гельсингфорской студии Альло Сайло. И дирижер Каянус пытался всеми правдами и неправдами портрет заполучить. Скульптор Сайло неизменно отвечал на домогательство друга: «Этому серовскому мальчику тут быть!».

Детские портреты занимают особое место в творчестве художника.

Его радовали и свои дети, с которыми он общался в полной мере только летом на даче. «В воспитании детей тоже были черты, о которых можно сказать, что они велись «по-серовски». Когда старший сын попросил денег на постройку яхты, то отец попросил показать проект и модель строения. Когда Александр все сделал и показал



В.А. Серов. Дети

отцу, были выделены деньги и созданы условия для строительства семейного судна. Яхта была построена так мастерски, что стала предметом гордости и радости для всей большой семьи. А любитель рыбной ловли Серов получил возможность работать на веслах и совершать лодочные прогулки по Финскому заливу. Умеренный климат Карельского перешейка действовал целительно и благотворно. Работы, выполненные на даче, дают нам возможность увидеть Серова лиричного и домашнего.

Даже имя в своем доме он имел иное. Близкие называли его Антоном, друзья же за спокойствие и несуетливость – «слоненком», подчеркивая некую угловатость движений. В воспоминаниях о Серове единогласно отмечаются его редкий ум, врожденная интеллигентность и огромный талант, соединенный с трудолюбием. Он был фантастически свободным художником и его неповторимость, индивидуальность принесли ему признание и славу. Его называли художником-психологом. Возможно, общение с В.М. Бехтеревым, соседом по даче, повлияло на творчество художника. Серов подобно «естествоиспытателю» улавливал человеческую сущность. Простое копирование не его задача. На полотнах ярко просматривается характер изображенных людей. Художественный вкус Серова проявлялся в беспредельно требовательных и беспощадных оценках. Безошибочная характеристика художнику дана его другом Д.В. Философовым:

«...Правдивый до конца – он никогда не скрывал своих мнений. Благодаря этому часто наживал мел-

ких врагов. Был он человек «гордый», независимый. Свою свободу он ценил превыше всего. И вместе с тем был верным слугой собственного жизненного закона. Особенно это проявлялось в его семейной жизни, которая была образцовой».

Из воспоминаний Дмитрия Философова:

«... Единственно, когда он чувствовал себя цельным, ясным и счастливым, – это когда он был в природе... Он как художник не мог не созерцать и не перерабатывать своих впечатлений. Но это было нечто вторичное. По существу же он в качестве «слоненка» каким-то звериным образом сливался с нею, становился ее частицей, и в этом находил свое счастье. У себя в Терийоках, на Черной речке, Валентин был совсем другой человек, нежели в городе...».

Художник прожил всего 46 лет, и он был болен так же, как его отец, известный композитор. Сердечная болезнь резко повлияла на него, и, как пишет один из его друзей, Лев Бакст, в нем появился какой-то испуг, не свойственный его языческому мирозерцанию. По этой причине он счел обременительным содержать дачу в Финляндии и думал о переезде в Домотканово, поближе к Москве, к врачам. Но этого не случилось. На осиротевшей даче теперь бывала только мать художника.

Леонид Андреев тяжело пережил утрату друга. Своего младшего сына он назвал в его честь – Валентином.

Пройдут годы. Художник Василий Адрианович Власов в советское время часто приезжал из Комарова к руинам серовского дома в Ино. Как священные ре-

ликвии, Василий Андрианович доставал и показывал своим ученикам листки с мимолетными серовскими набросками: какую-то акварель или еще что-то, найденное на развалинах дачи Серова...

ХУДОЖНИКИ ПЕРЕШЕЙКА

Богата на художников была и осталась земля Карельского перешейка. С именем Анны Петровны Остроумовой-Лебедевой (1871–1955) связано возрождение художественной черно-белой и появление цветной гравюры на дереве в России. Она получила звание гравера-ксилографа, живописца, аквалериста и художника. В истории русского искусства начала XX века ее имя связано с пейзажами финской природы. Название гравюр говорит за себя: «Финляндия с голубым небом», «Финские озера», «Зима с желтым небом», «Луна», «Пункахариу» («Свиной хребет») и многие другие. Откуда у художницы, талантливо изображавшей архитектуру Петербурга во всем его величии, такое понимание природы? Думается, что из детства и отрочества, проведенных на Карельском перешейке.



А.П. Остроумова-Лебедева

Ее как художника скандинавской земли можно назвать «Гением места». Преклонение перед учителями: В.В. Матэ, В.А. Серовым, И.Е. Репиным, жившими на Карельской земле и любившими ее, помогло юному таланту писать природу перешейка.

В Приложении III можно ознакомиться с «Автобиографическими записками» А.П. Остроумовой-Лебедевой.

Весной 1913 года на старом финском кладбище в Уусикирко появилась новая могила. Вместо обычного креста был установлен ствол сосны и прибита поперечная перекладина. Рядом стоял ящик для книг со странной надписью. Чья же была необычная могила? Карельский перешеек хранит еще немало тайн. Его история ждет своих толкователей и исследователей. Остались немые свидетели былой жизни: старые деревья, заросшие мхами валуны, фундаменты финских хуторов, русских дач и заброшенные могилы...

В одной из них обрела последний покой русская художница, поэт и писательница Елена Генриховна Гуро. Малочисленные туристы и поклонники ее творчества приезжают в поселок Поляны Выборгского района Ленинградской области с надеждой обнаружить следы ее захоронения. Имя мастера лирической прозы и поэзии, графика и живописца Елены Гуро с каждым годом становится все известнее. Она родилась 10 января 1877 года в семье военного. Родословная по линии отца имела немецкие корни. По линии матери дедом ее был известный в свое время в России писатель А.М. Чистяков. Он владел издательством и журналом «Детское чтение». Родовое имение Чистя-

ковых находилось в Псковской губернии, где Елена Гуро проводила летом все свое время. Оттуда и появилась «нелюбовь к городу» в душе юной художницы. Увлечение чтением и рисованием, любовь к природе и добрые семейные отношения способствовали творческому становлению личности Гуро.

В Петербурге она, закончив школу живописи, продолжает образование в мастерской художника Я.Ф. Циоглинского, где и знакомится со многими известными людьми. В круг ее друзей входят Александр Блок, Владимир Маяковский, братья Бурлюки и другие. Здесь, в мастерской, делает первые шаги в живописи музыкант Михаил



Васильевич Матюшин, известный в Петербурге как «первая скрипка» Придворного оркестра.

Талантливый скрипач сразу привлек к себе внимание, а потом и любовь молодой художницы.

Позднее Матюшин напишет: «С тех пор я постоянно наблюдал за ней и всегда поражался напряжению ее ищущих глаз. Я постарался с ней познакомиться поближе. Постепенно

Е. Гуро.

Портрет М. Матюшина

узнавая друг друга, мы сблизились и стали настоящими товарищами по работе и убеждениям». Елена Гуро становится его другом, женой, советчицей и путеводной звездой. С ней он обрел самого себя. Матюшин, с детства увлеченный музыкой, обладал абсолютным слухом. В юности он смастерил для себя скрипку, сам пишет музыку, а затем заканчивает Московскую консерваторию. Его сочинения для скрипки до сих пор восхищают красотой и утонченностью восприятия.

Но одной музыки в его жизни было недостаточно. Музыка не позволяла в полной мере выразить себя, свою индивидуальность. С Еленой Гуро они вместе пошли по пути нового искусства, названного авангардным.

Летом 1912 года на Карельском перешейке, в дачной местности Уусикирко, появляется странная пара. Он – высокий, привлекательный человек, художник и музыкант Михаил Матюшин и его жена – художница и поэтесса Елена Гуро, молодая, невысокая женщина с бледным лицом и с зелеными раскосыми глазами.

География пребывания их на перешейке разнообразна. Елена Гуро каждое лето с 1908 года проводит время то в Терийоках, то в Выборге, то в Лахте, то в Кемояки и, наконец, в Уусикирко. На сей раз они живут на даче Берга. Отдаленность от оживленных мест, по всей видимости, определялась желанием быть подальше от дачной суеты, оживленных курортов, поближе к живой природе. Пройти от дачи до станции Каннельярви один километр не составляло большого труда.

Когда Гуро проводила лето в Волынской губернии, она жаловалась, что «рисование не идет, потому что

в этой местности отсутствуют решительно твердые вдохновенные фантастические черты финской природы». На протяжении своей короткой жизни она пыталась разгадать таинственную финскую душу, с большим уважением относилась к местным традициям.

Елена Гуро как личность и как художник оставила после себя множество вопросов для будущих исследователей. То, что о ней известно, фактически несоизмеримо с тем, что таит в себе ее творчество. Полуфантастический мир ее стихов, рисунков и дневников возник на этой земле, объединив ее душевную особенность и новые веяния художественного творчества. Чуткое воображение Елены Гуро и предвидение позволили ей улавливать невидимые сигналы так же, как ее другу Александру Блоку. В изысканности словосочетаний Гуро соперничает с Велимиром Хлебниковым.

В ее творчестве мы чувствуем далекое и близкое, откровенное и потаенное, низменное и успокаивающее, вымысел и правду. Она жила в очень коротком промежутке времени, названном Серебряным веком.

Огромную роль в творчестве Гуро сыграла северная природа. Некоторые стихи ее так и называются: «Финляндия», «Финская мелодия», прозаические зарисовки «Дача с призраками», «Камушки». О каком еще месте можно было так написать: «По золотому соснобережью нежило солнышко. Гладило спинки ласковых камушков на песчаной ладони берега». Что до стихотворения «Финская мелодия», то там есть посвящение – «Несравненному Паси Яскелайнену – сыну его Родины». Известный исполнитель народных песен был

очень популярен в Финляндии и в России. Возможно, Елена Гуро была на концерте певца или при каких-то иных обстоятельствах состоялось их знакомство.

У язычников-финнов они с Матюшиным переняли традицию отмечать день зимнего солнцеворота в ночь на 22 декабря. К этому дню наряжали елку, готовили угощения, приглашали друзей – спорили о литературе и искусстве, вспоминали прошлое лето и строили планы на будущее, на новый дачный сезон.

До сих пор многочисленные «гуроведы» спорят об определении ее творческого направления. Манеры Елены Гуро, ее рисование и умение выражать собственное видение мира и философию не принадлежат ни к одному из направлений авангардного искусства. Гуро была сама собой (хотя чаще ее причисляют к кубо-футуристам), но необыкновенной. Имя Елены Гуро, лирика, прозаика, живописца хорошо известно всем, кто хоть немного знаком с искусством Серебряного века, в котором Гуро оставила значительный и самобытный след.

Ты моя радость,

Ты моя вершинка на берегу озера.

Моя струна. Мой вечер. Мой небосклон.

Моя чистая веточка в побледневшем небе.

Мой высокий-высокий небосклон, небосклон вечера.

Одна из работ Гуро – портрет Михаила Матюшина со скрипкой в руке. Его красивое лицо прикрыто легкой дымкой, возможно, для того, чтобы никто не смог рассмотреть разрез его глаз. Да и могут ли у «божества» быть человеческие черты лица! Она видела и создава-

ла творца по своим собственным понятиям, передавая на холсте не физическое тело, а душу человека.

У Гуро была естественная женская мечта о семье, о ребенке. Бог ей этого не дал, но мир ее фантазии был велик. Сына она создает виртуально, дав ему имя и протрадав с ним его недолгую жизнь. Образ сына появляется на страницах ее дневника таким реальным и зримым, что начинаешь верить в его существование. Ему посвящено произведение «Бедный рыцарь».

Вместе с этим тонкую натуру Гуро переполняли эмоции и чувства любви к природе, собратьям по перу, к философам, к животным – ко всему. Она видела то, что казалось невидимым. В ее рисунках оживают камни, цветы, деревья.

Любимый кот остался в ее рисунках. В изображении кота Елена Гуро использует одну непрерывную линию: как бы легкий взмах пера – и кот на бумаге.

«Светлая душа кота светила в комнате, У него был белый животненький животик. Душа была животненькая, маленькая, невинная, лукавая и со звериной мудростью...»

Имена ее единомышленников и соратников до сих пор изучают и исследуют так же, как и творчество самой Елены Гуро. Велемир Хлебников, Владимир Маяковский, В. Каменский, Константин Малевич, братья Бурлюки и другие представители авангардного искусства нам сегодня интересны во главе с Еленой Гуро.

За издание ее произведений выступали В. Шкловский и М. Горький, – как видим, люди совершенно разных эстетических направлений.

Судьба была сурова к Елене Гуро, отпустив ей только тридцать шесть земных лет. Последний взгляд художницы остановился на любимом человеке, небе и земле Карельского перешейка.

Матюшин изготовил крест из ствола сосны, установил икону, скамейку и ящик с книгами Елены Гуро. У него было огромное желание познакомить любопытных путников и местных жителей с ее творчеством. Рукой Матюшина на ящике была сделана надпись: «Тот, кто хочет познакомиться с произведениями Елены Гуро, может достать их из ящика. Уверен, что они будут положены обратно».

И читающие были. Об этом потом расскажет О.К. Гомозова, ставшая женой Матюшина. Позднее художник пытается увековечить надгробие бетонным прочным поребриком. На поребрике он устанавливает две фигурки непонятных животных, вероятно, это были «небесные верблюжата», о которых писала Елена.

Матюшин покупает место для себя, а позднее для жены, рядом с Гуро. Он пишет небольшую картину, где изображено место ее погребения.

Каждая година смерти Елены Гуро отмечалась Матюшиным вместе с друзьями и учениками, спектаклями, музыкально-литературными вечерами, а также выставками ее произведений. До 1917 года он заботился о могиле и благоустраивал ее для себя. Но судьба распорядилась иначе. В Финляндию он больше приехать не смог, граница была закрыта.

Матюшин напишет в своем дневнике: «Тот, кто любил, как Лена, почки, листики и всю движущуюся жизнь и увидал жизнь в камнях, и не хочет в буду-

щем с этим расставаться, – хочу ему служить моей любовью. Я умру, но я люблю ствол березы, ее ветви, кресты-кисти благословения. Я люблю красные свечки сосен, их звенящие чешуйки. На черной земле – трилистники молоденькие. Песок, горячий от солнца. Ветер теплый и сильный в лицо. Нежные молодые сны на земле. Бесконечно верю в молодость – светлое начало их светлого конца страданий. Не верю в их разврат, не верю в их бесчестие и вижу в них великие пробы уводящих путей, как тьму, так и свет! Не верю в их бездарность, нет бездарных! Есть несчастные, обездоленные и только закрытые для себя и для всех – до времени. Верю в молодость, потому что ее пути все еще в откровении!

Они совершенно неизвестны! Они могли бы быть, они могут быть! Они БУДУТ!!! Разве царство Божие не на земле!

Дай нам силы на эту любовь к освобождению души»...

Матюшин станет знаменитым художником, профессором Петроградской Академии художеств, выпустит два курса своих учеников, работы которых можно увидеть и в российских и в зарубежных музеях.

Сохранилось много воспоминаний о Михаиле Матюшине, которого ученики называли «властителем дум». Недавно в стенах Российской Академии художеств проходила выставка «Михаил Матюшин и его ученики 1922–1926 годов», организованная искусствоведом Никитой Сергеевичем Несмеловым. На Петроградской стороне открыт музей М.В. Матюши-

на – «Музей петербургского авангарда». Его имя стало визитной карточкой этого движения.

Художник похоронен на Южном берегу Финского залива, в Мартышкине, волею судьбы как раз напротив бывшей волости Уусикирко.

В Полянах (быв. Уусикирко) заросшее кустарником место с трудом хранит память о женщине, жизнь которой осталась в ее творчестве. В мае 1994 года в Санкт-Петербурге прошла выставка работ Елены Гуро и был опубликован каталог.

Памятный знак на старом финском кладбище в Уусикирко, посвященный Елене Гуро, мог стать бы символом памяти благодарных потомков замечательной представительнице отечественной культуры начала XX века. Будем надеяться, что люди этого поселка обозначат могилу Гуро и будут помнить имена, которые вошли в историю. Памятники являются не только воспоминанием о некогда живших здесь людях, но и руководством к действию.

Памятник-имение «Пенаты», где русский художник Илья Ефимович Репин прожил тридцать лет стал музеем. На сегодняшний день этот единственный на побережье музей-усадыба. Сотрудники музея продолжают радовать гостей и жителей Курортного района новыми открытиями в историографии художника. Одно из его творений находилось в деревне Метсякюля. Это был портрет М.В. Крестовской кисти И.Е. Репина.

Карельский перешеек был своего рода перекрестком судеб, жизни и творчества многих людей. Здесь создавалась русская и финская культура, самобытная

и новая, с разными взглядами и убеждениями.

В имении «Мариоки» на Черной речке, в кабинете Евгения Эпафродитовича Картавцова (1850–1932) висел портрет его жены Марии Всеволодовны Крестовской (1862–1910). На портрете изображена молодая женщина с темно-каштановыми волосами и великолепными голубыми глазами. Портрет датирован 1896 годом, за год до этого Репин сделал рисунок, изображавший писательницу. Оба портрета были созданы художником в доме у Аларчина Моста, хозяйкой которого была Варвара Ивановна Иксуль-Гилленбант (1846–1929). В ее салоне бывали многие творческие, политические и военные деятели, министры и дипломаты. Яркая жизнь Варвары Ивановны,



*И.Е. Репин. Портрет
В.И. Иксуль-Гилленбант*

наполненная драматическими событиями, нам известна только фрагментарно. В имении на берегу Черной речки у нее была своя комната. После революционных событий в Петрограде она выживает в Мариоках,

набирается сил и возвращается в голодный и холодный город, когда семья Крестовских-Картавцовых уезжает за границу.

Чем же была известна Варвара Ивановна Иксуль, имя которой часто встречается в воспоминаниях и письмах Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Д.С. Мережковского, В.М. Гаршина и многих ее друзей и корреспондентов? Настала пора вспомнить это имя. К ее портрету работы Репина в Третьяковской галерее подходят люди, задаваясь одним вопросом: «А кто это?» – необычайно грациозная, с таинственным взглядом черных глаз из-под легкой вуали, в красной креольской шапочке. По характеристике писательницы Зинаиды Гиппиус, «в этой прелестной светской женщине кипела особая сила жизни, деятельная и пытливая. Все, что так или иначе выделялось, всплывало на поверхность общего, мгновенно заинтересовывало ее, будь то явление или человек. Не успокоится, пока не увидит собственными глазами, не прикоснется, как-то посвоему не разберется. Она обладала исключительной уравновешенностью и громадным запасом здравого смысла. Всех «пытала» и ко всем оставалась равна. Но чутье к значительности – даже не человека, а его успеха – было у нее изумительное».

Варваре Ивановне интересны были люди. Ее литературный салон опишет друг Чехова писатель Игнатий Потапенко. По ее инициативе в северной столице совершились подвижничества: открытие женских (позднее Бестужевских) медицинских курсов, общества помощи литераторам и художникам. Она приютила у себя в доме Репина, где дала ему мастерскую.

Репин же, в свою очередь, иллюстрировал рисунки для обложек книг, издаваемых Иксуль из произведений русских писателей для деревенской бедноты. Во времена голода пыталась оказать деревне материальную помощь: собирала в городе деньги для устройства деревенских столовых. Устраивала благотворительные вечера, концерты, лекции, лотереи.

В 1900 году она возглавила благотворительную общину Святой Евгении. Во время русско-японской войны сформировала поезд с сестрами милосердия на Дальний Восток. Организовывала лазареты, лечебницы и санатории для пострадавших воинов. В годы Балканской и Первой мировой войн находилась в зоне боевых действий, чтобы помогать раненым. Была награждена Георгиевским крестом, а ей в то время было уже 64 года. О Варваре Ивановне надо писать романы, ее жизнь – яркий пример преданной любви и служения России, которая о ней забыла...

Собственной дачи у нее не было. Свободное летнее время она на протяжении многих лет проводила в имении своей подруги М.В. Крестовской на берегу Черной речки.

Родственник Варвары Ивановны Иксуль, государственный служащий, чиновник Сената и Государственного Совета барон Александр Иксуль фон Гилленбант был женат на знаменитой финской артистке Иде Аалберг. Она была известна как ведущая актриса не только в Финляндии, но и в Европе. О ней петербургские газеты писали как о «великой финской актрисе, в своем искусстве стоявшей рядом с лучшими в мире и в истории». Ида Аалберг была в Петер-

бурге одной из тех, кто принимал участие в благотворительной работе для поддержания бедных финнов в столице. Финское общество трезвости к содействию трудового образа жизни «ALKU» пригласило знаменитую актрису в театр «Казино» в Терийоках. Выступление Иды Аалберг летом на Карельском перешейке вызвало бурю оваций и восторга. Выступала она как на финском, шведском, так и на русском языках. Финская газета «Инкери» писала о ней: «Нужно быть великим художником, но необходимо быть и большим знатоком народа, чтобы понимать этот сильный, простой народ с его радостями, горестями, борьбой, стремлениями, чтобы суметь таким грандиозным, величественным способом пробудить в нем самые чистые, самые скрытые чувства. Нет, совсем не сожалеют слушатели, что после тяжелого рабочего дня отправились, несмотря на слякоть и дождь, послушать знаменитую финляндскую актрису».

В стихах финской поэтессы Эдит Седергран (1892–1923) мы также находим воспевание родной природы. Она писала немного печальные и мудрые стихи. Молодая девушка оказалась после революции в Райвола (ныне поселок Рощино), где увлеклась модной тогда наукой изучения души – теософией. Теософское общество находилось с 1918 года в особняке – даче М.С. Воронина на берегу Черной речки. Здесь проводились собрания, встречи, бурные диспуты как среди оставшихся здесь русских эмигрантов, так и финнов. Эти собрания посещал Леонид Андреев, и, вероятно, заглянул сюда на огонек гостивший у писателя в Финляндии русский художник-философ Николай Рерих. Много еще любо-

пытных и интересных фактов хранят архивы и письма. В 1980 году ленинградский поэт Михаил Дудин перевел сборник стихов Эдит Седергран, назвав его «Возвращение домой» (переизданный в 1991 году).

Дерево моего детства ликует вокруг меня.
Травинка меня приветствует, голову наклона.
И я склоняюсь к травинке среди тишины лесной.
Все прошлое остается за моей спиной.
Моими друзьями отныне под сенью родных небес
Опять становятся озеро, берег его и лес...

Ее жизненный путь был коротким (тридцать лет). Мир ее переживаний охватывал землю и небо, богов и людей. Светлая и нежная ее душа осталась в стихах. А в поселке Роцино, на высокий берег озера, к памятнику поэтессы до сих пор идут многочисленные туристы и любители творчества Эдит Седергран. Рядом с памятником находится бронзовая фигура кота шведского скульптора Нино Терно. На пьедестале надпись: «Тотти. Не все существа созданы для того, чтобы их так любили». Все туристы обязательно гладят коту голову, чтобы в жизни земной небесные существа помогали в сложных ситуациях людям, сохранившим финские поверья.

А в Финляндии, в Хельсинки, установлен памятник сказительнице, исполнительнице рун – Ларин Параске, которая долгое время жила на Карельском перешейке, где и родилась в семье ижорского крепостного крестьянина. Ее песни и сказания, пословицы, загадки, притчи считаются полноправной частью финской культуры.

На Карельском перешейке прошло детство религиозной и общественной деятельницы Греты Лангenschельд. Финский художник Микко Уотинен, живший в Тюрисева, написал серию картин на тему родного края. Пауль Михаэль Ингель создал роман о жизни русских в Финляндии под названием «Русский памятник». Многие финские и русские деятели культуры запечатлели природу Карельского перешейка в своем творчестве. Художник Сакариас Топелиус издал альбом «Финляндия, представленная в рисунках». В это издание вошло 120 иллюстраций, и среди них виды и сюжеты с Карельского перешейка. Был известен и любим в России финский художник Аксель Галлен-Каллела (1865–1931).

На Парижской всемирной выставке 1900 года был финский павильон, сооруженный талантливыми зодчими: А. Линдгреном, Э. Саариненом, Х. Гесселиусом. Павильон получил название «жемчужина выставки». Его экспозиция включала в себя множество произведений финского искусства. Среди них были работы Галлен-Каллелы – главного строителя этого павильона. Про него крупнейший деятель русской культуры Сергей Дягилев сказал: «Никто с такой поэзией и силой не передает финской природы, зимы, озер и лесов, как этот оригинальный художник...».

Перед подготовкой II Скандинавской выставки Сергей Дягилев отправился в Финляндию и Швецию знакомиться с теми деятелями культуры, чей творческий пример подтверждал найденную им идею. Слова Дягилева о финских художниках являлись определяющими в их жизненных правилах: «Жить гармонич-

но, умели как работать, так и заниматься живописью, занимаясь черным трудом, и говорили о возвышенном...»

Одним из двигателей культурного прогресса был Сергей Дягилев. Его идея о Русских сезонах была окончательно разработана к 1909 году. Благодаря ему Европа узнала имена талантливых артистов Русского балета. Русские сезоны помогли им в поиске творческих решений и сделали имена многих из них известными в Европе.

Сергей Дягилев был частым гостем на даче Александра Николаевича Бенуа. Именно на Черной речке летними вечерами проходили шумные дебаты о месте русской культуры в мировой. Вероятно, здесь появилось решение ознакомить зарубежного зрителя с историей русского искусства.

Финский писатель Як Аренберг запечатлел природу перешейка и многих известных людей. Он создал цикл романов под названием «Люди, которых я знал». Известный литератор и издатель Голик основал свой салон в Куоккале. Здесь до начала зимней войны собиралась финская творческая интеллигенция. В доме под названием «Вилла Голик» бывала чета Коллиандеров. Инна Коллиандер становится художницей. За свою жизнь (1905–1985) она оставила около 150 работ – живопись, графика и мозаика. Ее произведения отражали дух эпохи и резкий кризис серебряного века. Новая пролетарская культура еще только прорастала в умах художников. Но Инна Коллиандер уходит в своем творчестве в древние сюжеты. На выставке скандинавской гравюры 1937 года в Копенга-

гене была представлена ее «Русская церковь». Сейчас эта мозаичная икона украшает здание церкви в Новом Валааме. Ее муж Тито Коллиандер, писатель и общественный деятель, своим творчеством пытался повлиять на сближение церковей лютеранской и православной.

К этому старенькому дому в Репино, стоявшему одиноко на крутом повороте Приморского шоссе, недавно подъезжали еще российские и финские исследователи культурной жизни перешейка. Сейчас этого дома «Вилла Голике» уже нет. Как и все немногие памятники истории Карельского перешейка он уничтожен огнем. Небезинтересно узнать, что внук художника Репина – Дий Юрьевич Репин, проживавший в Коуккале, был послан нелегально в Ленинград в 1935 году с разведывательной целью за информацией и литературой. Он состоял в рядах антисоветской организации «Братство Русской Правды», которая посылала своих бойцов на гибель. Дий Репин был разоблачен и казнен в Ленинграде. Да и в Финляндии пропаганда советской и антисоветской действительности была запрещена. В Терийоках отделение БРП возглавлял А. Толль – настоящее имя Анатолий Николаевич Антонов-Дядик (1896–1971). Сохранились протоколы допроса в финском полицейском участке русского подданного А.Хлопушкина. Он служил курьером финской разведки с 1924 года. Ему было предъявлено обвинение в советской пропаганде, которое формулировалось как восхваление условий жизни в Советском Союзе среди русского населения в Терийоках.

Тяжелое революционное время переживает в Терийоках семья великого князя Павла Александровича Палей. Внебрачный сын Александра II только в 1914 году приезжает из Парижа в Россию, прощенный своим племянником Николаем II заmorganaticкий брак. Знать бы, какая страшная судьба ожидает его на родине! Жизнь самого князя закончилась вместе со всеми царствующими особами после революции в Ипатьевском доме. А вот две его дочери – подростки Ирина и Наталья вместе с матерью Ольгой Валериановной Карнович оказываются в Финляндии. Они жили в



*Фотомодель Наталья Палей.
Париж. 1935 год*



*Сестры Палей Наталья и Ирина.
1916 год*

Терийоках два трудных года. А затем, спрятав оставшиеся драгоценности в подкладку пальто, через Швецию попадают во Францию. Стройная, изящная, с прекрасной пластикой движений, Наталья идет работать в Дом моды Феликса Юсупова в Париже.

Большая часть состоятельных русских господ переехали тогда с берегов Черной речки на берега Сены. Наталья Палей – с красивым лицом и большими грустными глазами, в которых навсегда осталась тоска по погибшим в России отце и брате, – общается с русскими эмигрантами. Ее близким другом становится танцовщик Серж Лифарь. Но из Франции ее переманивает, обещая кинематографическую карьеру, американский Голливуд. Так первая русская фотомодель становится актрисой. На американском континенте она предпочитает общаться со своими соотечественниками и, как свойственно русской душе, оказывает помощь нуждающимся, крестит детей, собирает вокруг себя известных актеров, художников, музыкантов. Она прожила долгую жизнь и не раз вспоминала холодную и голодную Финляндию, в которой прошло ее отрочество. Ее фотографии до сих пор украшают обложки модных журналов.

ПЕРЕШЕЕК В ОГНЕ

До конца ноября 1939 года церковь “Всех Скорбящих Радость” была действующей, но 30 ноября в 8 часов утра рано утром начался артиллерийский обстрел береговой линии северного побережья Финского залива. Советская артиллерия била как из Кронштадта, так и из форта Тотлебен. Большая часть русских дач с высокими смотровыми башнями были уничтожены на всем побережье: снесены купола церквей в Терийоках как лютеранской, так и иконы Казанской Божией Матери. На эти купола пришелся основной удар. У храма на Марьиной горе была также уничтожена западная стена. Зимняя война длилась 105 дней, до весны 1940 года.

В марте этого года уцелевшая бронзовая скульптура М.В. Крестовской с глазами, полными невидимых слез, смотрела на полуразрушенный храм. Но скорбеть и оставаться на своем месте ей пришлось недолго. Уже летом 1940 года Метсякюля и Ваммельсуу начали заселять первые переселенцы. Работы было много, но первое, чем они занялись, вырвали бронзового медвежонка с постамента памятника и стали таскать по домам. Благо дач на берегу Черной реки было достаточно. Все оставшиеся русские дачи и финские хутора стали использоваться для проживания крестьян, чьи дома были разрушены в годы войны. После окончания советско-финляндской вой-



Финские солдаты вместо памятника 1941 год

ны уже не было ни скульптуру Крестовской, ни Вилли, ни самого имения – весь металл был безжалостно отправлен на переплавку. Церковь позднее взорвали. В поселке Ваммельсуу начали строить новый “Северный Артек”. В Метсякюля был образован новый совхоз. 26 июня 1940 началась новая война.

Она продолжалась на Карельском перешейке три года. Забегая вперед, расскажем о герое Карельской земли.

26 июня 1944 года в небе над Выборгом вступил в неравный бой с вражескими истребителями молодой летчик Владимир Серов. За двухгодичную летную службу он был награжден за отвагу и смелость орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского и Орденом отечественной войны 1 степени. А было ему 22 года!

С детских лет Владимир Серов был увлечен самолетами и влюблен в это чудо XX века. И на его счастье

в станице Лабинской (ныне город Лабинск) рядом с его родной Курганинской станицей (ныне город Курганинск Краснодарского края) был аэроклуб. Стальные птицы доверялись только мужественным и сильным людям. При управлении самолетом требовалось крепкое здоровье, определенные навыки и знания. После окончания Краснодарской военной авиационной школы



Руины церкви. 1956 год



Переход р. Сестра



7-я армия, 1939 г.



Обоз на марше



Предполье



Дорога на Рауту (н. Сосново)



Красный флаг на высоте 65,5

Владимир Серов проявлял чудеса героизма в небе на фронтах Великой Отечественной войны. Летчик-истребитель Владимир Георгиевич Серов отдал свою жизнь за будущее родной страны. И его имя осталось в памяти людской. Каждый год, весной, его памятник на берегу Черной речки посещается жителями нашего района. Школа поселка Молодежное была



Советский самолет-разведчик Р-5

названа в честь героя. Каждый школьник в поселке знает о нем и гордится тем, что Владимир Георгиевич Серов совершил 203 боевых вылета и в 53 воздушных боях лично сбил 20 самолетов противника, что в группе летчиков - истребителей уничтожил 6 немецких самолетов. Его жизненный путь закончился в бою, где он вместе с четверкой "Лавочкиных" вступил в бой с 7-ю вражескими истребителями. Самолет врезался в землю Марьиной горы, и остатки стальной птицы будоражили воображение. Звание Героя Советского союза присвоили Владимиру Георгиевичу Серову 2 августа 1944 года (посмертно). Героя похоронили на берегу Черной речки.

В наградных документах на имя Владимира Серова содержится много информации, которая свидетельствует о геройстве советского аса.

Артиллерия и авиация Ленинградского фронта и Краснознаменный Балтийский флот начали освобождение Карельского перешейка в первых числах июня 1944 года. Этот год ознаменовался полным изгнанием немецко-фашистских захватчиков и их союзников со всей территории России.

Говорят, что цифры и факты - скучная проза, но именно они способны рассказать нам о событиях далеких фронтовых лет.

«Выборгско-Петрозаводская стратегическая наступательная операция» (10 июня-9 августа 1944 г.) привела к разгрому финской армии. Советской стороной к боевым действиям привлекались войска правого крыла Ленинградского фронта под командованием генерала армии Маршала Советского Союза Л.А. Говорова в составе 21-й, 59-й, 23-й общевойсковых и 13-й воздушной армии сил КБФ под командованием адмирала В.Ф. Трибуца. Как известно, Карельский перешеек был укреплен финнами еще до войны. С Карельским перешейком связана «Линия Маннергейма» и бои советско-финляндской зимней войны. После того, как Финляндия участвовала в войне против Советского Союза на стороне гитлеровской Германии с 25 июня 1941 года по 19 сентября 1944 г., военные строители дополнительно укрепили эту территорию линией «ВТ», которую всегда путают с «Линией Маннергейма».

На 120 км вписались в рельеф местности полоса оборонительной линии «ВТ» (Ваммельсуу-Тайплле). Леса и болота, валуны и возвышенности, реки и озера связали между собой окопы, проволочные загражде-

ния, доты и дзоты в системе бетонированных убежищ и огневых точек линии “ВТ”. Но финны не успели к началу боев в июне 1944 года оснастить эту “непобедимую” линию дополнительным вооружением с бронированными колпаками.

Утром 10 июня 1944 года части 109-й стрелковой дивизии 109-й стрелкового корпуса 21-й Советской армии прорвали оборону пехотного полка финской армии и заняли Терийоки. Вечером того же дня советские войска вышли к Черной речке. Здесь за трое суток части Красной Армии пытались сломать ожесточенное сопротивление 20-го финского отдельного батальона и частей кавалерийского полка Хяме. На реке Ваммельйоки (так финны называли Черную речку) неприятелю удалось “зацепиться” на Линии долговременных сооружений “ВТ”. Учитывая характер ожесточенных боев на участке Терийоки-Ваммельсуу-Метсякюля, следует отметить, что потери войск 21-й Советской армии были значительными. Так что все берега Черной речки обильно политы кровью павших бойцов. Основные потери советские солдаты понесли от огня финской артиллерии. Причиной гибели были осколочные ранения. Обескровленную 109-ю дивизию отвели на переоформление. Затем в бой вступили 46-я стрелковая дивизия под командованием полковника С.Н. Борщева и 90-я Краснознаменная Ропшинская дивизия под командованием генерал-майора Н.Г. Лященко. Наши солдаты проявляли чудеса героизма, но и финские воины бились за каждую пядь земли до последнего солдата. Линия “ВТ” не спасла врагам и, потеряв на Черной речке свыше двух третей лично-

го состава, финны были вынуждены отступить. Наши солдаты соорудили временный мост вместо старого взорванного, и Черная речка стала вновь важным стратегическим объектом – перекрестком железной и шоссейных дорог. Советские войска пошли дальше к Выборгу. Карельский перешеек освобождали 1-я отдельная танковая бригада под командованием полковника В.Н. Волкова, 27-й отдельный танковый полк под командованием подполковника Юнацкого, 1222-й самоходно-артиллерийский полк под командованием подполковника Н.И. Бирюкова и части Советской армии 46-й, 90-й, 314-й. Никто не знает точно, сколько бойцов погибло здесь, можно сказать приблизительно. В братских могилах лежат от трех до четырех тысяч бойцов, и имена многих из них неизвестны. Это была одна из трагедий русского народа. Погибший в этой войне – ленинградец Алексей Лебедев перед походом на фронт выразил в своих стихах любовь к земле Карельского перешейка.

Или помните, или забыли
Запах ветра, воды и сосны,
Столб лучами пронизанной пыли
На подталых дорогах весны?..
Или вспомнить уже невозможно,
Как виденья далекого сна,
За платформой железнодорожной
Только сосны, песок, тишина.
Небосвода хрустальная чаша,
Золотые от солнца края.
Это - молодость чистая ваша,
Это - нежность скупая моя.

Загадочная душа молодого ленинградца навеки осталась в его стихах. Подводная лодка, на которой служил Алексей Лебедев, подорвалась на mine в Финском заливе в ноябре 1941 года.

ЖИВАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕНИ

Как-то, лет двадцать тому назад на остановке у школы в Зеленогорске мне пришлось долго ждать автобус до Молодежного. Был летний теплый день, пожилая женщина с тростью в руке подошла ко мне узнать расписание автобуса. Доброжелательно улыбаясь, она сказала негромко: “Я провела здесь детство”. Так завязался разговор, который, к сожалению, не был закончен. Ее отец, русский писатель Владимир Сладкопевцев, каждый год снимал дачу в Тюрисевя (ныне Ушково). После революции семья писателя больше не могла выехать на Карельский перешеек. Ирина Владимировна поведала мне, что от отца остались дневники, письма, неразобранные бумаги. С этой милой женщиной я много раз говорил по телефону, но встретиться с ней мне не удалось. Однажды телефон замолчал. И только в Публичной библиотеке мне удалось разыскать сборник рассказов забытого писателя, два из которых приводятся в Приложении I.

Жизнь педагога и профессора Санкт-Петербургской театральной академии Александра Николаевича Куницына (1927-1991) была связана с Карельским перешейком. Он родился в Сестрорецке 15 августа 1927 года в старинном доме своего деда. Дедушка имел в Сестрорецке собственную землю и до революции поставлял продукты для императорского дво-

ра. Этот дом жив по сей день и находится у моста через Сестру. По воспоминаниям Александра Николаевича, на мосту дежурили часовые.

В семье Куницыных уважительно относились к императору Александру II, погибшему от рук террористов. Новорожденного мальчика назвали в его честь Александром. Его детство совпало с предвоенным периодом. Предки Куницына в двух поколениях проживали в Петрограде-Сестрорецке-Ленинграде. Куницына привлекала романтика моря, но война помешала ему стать моряком, его детство закончилось в 14 лет. В блокадном Ленинграде Саша работает на фабрике, где шьет шапки для бойцов Ленинградского фронта и получает взрослую продовольственную карточку.

На его иждивении находились мама и старшая сестра. После работы Александр вместе с друзьями дежурил по двору, тушил снаряды и фугасы на крышах Ленинграда. Несмотря на занятость, подросток находил время для чтения без света, при свече.



*А.Н. Куницын и Г.А. Барышева.
Семейное фото*

И за короткий и суровый период военной юности им была прочитана практически вся русская и зарубежная классика. Между работой и чтением Александру нужно было достать продовольствие для семьи. Проявляя чудеса изобретательности, он доставал куски кожи и менял их на клей, из которого варил суп. Были в жизни Александра и трагедии военного времени: украдены, как это часто случалось, его продовольственные карточки. Но смелость и оптимизм помогли ему пережить блокаду. Жизнь научила Куницына всему: готовить из ничего, плотничать, столярничать, разбираться в электричестве, шить одежду и обувь, тянуть провода. Но огромная тяга к литературе и искусству привела Александра Куницына после войны в Театральный институт, после окончания которого он работает актером Театра Ленинского Комсомола. После актерской деятельности Куницын вновь возвращается в институт учиться в аспирантуру, после окончания которой он преподаватель в Театральном институте. Свое актерское мастерство, энциклопедические знания и любовь к театру он передает своим ученикам. Сейчас в творчестве многих известных актеров мы видим куницынские черты воспитания. Достаточно назвать имена Юрия Охочинского, Юлии Рудиной, Зои Буряк, Олега Погудина, Алисы Гребенщиковой, Дарьи Лесняковой и многих других. Студентами они радовали жителей и гостей п. Молодежное своим творчеством на площадке санатория «Черная речка». Александр Николаевич Куницын вошел в историю русской культуры как рыцарь слова. Организованный им конкурс «Яхонтовские чтения»

стал стартовой площадкой для большинства мастеров художественного слова – звезд российской сцены, которых мы знаем и любим, настоящих актеров.

Карельский перешеек на протяжении многих лет был в его жизни местом отдыха и лечения. Сотрудники Дома Творчества в Комарово, дома отдыха “Театральный”, санатория “Черная речка” до сих пор вспоминают этого замечательного человека. Он делился мастерством, создавая непринужденные отношения с людьми, врачами, отдыхающими.

В родном институте Александр Николаевич Куницын создал Кафедру сценической речи и ее возглавил. В жизни же был простым и обаятельным человеком. Он умел отдавать всем людям все свои знания. Имя Александра Николаевича Куницына вошло в историю Карельского перешейка.

Выполненный скульптором Леоном Лазаревым памятник мастеру в комаровском Некрополе всегда украшен живыми цветами.

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Детство многих ленинградцев прошло в пионерских лагерях Курортного района. Не так давно звуки горна звали детей на пионерскую линейку. Нам всем не хватает сегодня далекого беззаботного детства. Рассматривая старые фотографии, многие из нас вспоминают легенды Карельского перешейка: о штурме непобедимой линии Маннергейма, об огромной рыбе, пойманной под мостом Черной речки, о привидени-



Сотрудницы санатория «Черная речка» в 1958 году

ях, бродивших на даче Воронина, о “графских развалинах” на Марьиной горе, о снежном человеке на берегу залива. Яркие моменты детских воспоминаний переносят многих петербуржцев на Черную речку. Но детство имеет способность заканчиваться, и оно остается в памяти. Детство – это время и состояние, которые человек проживает не единожды, сначала в реальности, а затем в воспоминаниях.



Зеленогорский парк. 1956 год

Сегодня в оздоровительных лагерях “Дружный”, “Маяк”, “Заря”, “Молодежный”, “Солнечный”, “Прибой”, “Балтиец” отдыхают летом дети. Район не напрасно назван Курортным. Он оправдывает свое название, как и небольшой поселок Молодежный.

Свое терийокское детство вспоминает зеленогорский житель Виктор Васильевич Бенэ. Он, как и большинство ребят, гонял в детстве мяч. Вместе с друзьями он играл около дома, который сохранился до сих пор. Он находится на Цветочной улице, где когда-то было цветочное хозяйство. До революции в этом доме располагалось общество «Терийокская Фло-

ра». Здесь же в 1948 году мальчишки играли в мяч, и одним неловким ударом небольшой мячик влетел в узкое подвальное оконце. Для ребят потеря мяча была трагедией. Витя Бенз, как самый младший, полез за ним через маленькое отверстие. Как только он оказался в подвальном помещении и достал злополучный мячик, его внимание првлек какой-то большой сверток на полке. Витя взял его в руки и сорвал с него многочисленные слои газет и тряпок. Из-под обертки показался черный бархатный футляр с блестящим замком. Витя, прибрав находку и, конечно, мячик, тем же лазом выбрался из подвала дома. В окружении любопытной детворы замок на футляре был вскрыт, и все увидели потрясающей красоты скрипку. Какой «Страдивари» ее смастерил и для кого, неизвестно. Но тут же мальчик, годом старше Вити и наверняка смышленнее своего друга, предложил обменять скрипку на финский ножик в футляре. Обмен сразу состоялся, и скрипка перекочевала в другие руки. А вот с финским ножиком Вите поиграть не удалось. Его тут же отняли старшие ребята. Вот такие детские истории случались в Терийоках.

Не обходили стороной дачную местность Карельского перешейка человеческие страсти: трагедии и радости. Они остались в воспоминаниях. Десятилетнюю Таню Воронову родители перевезли в Терийоки летом 1940 года. Отец ее работал в Лентранспроекте, откуда и был командирован на перешеек для восстановления путей и дорог. В военной комендатуре, где регистрировались все, кто приехал в Терийоки, семье Ворониных предложили выбрать любой пу-

стой дом на улице Красных Командиров. Эта улица была самой безопасной, так как на ней проживали все милиционеры и пограничники. После только что прошедшей Зимней войны большая часть домов и административных зданий в Терийоках были разрушены. На шоссе Виертотие стояли несколько уцелевших домов, типография, магазин, здание финского банка и полиция. Центральная улица города представляла печальную картину.

Печные трубы домов сиротливо возвышались над руинами-пожарищами как память о войне. Магазин финской кооперативной торговли, некогда самый известный на перешейке, был похож на обгоревший огромный корабль. На уцелевшем первом этаже одно из помещений приспособили по назначению. Там распродавали оставшиеся финские товары. Магазином пользовались пограничники, милиционеры, транспортные рабочие, военные, строители и все те, кто оказался в Терийоках. Единственного местного финна можно было увидеть только на вокзале. По всем вопросам довоенной жизни, если таковые имелись, обращались исключительно к нему. Он работал на железной дороге до начала Великой Отечественной войны. Для первых советских терийокских жителей встречи с людьми из другой страны были запоминающимся событием. В детской памяти Тани Вороновой осталась странная картина. Круглое небольшое озеро (Чертово) было усеяно рыбацкими лодками. Лица рыбаков-финнов рассмотреть не удавалось, но почти у всех на головах были круглые рыбацкие шляпы. По рассказам взрослых, в землянках вокруг Терийок

жили прежние хозяева города. В лес по грибы и ягоды детям ходить запрещали, да и по улицам предпочитали ходить со взрослыми. Однажды мама повела Таню с младшей сестренкой в магазин, чтобы девочкам купить материал для новых юбок. Таня шла домой счастливая тем, что ей достался отрез финской ткани в клеточку, который назывался «торшон». Вдруг прямо перед домом им навстречу выбежал финн, одетый во все черное. Страх сковал ребенка, а ее мама, оцепенев от ужаса, до боли сжимала руки дочек. Худой и высокий человек с выцветшими голубыми глазами, протягивая руки к маме, повторял только одно слово: «ХЛЭБЭ...». По всей видимости, голод выгнал этого человека из землянки в лесу к своему бывшему дому. Через несколько секунд финн также неожиданно исчез за углом дома, где начинался лес. Страшно было не только в лесу. На улице Красных Командиров в овраге была обнаружена женщина, которая была судьей в Терийоках. Кому она помешала и в чем была причина ее убийства, мы вряд ли узнаем. Но этот эпизод еще больше сплотил жителей Терийок. Одним из ярких впечатлений юной Тани была находка на чердаке дома — красный финский велосипед. Но мама трогать чужие вещи категорически запрещала. Поэтому на желанную находку можно было только смотреть. А вот найденные среди ненужных вещей старинные финские марки тайно были собраны в собственную коллекцию.

Уже после войны семья Вороновых снова возвращается в Терийоки, уже как дачники. Они снимают комнату на той же улице Красных Командиров. Город

только начинал застраиваться. Молодые люди с утра до вечера проводили на пляже, как все кто был дружен с волейбольным мячом.

В юношеской памяти осталась и полуразрушенная православная церковь. Обгоревшая, без куполов и дверей, она сиротливо возвышалась на горке. Напротив замерли в гипсовом изваянии вожди мирового пролетариата: Ленин и Сталин. Их белоснежные скульптуры, выполненные в натуральную величину напоминали о том, что несмотря на разрушения, в Терийоках действует советская власть. За эту власть погибли восемь бойцов 46 Лужской дивизии при бое за церковь в июне 1944 года. Одинокие кресты воинов запомнили все те, кого судьба занесла в послевоенный город. Братские могилы в Терийоках и в поселках Сестрорецкого района были повсюду. Позднее на одно братское кладбище в Зеленогорске перенесли их прах. Сегодня в память о погибших советских воинах горит вечный огонь памяти. С берегов Черной речки все одиночные захоронения перенесли в братскую могилу в Сосновой поляне.

Для нас интересны воспоминания Довтуна Петра Прокофьевича: в километрах от моста через Черную речку (вверх по течению) на крутом повороте реки с конца 40-х до конца 50-х годов размещался летний лагерь отдыха учащихся Специального ремесленного училища № 28. В этом учебном заведении учились ребята, потерявшие во время ВОВ своих родителей. Возраст ребят был от 12 лет и срок обучения — 4 года. Условия содержания и обучения ребят для послевоенного времени были наилучшими. Училище

базировалось на заводе «Северная Верфь», и после окончания учебы начиналась работа на этом заводе. Завод был с хорошими традициями, по профилю — судостроительный.

Летний лагерь от завода располагался на площадке у излучины реки. На берегу располагалась просторная летняя столовая, рядом купальня с вышками для прыжков в воду. В лагере имелся большой баркас, на котором ребята «путешествовали» по реке. Жили в полуземляных, закрытых сверху палатках. Для игры в футбол было футбольное поле, расположенное на противоположном берегу, на возвышенности в сосновом лесу. Ребята ловили рыбу на реке и под мостом ловили бычков. При каждом возможном случае старались побывать на сооружениях так называемой линии «Маннергейма»: траншеях, ДОТах, ДЗОТах, блиндажах, окопах, которые располагались рядом. В войну это был передний край и граница. Первый раз я отдыхал в упомянутом лагере летом 1950 года. Эти места в ту пору были еще первозданными, о санатории «Черная речка» разговоров не велось.

У меня от этих мест остались самые наилучшие воспоминания.

С уважением, Довтун Петр Прокофьевич.

ИЗ РАНЕЕ ОПУБЛИКОВАННОГО

Публикации в петербургских газетах.

Сто лет назад на Карельском перешейке бушевали те же человеческие страсти, восторги и трагедии, что и сейчас.

За событиями на Карельском перешейке следили и публиковали заметки о них следующие газеты: "Новое время", "Гражданин", "Север", "Северный курьер", "Финляндский вестник", "Финляндский листок", "Окраины России", "Терийокский дневник" и многие другие. Интересные объявления дают нам представление о дачной жизни русских господ, об истории Финляндии, об экономическом положении финляндской промышленности - в общем, обо всем. Например, "... в 1900 году известная в Финляндии певица Майкки Иернефельт, признанная "финским соловьем", дала благотворительный концерт в Санкт-Петербурге в Дворянском собрании в пользу пострадавших от неурожая на юге России". Газета "Финский вестник" пишет: "Интерес для нас представляет поездка Э. Ярнефельта, сына Арвида Ярнефельта, ко Льву Николаевичу Толстому в Ясную Поляну в 1910 году. Этот год был последним в жизни великого русского писателя". Газета продолжает: "Толстой откровенно признается, что ничего не мо-

жет писать в защиту Финляндии как известной политической единицы, так как в этом отношении он не признает никакой Финляндии, равно как и никакой России.

Толстой выражает чувственную симпатию к Финляндии как к стране, в которой землепользование и земледелие стоят на пути прогрессивного развития”.

Помимо интервью корреспондентов, газеты пестрили объявлениями о том, что Садоводство “Терийокская Флора” предлагает саженцы. Адрес конторы: Мыза Г. Саваневского на Церковной улице за лавкой Соболева. Приглашали клиентов “Телефонная контора в Терийоках”, фотография Я. Индурского. Торговый дом В. Андреева предлагал мебель, всевозможные колониальные товары по самым дешевым ценам. Пивоваренный завод в Терийоках рекламировал свою продукцию. Отель “Hotel du Nord” брал за проживание 75 коп. в сутки. Владелец пансионата, названного “Pesional De Famille” К.К. Линдстрем располагал роскошной обстановкой и первоклассным рестораном с русской и шведской кухней. При этом постояльцы могли дегустировать лучшие вина из его погреба. Обеды стоили 50 копеек. Полный пансион с музыкой по выходным стоил 3 рубля в сутки.

Акционерное общество “Терийокское казино” сообщает, что Правление общества имеет честь довести до сведения господ дачников и дачевладельцев деревни Терийоки, что в текущем году открытие “Казино” последует 15 мая. В течение летнего сезона (с 15 мая по 23 августа) в помещении “Казино” будут устраиваться семейные и танцевальные вечера,

балы, спектакли, концерты, детские праздники, игры и гуляния, фейерверки и другие увеселения по самой разнообразной программе. В саду при Казино будет играть оркестр Лейб-Гвардии Саперного батальона. При театре – первоклассный ресторан. Сад заново отделан, некоторые помещения расширены.»

“Новое время” № 74 за 1905 г.: «В Куоккала открывается “Новый театр” близ вокзала. В труппу, состоящую под дирекцией большой артистки Императорских театров г-жи Петипа, вошли: артистки Императорских театров: г-жа Домашева, г-жа Новикова, г-жа Гуриэли, артистки литературно-художественного общества г-жа Яблочкина, Николаева, гг. Хворостов, гг. Чубинский и др. В репертуаре намечены пьесы: “Вечерняя заря”, “Казнь”, “Холостая семья”, “Дьявол”, “Бог мести”, “Клумба Бобрика”, “Флирт”, “Жизнь человека”, “Шелковичные черви”, “Контора счастья” и т.д. Режиссер г. Левашев. Открытие сезона в воскресенье, 27 мая. Для открытия идет пьеса “Флирт” при участии г-жи Яблочкиной и г-жи Печориной.»

Газета “Колокол” от 28 апреля 1911 года пишет о том, что венчание в Финляндии только по православному обряду при смешанных браках считается недействительным и что финляндские учреждения не считают для себя нужным считаться по делам о смешанных браках с имперскими учреждениями.

Газета “Россия” № 1236 от 1909 года. «Оригинальной чертой финляндских нравов является обычай, по

которому в местных церквях (кирхах) после богослужения совершается ряд судебно-административных действий в роде оглашения публичных торгов, взысканий, расценки всякого рода сборов, налогов и т.п. И горе тому русскому поселенцу в финляндских местностях, который этого обычая не знает или с ним не считается, не желая посещать чужую церковь ради этих своеобразных публикаций: иной раз дорого обходится ему это равнодушие к финской церкви.

Вот, например, какая имущественная драма разыгралась недавно в Терийоках на этой почве. Некий русский подданный и православный приобрел здесь земельный участок и построил на нем довольно хорошую дачу... Как у многих из нас, грешных, и у этого дачевладельца были долги. И вот, в один прекрасный день, ему дают знать, что его дача продана за 400 рублей. Пораженный этим неожиданным известием и совершенно не понимая, как это могло случиться, когда ему даже ровно ничего не было известно об обращении взыскания на дачу, он приезжает в Терийоки и, увы, убеждается, что дачи у него больше нет. Оказалось, что в местной финской церкви было сделано кредитором этого горемычного дачевладельца оглашение об обращении взыскания на эту дачу, и, как часто бывает, составила, вероятно, тут же в церкви теплая компания, явившаяся на место в назначенный день, произвела вполне законные по финляндскому закону торги, о которых дачевладелец, конечно, и не подозревал, и покупатель в присутствии лесочетчика, спокойно наблюдавшего эту картину, оставил за собой дачу за 400 рублей.»

Петербургская газета “Новое время” №83 за 1905 г.: «31 мая открылись спектакли драматического театра г-на Петипа на станции Куоккала. Для открытия поставлена, шедшая два года подряд с большим успехом на Императорской Александровской сцене пьеса Вл. О. Трахтенберга – “Фимка”. В главной роли выступала артистка Императорских театров г-жа Домашова, на долю которой, по обыкновению, выпал большой успех. Театр был почти полон. В скором времени будет поставлена “Жизнь человека” Л. Андреева.

“Новое время” № 76 за 1905 г.: К дознанию о фабрике бомб близ Куоккала (в Хаапала).

«Обнаружена не столько фабрика бомб, но и школа, в которой группа молодых людей – социал-демократов (большевиков) обучались обращению со взрывчатыми веществами. Школа фабрикации бомб первоначально открыла свою деятельность в доме полицейского констебля Мутто в Куоккала. В конце марта к Мутто подошел один гражданин и выразил желание снять дачу, что и было исполнено. На дачу стали ходить разные лица. В начале апреля на даче прогремел взрыв. Мутто догадался, с каким народом имеет дело, и попросил их съехать. Они переехали в Хаапала» (ныне Ленинское).

Финские газеты о русских дачниках. 1906 г.

Интерес к Карельскому перешейку в финской печати растет. Недавно в газете “*Karjala*” помещена была статья, в коей с тревогой сообщалось, как

южная часть этого края якобы колонизируется русскими, постепенно захватывающими в свои руки земельные участки, с быстро растущими на них дачами.

«В Терийоках отмечено собрание финнов, которые постановили открыть в этой пограничной черте финскую народную школу. Создаваемая ими школа послужит не только для удовлетворения их личного, местного интереса, но и для охраны интересов всей финской нации.

Вдоль всей линии железнодорожного участка растут одна за другой русские дачи, которые словно грибы возникают из-под земли, плодятся, размножаются, отвоевывая шаг за шагом плоды финской культуры. Вместе с насаждением дач укореняются в местности русский язык, русские деньги, входит в употребление исчисления по старому русскому стилю, прививаются русские нравы и обычаи.»

Финляндия в русской печати.

“Новая газета” № 85 за 1905 г. «Финляндия богата лесом, водою и камнем» - учил когда-то учитель географии. Это совершенно верно. Всего этого в ней в большом изобилии. Говорят, что виды и люди этой страны суровы и угрюмы. Финские пейзажи угрюмы - это верно, но далеко не всегда. И, кроме того, эта угрюмость меланхолическая, а не сердитая. Солнца мало, и от этого финские виды носят странный, бледный, мечтательный колорит. Но зато этот колорит успокоительно влияет на нервы.

“Петербургская газета” сообщает, что 26 января прибывшими из Петербурга и Выборга жандармерией и полицией были произведены массовые аресты в Терийоках. Обыски продолжались в разных частях города больше суток. Арестовано несколько русских и финляндцев, причем обнаружены склады оружия, главным образом, револьверов системы Браунинг и полтора пуда патронов. Арестованные и оружие отправлены в Петербург.»

“Новое время” № 77 за 1905 г. Газета сообщает о поселке Райвола: «Чудесный воздух и хорошее месторасположение, которое занимает станция Райвола по финляндской железной дороге, привлекает сюда массу дачников. В данное время число жителей этой местности достигает несколько десятков тысяч. Развлечений здесь почти никаких. Обществом благоустройства села Райвола устраивается театр, руководить которым поручено молодому артисту В.Я. Сафронову, уже в прежние годы снискавшему любовь и симпатию местной публики. Открытие театра последует 3 июня. Состав труппы почти тот же, что и прошлый год. 21 мая весь день шел дождь, и только к вечеру прояснилось. На местной реке организовалось оживленное гуляние: вся она покрылась лодками с дачниками - всюду шум и веселье.»

“Новое время” № 88 за 1905 г.

Терийокский приют для раненых и больных воинов. «Редакции доставлен отчет по приюту для раненых и больных воинов, основанному прихожанами

Терийокской Казанской церкви. Приют существует в Терийоки по настоящее время. История возникновения этого благотворительного, общественного учреждения такова. В 1905 г. 26 июня в Терийоки во время литургии протоирей церкви обратился к прихожанам со словами, в которых указал все бедствия нашей Родины, призывал всех и каждого помочь ей, кто чем может. Между многими делами, требовавшими больших усилий и общего труда, протоирей указал на множество раненых, нуждавшихся, чтобы их приютили, чтобы их полечили, тем более в это время ожидалось огромное сражение. Отец Поташев предложил устроить приют от имени прихода на 10 человек, сроком на 1 год. Средствами для него могли бы быть пожертвования, взносы, жертвовать вещами и, отчасти, принимался личный труд людей, нужный для дела. Многие почитали это дело невыполнимым, иные просто изверились в пользу от пожертвований на дело войны. Тем не менее, нашлись такие, которые сразу примкнули к этому делу. Но открытие приюта при поступлении первых же пожертвований было бы неосмотрительно. В неделю была собрана сумма в 1000 рублей; по расчету открыть приют можно было лишь имея в запасе сумму не менее 3 тыс. руб. Пришлось собирать еще долго, к 14 августа эта сумма была Поташевым собрана. Доктор Н.И. Дурдин изъявил желание служить безвозмездно. Тогда же избран был комитет из прихожан для ведения дела и надзора за приютом. 20 сентября была приспособлена квартира для приюта. 26 сентября прибыла первая партия больных и раненых. Приют открыт на 10 нижних чинов, сроком на 1 год.»

“Новое время” № 88 от июня 1910. «6 июня в Терийоках происходило торжественное открытие местного морского яхт-клуба. На торжестве присутствовали многие члены и гости яхт-клуба во главе с командиром сего адмиралом Н.И. Скрыдловым, а также представители различных спортивных организаций. В этот день Его Высокопревосходительством Г. Финляндским Генерал-Губернатором на имя адмирала Скрыдлова была отправлена следующая телеграмма: “Прошу Ваше Превосходительство принять и передать всем присутствующим мои поздравления и сердечные пожелания преуспевания Терийокского морского яхт-клуба, сожалею о невозможности воспользоваться любезным приглашением быть на торжестве открытия первого русского рассадника парусного спорта в Финляндии.»

“Новое время” № 126, 1910 год. «В Терийоках открывается яхт-клуб, председателем которого избран вице-адмирал П.И. Скрыдлов. Адмирал совместно с членами учредительной комиссии выработал устав клуба и проекты всех сооружений.»

“Новое время” № 117 за 1910 год. «10 июля в начале 9-ти часов вечера над Куоккала пронесся исключительный по красоте болид. Он имел вид павлиного пера блестящего зеленого цвета с зеленоватым хвостом. Летел почти горизонтально, очень медленно, по направлению от юго-востока к северо-западу; видимый полет продолжался около 30-40 сек, после чего на высоте 50-100 сажень от земли он с легким звуком

разорвался и исчез. Это явление было тем более эффективным, что наблюдалось при явлении заходящего солнца. Болид наблюдался многими куоккальскими дачниками.»

“Петроградский листок” № 172 за 1915 год поместил статью о трагической гибели студентки Петербургской консерватории Марии Бардской. Случилась эта трагедия на станции Каннельярви, неподалеку от поселка Уусикиркко 26 июня 1915 года. Все петербургские газеты описали эту ужасную историю, совершенную по причине психического расстройства человеком в погонах, когда он четыремя выстрелами в упор убил девушку. Отец погибшей девушки заказывает памятник первой в России женщине-скульптору Марии Львовне Диллон (1858-1932). На кладбище Новодевичьего монастыря появляется изображение девушки на бронзовом рельефе. Она изображена сидящей и придерживающей на коленях лиру с оборванной струной. Романтический образ Марии Бардской, созданный Марией Диллон, будоражил умы петербуржцев. Скульптор сумела передать в памятнике настроение глубокой и светлой грусти.

Сегодня от надгробия сохранилась только гранитная плита с биографическими данными погибшей. Но любопытные туристы пытаются проникнуть в тайну прошедшего столетия, когда юная жизнь волею случая была безвременно прервана на Карельском перешейке.

Приложение I.

ВЛАДИМИР СЛАДКОПЕВЦЕВ

Рассказы

«Синее кэпи»

Петр Семенович Носковский нетерпеливо прогуливался по узкой станционной платформе и то и дело вглядывался в затуманенную от дождя даль, тщетно стараясь угадать первый момент появления запоздавшего поезда. Но поезда не было.

- Надо было б мне его не приглашать. И жена говорила, что не надо. И сам я знаю, что у нас ничего общего. И он не хотел. А вот как дурак упрямый пристал к нему: "Приезжайте, да приезжайте..." А теперь мокни. Послушайте, вы не знаете, отчего поезд опоздал? - накинулся вдруг Петр Семенович на проходившего носильщика.

Медлительный и бесконечно равнодушный, как и все финны, тот посмотрел на Носковского, покачал головой, тоже уставился вдаль и, наконец, произнес:

- Какой поесть?
- В десять тридцать.
- Тесять ридцать?
- В десять тридцать.
- Не пудет.
- Как не будет?

Финн опять уставился вдаль, пожевал беззубым ртом, над которым скучно повисли моржевые усы и, помолчав несколько больше, чем раньше, ответил:

- Пудет.

- Что же, будет или не будет?

- Пудет.

Вздых облегчения вырвался из груди Петра Семеновича, уже достаточно ждавшего и достаточно продрогшего. Было бы обидно теперь уходить домой, когда добрых полтора часа было проведено на узкой станционной платформе под мелким морозящим дождем, для которого даже зонтика раскрывать не хотелось и который все-таки, хотя и незаметно, но верно, приводил к тем же результатам, что и хороший ливень.

- Буду ждать.

Синее кэпи носильщика лениво повернулось к говорящему, и голос, подобный голосу чревовещателя, глухо и зловеще протянул:

- Не тоит.

- Чего не стоит?

- Коро не пудет.

- Да ведь вы говорили, будет?

- Пудет.

И кэпи опять замолчало.

В самой середине Петра Семеновича что-то начало трястись, скатываться в холодный, скользкий клубок и неудержимо подыматься кверху, подступая к самому горлу. Хотелось кричать, неистово кричать, топтать ногами, бить..., бить первого встречного.

И он закричал.

- Будет... Да когда будет! Сегодня, завтра, после завтра, через месяц, через год...

Кэпи вынуло из кармана коротенькую трубку, внимательно ее осмотрело, прижало отверстие большим

пальцем и медленно, спокойно потащило трубку в рот. Потом, словно вспомнив, что от него ждали ответа, тем же порядком спрятало трубку в карман.

- Тевятнацата цисла пудет... Церест ри дня пудет...

Петру Семеновичу показалось, что сразу хлынул ливень и покрыл его холодной дождевой шапкой. Но ливня не было, а мелкий дождик моросил по-прежнему...

И вдруг у него шевельнулась слабая надежда на что-то, на какой-то выход. Словно боясь разувериться в ней, он спросил робко, почти подобострастно:

- А следующий скоро будет?

- Коро пудет.

- Через час?

- Не... церес ридцать минут.

Петр Семенович приободрился.

- Буду ждать.

- Не тоит.

- Почему не стоит?

- Тозе тевятнацата цисла.

Петр Семенович резко повернулся, пошел в буфет и стал пить чай. Пить без охоты, без желания, стараясь побольше выиграть времени. Но время, как нарочно, ползло медленно и сонно. Минуты тянулись бесконечно долго, а четверти часа казались вечностью. Петр Семенович устал ждать и снова вышел наружу.

Дождик моросил по-прежнему, и место, где далеко-далеко сходились рельсы, стало еще туманнее. Сине-кэпи опять замаячило на платформе.

- Ну что же, скоро?

- Коро... Церес тесять минут...

- Поезд будет?
- Пудет.
- Откуда?
- Из Петербурха... Польсой корости...
- Скорый?
- Не... товарный... польсой корости...

Петр Семенович хотел было плюнуть, но удержался. Он уже перестал спрашивать, он решил ждать, ждать хотя бы до девятнадцатого числа. Когда же пассажирский поезд, наконец, прибыл, это было около четырех дня. Петр Семенович подошел к вагону, из которого приветливо кланялось что-то противно знакомое. У подошедшего был такой вид, что посылавший приветы так и замер с рукою, поднятою для воздушного поцелуя.

- К нам? - злобно спросил Петр Семенович.

- К вам, к вам!

- Отлично сделали, что приехали. У нас дождь целый день... холода, как осенью, и ни одна печь не топится.

На извозчике они смотрели в разные стороны, и один всю дорогу думал, какая нелегкая дернула его приехать, а другой никак не мог примириться с мыслью, что приглашенный принял приглашение.

- Бывают же такие идиоты, их поманишь, они и расчувствовались.

На повороте Петр Семенович обернулся и уже издали увидел синее кэпи, равнодушно смотрящее туда, где далеко-далеко сходились рельсы, и ему стало еще скучнее. Он посмотрел сбоку на соседа и, сам не зная почему, спросил:

- Вы любите сыр?
 - Чего-с?
 - Сыр.
 - Ах, да, как же, как же...
- А ехать надо было еще с полчаса.

«Переезд на дачу». 1909 г.

Переезд на дачу совсем не был бы так мудрен, если бы не было ручного домашнего животного, происшедшего от фокса и китайской собачки, небольшого аквариума с золотыми рыбками, приобретенными на Вербное воскресенье, и канарейки, подаренной добрыми друзьями.

Но, к сожалению, они есть, и волей-неволей ваша и их судьба сплелись в какой-то причудливый клубок, распутать который нет никакой возможности.

Если не верите, то попробуйте сами усесться на одном извозчике с женой, ребенком и прочими домашними животными.

Предположим, что жена ваша держит ребенка и заботится о нем, на вашу долю выпадает забота о клетке с птичкой, банке с рыбками (аквариум везет горничная) и небольшой, но вертлявой собачке.

Получится следующее: клетка начнет острыми углами стремиться по направлению к вашим глазам, вода в банке с рыбками начинает расплескиваться прямо на новое летнее пальто, а собачка – то вскакивать к вам на колени, то соскакивать на подножку с ясным желанием покончить жизнь самоубийством.

Прибавьте к этому два-три узла, которые больше нигде положить, и вы, конечно, поймете, что попасть вовремя с Измайловского проспекта на Финляндский вокзал – вещь совершенно невыполнимая.

Если все-таки, несмотря ни на что, вы и попадаете вовремя, даже за десять минут до отхода вашего поезда, то оказывается, что ваш поезд пойдет только с первого июня или ходил до первого мая. Впрочем, через двадцать минут, действительно, отправляется более или менее удобный для вас поезд, к сожалению, останавливающийся всего за одну станцию до той, куда вы едете, а поезд, отходящий через час, правда, доходит до вашей станции, но как поезд дальнего следования на ней вовсе не останавливается. Остается ехать с поездом, идущим после него, но в этот поезд не сажают с собаками.

Наконец, вы все-таки едете. Ругают вас по дороге все, кто только хочет. И в самом деле - один терпеть не может детей, другой не выносит канареек, у третьего с его ребенком делается родимчик, даже при виде двухнедельного щенка, у четвертого начинает во всю глотку реветь девочка, во чтобы то ни стало желающая отобрать у вас золотых рыбок. Но вот поезд подошел к желанному месту, и вы разгружаетесь.

Тут оказывается, что половина вашего багажа поехала в Уусикирку, а вам выдали две земледельческие машины и ящик с медицинскими принадлежностями с надписью “осторожно верх” на двух противоположных сторонах.

Беспомощно садитесь вы на станционную платформу и начинаете горько плакать, а в это время ваш

полуфокс, вырвавшийся на свободу, начинает гоняться за всем домашним пернатым царством, принадлежащим местному начальнику станции.

Можете себе представить, что тогда происходит!

При составлении протокола вы, к своему ужасу, узнаете, что высадились вы не у себя, а на вновь открытом полустанке, где нет ни извозчиков, ни ломовых. А когда, наконец, недоразумение улаживается, и вы собираетесь отправиться дальше, то вам дают ясно понять, что последний поезд в вашу сторону только что прошел.

Да, на даче очень хорошо, но не думайте, господа, что переехать на дачу очень просто.

Приложение II.

В.В. БРУСЯНИН.

Фрагмент из книги «В стране озер». Пг., 1916

Сегодня опять волнуется море... Насколько можно рассмотреть – бегут, гонимые ветром, темно-зеленые, ворчливые волны с беловатыми гребнями и набегают на песчаную отмель, шурша гравием. Всплеснется, как лента, длинная волна, изогнется горбом и разольется по отмели тонкой пленкой воды, прилизывая влажный песок и все дальше и дальше относя к берегу обломки камышей, какие-то щепки, куски пробкового дерева, обрывки гнилых веревок. Налетит волна на камни, выступающие из воды, взовьется каскадом белых брызг и пены и опадет, разбитая, поверженная.

И слышится шум, странно-протяжный, неровный и какой-то тревожный. Каждая волна несет свой всплеск, шорох, шепот - неразгаданные голоса моря... Голоса эти сливаются и то усиливаются, то ослабевают и несут на берег ровный несмолкаемый шум, заглушающий смех, говор, крик человека.

Синева неба ясная, а ближе к земле несутся громадные темно-серые облака с белесоватыми закраинами. Несутся облака и точно торопятся к далекому северу, к белой ночи с ее бледным светом и мягкими тенями... Но белые ночи давно миновали, и настал короткий день осени - тусклый, почти серый и прохладный.

Солнце - низкое, холодное, неприветливое солнце севера - где-то далеко за серыми тучами у горизонта. Серенький день пугает дождем, но дождя нет с утра. И только ветер приносит с моря мелкие капли шумливых волн.

Серые чайки с белыми грудями и острыми крыльями носятся над морем с жалобным криком. Стоны и шорохи волн заглушают птичий робкий крик. Борются чайки с ветром, ныряют в воздухе, вскрикивают, и какой-то тревожной болью отзывается их крик в моей душе.

Берег пустынный. Месяц назад на отмели длинной лентой стояли кабинки и простые купальни, сбитые из досок. Далеко в море уходили мостки с купальными будками. Кое-где у ближайших к морю дач-особняков краснели и зеленели скамьи возле узкой песчаной дорожки, протянувшейся вдоль изгородей.

Морской пляж давно уже опустел. Дачники разъехались, не стало ни мостков, ни купален, ни кабинок...

В летние жаркие дни в море купались веселые, смеющиеся дети дачников, и в их смехе, порой, я улавливал какую-то чужую мне радость... И это была детская радость, не понять ее утомленному взрослому человеку.

В серые ненастные дни осени носятся над морем серые чайки, жалобно вскрикивают как будто им холодно или больно, и слышится в их крике печаль... Вслушиваешься в надрывный крик чаек, и кажется этот крик бездомных птиц понятным мне, одинокому, утомленному, бездомному...

Замер берег и стал безлюдным и скучным. Прислушиваюсь к печальному крику чаек, и иду одиноко по

отмели и всматриваюсь вдаль моря, и точно ищущего или поджидаю кого-то...

Белый парус несется над серым морем белым крылом. Куда несется этот парус?.. Кто там летит на одном белом крыле?

Ни говора человеческого, ни слез, ни смеха...
Один я...

Скучен безлюдный берег. Уныла северная страна, а я благословляю ее, как мою вторую родину, и люблю как мать... И ничто не кажется мне здесь чужим. Все как будто родное, как будто мое...

Носятся над пустынным берегом серые чайки и плачут о чем-то. Улетает вдаль моря белый парус - одинокое крыло усталого человека... Так кажется мне, потому что я - одинок...

Сегодня я не один на морском берегу. Со мною Пекка Паю, старик финн, лет 60-ти. Еще недавно, весной, мы были с ним как враги. Теперь нас сближает самая горячая дружба.

Встретил он меня на морской отмели одиноко стоявшим у волн и сказал:

– Рас-с-свуй!.. тоишь?..

– Стою, Пекка, и слушаю, как поет море, - отвечаю я.

Как будто не для него сказал я эти слова, а так - для себя высказал свои тайные мысли.

Улыбнулся старик кривой улыбкой, точно невзначай посмотрел мне в глаза, но с любопытством посмотрел мол, что он говорит? – и добавил:

– Растудишься... холодно... Пойдем со мной - рыба ридет, сын ридет...

Иду с ним рядом вдоль отмели. Хрустит под ногами гравий. Ветер отдувает полы пальто, срывает с головы шляпу. Дрожь пробегает по телу. Холодно, ветрено. А серые чайки все носятся над волнами и печально кричат.

Холодно мне, а все же хочется идти вдоль берега вместе с Пекка. Говорим мы вообще очень мало, больше молчим, курим трубки и смотрим вдаль моря, где все еще белеют паруса рыбацких лодок. Все уже, что надо было, мы давно переговорили с Пекко, и если теперь Пекка начинает разговор, то говорит только обо мне.

Он с большой заботливостью относится ко мне, точно к близкому родственнику. Живу я в его громадной семиоконной избе, и для меня отведена большая комната в два окна. Комната - "лучшая", и в окна я всегда вижу широкое море.

Узнал Пекка, кто я и почему живу на чужом берегу и стал относиться ко мне с особой лаской. Мы люди разных национальностей, он плохо говорит по-русски, я почти ничего не понимаю по-фински, а духовная связь обнаружилась между нами, и мы любим друг друга.

Милый старик Пекка! Навсегда у меня останутся теплые о нем воспоминания.

Устало и неровно шагая по гравию, он идет рядом со мною и кутается от холода в воротник своего короткого пиджачишка.

Он всегда угрюм, никогда не улыбается, скуп на слова, а если скажет мне что-нибудь, то непременно ласковое. И желтоватое, морщинистое лицо его всег-

да угрюмо-покойно и похоже на лицо старого пастора: бороду и усы он берег, а подбородок его застыл в какой-то особенной строгой складке.

Впервые мы встретились с ним как враги на этой же отмели. Это было в белую ночь.

Белая ночь... Ровный белесоватый свет над безмолвной спокойной равниной вод. Над морем безоблачное небо, бледное, немое, с легкими бледно-розовыми облачками на северо-западе. И ни одной звездочки... Как будто на ночь и на серенький день не похоже: ровный свет без оттенков, мягкие тени без резких границ.

Направо у воды высокие прибрежные скалы с растущими на них соснами. А дальше лес по склону холма, и виднеются из-за его зубцов кровли дачных построек. Берег пустынный, и дач здесь немного. Дачный поселок с нарядными дачницами, граммофонами, с купальнями и кабинками - за лесом, километрах в двух.

Я любил бродить в этом пустынном уголке. Редко-редко встретишь здесь рыболовов из соседней деревушки, и деревушка маленькая - всего домов шесть-семь.

С самой весны мечтал о переселении из шумного пансиона в это уединенное рыбацье селение. В пансионе живут люди, чуждые мне, и среди них я все равно одинок.

И мое одиночество совсем особенное, так сказать, вынужденное. Приходится прятаться от людей и с подозрительностью относиться к новым знакомым. И

среди рыбаков я буду одинок, но я знаю - никто меня не спросит, зачем я живу здесь? Рыбаки будут плохо понимать мою речь, но от этого наша жизнь не станет хуже. Кое-как при помощи жестов и намеков мы все же будем понимать друг друга, живя же среди петербуржцев и говоря с ними на одном языке, мы часто не понимаем друг друга. Кроме того, я люблю этот язык жестов и намеков. В словах больше зла, притворства и лжи, попробуй-ка солгать жестом или намеком –не-легко!

Иду по песчаной отмели, вблизи деревушки, иду под холмом со скатами скал к самой воде, иду и мечтаю о том, когда переселюсь к рыбакам. Полчаса назад проходил селением, мимо серых домиков, всматривался в окна и соображал, в какой избе удастся мне поселиться?

Окна домов, как глаза чуждых мне людей, смотрят бесстрастно. Чужие мне люди, что я могу найти под вашим кровом?..

Шел по отмели, думал о чужих мне людях и не заметил, как забрел на сети, разостланные по песку. Как рыба попался в рыбачью сеть.

Слышу странный оклик со стороны всегда безмолвных скал. Слов речи не могу понять, но по тону догадываюсь, что кто-то бранит меня. И в ту же секунду я соображаю, за что меня бранят: попал в сети, как никому ненужная рыба, как бревно или доска, которая легко может продрать тонкое плетенье.

Странная серая фигура отделилась от скал. Приближается ко мне странная фигура, странно машет руками, кричит что-то... вот улавливаю я слова:

- Сети ломал... Перкола!

И дальше слышу я ряд русских, бессмысленных трескучих слов матерной брани. Легкий ветерок утра не в силах отнести от меня тяжелой русской брани. Как давно я не слышал этой брани, и мне было так приятно забыть о ней. И почему эта брань здесь, в глухом углу Финляндии? Проклятый сородич, во все уголки мира занесло твою бессмысленную брань!

А серая фигура, отделившись от скал, все ближе и ближе подходит ко мне. Всмотриваюсь в незнакомца. Типичный финн, узкоплечий, низкорослый, в больших желто-красных сапогах и в старой шляпченке из желтой непромокаемой материи. Лицо незнакомца старческое, морщинистое, с плохо выбритым подбородком, и седая щетина обелила его щеки до самых ушей.

Смотрят на меня выцветшие глаза и смотрят враждебно. Остановился серый человек в пяти шагах от меня и крикнул:

- Ходишь тут! Чего ходишь? Видишь - сети! Сети ломал!

Снимаю шляпу, извиняюсь за свою оплошность, а на меня по-прежнему смотрят враждебные глаза серого человека, отделившегося от серых прибрежных скал. Он и сам представлялся мне серой, холодной скалой.

Я еще раз снял шляпу и извинился.

- Ходят дашники! Перкола! Чужой берег пришел, закон надо знать. Ходишь, сети вешь!

- Да не рвал я ваших сетей! - возмущаюсь я.

Смотрит на меня серый человек и говорит что-то про себя; не пойму, о чем он говорит, но, несомненно,

бранится, это видно по выражению его глаз и по тому, как изо рта брызжет слюна злобы.

Наконец, он повернул ко мне лицо, махнул рукою и выкрикнул:

- Тупай, тупай! Чужой берег! Тупай!

И я пошел, направляясь вдоль отмели, а он шел за мною и что-то бормотал про себя. Вот он прибавил шагу и скоро догнал меня, но, по-видимому, не имел намерения поравняться со мною. Он бранил дачников ближайшего поселка. Бранил купальни и кабинки, купальщиц и купальщиков за то, что будто те мешают ему ловить рыбу. Бранил всех нас и повторял:

- Чужой берег пришла! Вой берег ступай! Перкола!

Вот он приостановился, еще раз пристально осмотрел меня, потом махнул рукою в мою сторону, как бы указывая - иди туда, куда идешь, иди и не оставайся тут, на чужом берегу. И я поспешил в пансион, где жил, а он пошел к деревне.

Эта странная ночная встреча повергла меня в отчаяние. Я только что мечтал о том, чтобы поселиться в рыбацкой деревне, а представитель этой деревни рассердился на меня и гнал меня с чужого берега.

Чужой берег! Как много холодности и отчуждения в этих словах. Чужой берег - чужие мне люди. Что же мне делать, если и там, в пансионе, я считаю всех чужими? Где же мне искать близкого человека?

Иду в крошечную хатку в лесу, приютившуюся на холме у самого моря. Летом здесь живет мой приятель, молодой финн Генрих Паю. Хатка его небольшая, в два окна, с камельком вместо печи. Простой стол и стул - все убранство. По стене тянутся скамей-

ки, заваленные какими-то рыбачьими снарядами, сетями, веревками. И около хаты на жердях постоянно сушатся сети - большие и малые, редкие и частые. Против хаты у отмели - лодки Генриха, а дальше в море, на якоре, маячит его же большая парусная лодка.

Мы часто видимся с Генрихом и подолгу беседуем. Он неважно говорит по-русски, но все же мы понимаем друг друга. Он даже читает по-русски, охотно берет у меня книги, и потом мы снова беседуем с ним по поводу прочитанного. Года два-три назад Генрих служил приказчиком в одной русской лавке в Выборге, примкнул к рабочей партии и считает себя партийным человеком. Это делает его весьма серьезным и принципиальным человеком.

Когда он узнал, почему я поселился в Финляндии на "чужом берегу", отношения его ко мне разом установились дружески-товарищеские. Приехал я к нему с письмом от "верного" человека и этого уже оказалось достаточным, чтобы спокойно жить среди чужих мне, но, в сущности, близких людей.

Есть такая твердая связь между людьми, говорящими даже на разных языках, жившими до сих пор разными жизнями, и никакие силы не в состоянии разрушить этой связи.

Приложение III

А.П. ОСТРОУМОВА-ЛЕБЕДЕВА

“Автобиографические записки”

Главы из книги.

Помню одну нашу проказу. Дело было летом в Финляндии. Мы с сестрой решили ехать на лодке по реке “до самого моря”. Сестре было 12 лет, мне - 10. С вечера мы потихоньку снесли в лодку картофель, хлеб, спички и соль, а сами на рассвете тихонько выбрались из дому. Мы не подумали о родителях и их тревоге. Плыли мы на веслах целый день, изредка причаливая к берегу. Река была глубока, но не широка. В одном месте она сильно сужалась и начинала вертеться и петлять по обширной низине, видимо, когда-то бывшей озером. Сестра решила исследовать местность, сократить время и труд и предложила вытащить лодку на берег и протащить ее волоком до конца этой равнины. Но, конечно, не только протащить, но и вытащить лодку на берег мы не смогли, как ни пыхтели. Пришлось проделать весь ее причудливый путь по реке. Вечером, когда стало темнеть, мы выбрались на высокий берег. В сосновом лесу разложили костер и стали печь картофель. Картофель сгорел снаружи и был сырой внутри... Вокруг нас быстро темнело.

Начались в лесу ночные шорохи и движения... Нам стало как-то скучно, потом грустно, потом мы стали плакать и решили, не глядя друг на друга, когда за-

брезжит свет, ехать домой. И так ночь мы просидели у костра. Утром поехали обратно; грести против течения было трудно, да и ладони наши покрылись пузырями. На полдороге нас встретили люди, посланные нашими родителями на поиски, они взяли нас на буксир. Когда мы подъезжали к дому, Маруся мне шепнула: “Не говори, что мы плакали”.

Т. 2, стр. 50

Летом 1892 г. мы всей семьей прожили в “Линтуле”. Это было небольшое имение, принадлежавшее Нероновым, старинным друзьям моего отца. Я очень любила его и провела там самые сладкие минуты моей юности.

Оно лежало в 12-ти верстах от Райволо и было расположено на крутом холме. Внизу проходило Выборгское шоссе. Наверху стоял низенький старинный домик.

По склону спускался липовый парк. Горная речка Линтуловка внизу, около парка, разливалась в большую запруду. Около плотины вросла в землю обросшая мхом и лишаями, но еще работающая водяная мельница. Ниже речка, ничем не задерживаемая, удивительно красиво извивалась по лугам.

Когда-то это имение было искусственно засажено красивыми группами лиственных деревьев. Со временем все пышно разрослось и являло собой необыкновенно красивую, веселую картину. Имение было окружено финским частоколом. За ним стоял густой, во многих местах непроходимый лес.

стр. 49

Не раз мы ездили в имение “Линтула” целой компанией на несколько дней покататься с горы, побегать на лыжах, мчаться наперегонки на розвальнях по чудесным лесным дорогам. Устраивали крепости из снега, и одна партия брала приступом крепость у другой. Мы все приходили в большое возбуждение и ярость, закидывали друг друга снежками, пускали в ход веревки, лопаты.

Происходили комические сцены. Старшие стояли у окна и хохотали. Потом побежденные и победители шли сушиться на кухню. От мокрых валенок и платья шел пар. Иногда ходили, когда темнело, с фонарями по парку и лесу. Получалась очень фантастическая картина. Свет мельком и бегло освещал лица, фигуры идущих, скользил по деревьям, убранным снегом. Особенно хороши были молоденькие сосны и ели, которые представляли странные и нелепые белые фигуры.

стр. 61

Лето 1894 г. мы жили в моем любимом “Линтуле”. Я бродила по его лугам и рощам. Сидела на берегу речонки, наблюдая часами за прыжками и игрой рыбы в быстрых струях. Перебиралась по мшистым камням на другой ее берег. Переживала вновь все пережитое за зиму и искала бодрости для будущего. Много читала.

стр. 74

Лето 1895 г. мы провели в деревне Яппиди, в Финляндии, на берегу реки Сестры, на границе с Россией. Лето было дождливое, холодное. По неделям нельзя

было работать на воздухе. Я мечтала о солнце, о тепле, роптала на судьбу.

Нероновы строили церковь в “Линтуле” и на ее освящение пригласили нас. Есть такое поверье: если, стоя в алтаре, около престола, во время освящения что-нибудь пожелать, то это непременно исполнится. Я стояла в алтаре и думала: “Ничего мне не надо, ничего, только хочу возможности работать, работать...”

стр. 305

Это был июль месяц. Мои родители находились в Финляндии. Я прожила несколько дней в городе, а потом оканчивать лето уехала к ним.

Мне предстояло много дел. Приходилось не только продолжать прерванные путешествием работы, но и подвести итог вновь наработанному.

Я чувствовала себя обогащенной, переполненной художественными впечатлениями от произведений величайших мастеров живописи и скульптуры. Еще больше поняла свою малость, но это не убавило моей энергии дальше учиться, развиваться, совершенствоваться. Образцы высокого искусства были свежи в памяти.

стр. 112

Очень бодрое и яркое впечатление в те дни мне дала Финляндская выставка, в которой участвовали и русские художники. ... Из финляндских художников, безусловно, самый лучший Эдельфельд. Его жанровая картина “Прачки” удивительно характерна, жизненна и прекрасна по технике. Очень своеобразна. Репин

хвалит его картину “Христос и Мария Магдалина”, но мне она не нравится, и я стараюсь понять, почему она нравится Репину. Потом хорош Галлен. Его “Мальчик, рассматривающий череп” - с таким сосредоточенным, серьезным лицом. От скульптора Вальгрена я в восторге. В каждой его фигуре столько настроения, чувства, мысли и чего-то очень субъективного. Кроме того у финнов прекрасные пейзажи, это не то, что наш Шишкин (терпеть его не могу). Финны проникли в сущность финляндской природы, в ее характерность и передали это с любовью. В общем финнов меньше, чем русских.

Русские - один лучше другого. Серов! Серов удивителен! Его портрет великого князя с черной лошадьёю прямо **chef-d'oeuvre** (шедевр). Потом Пурвит, Коровин, Аполлинарий Васнецов и Левитан. Все какие имена и какие работы! Какой подъем духа испытываешь, глядя на такие работы. Потом знаменитая тройка: Александр Бенуа, Бакст и Сомов.

стр. 246

Александр Николаевич (Бенуа) заставлял меня посещать и светское общество. Я стала бывать у Зинаиды Владимировны Ратьковой-Рожновой, сестры Д.В. Философова. У Сергея Сергеевича Боткина, коллекционера акварелей и рисунков, жена которого Александра Павловна Боткина, урожденная Третьякова, состояла вместе с В.А. Серовым членом Комитета, заведовавшего делами Третьяковской галереи. У них я познакомилась с В.Н. Аргутинским, с которым потом долго дружила. Служа в Министерстве иностранных дел, он облегчал мне в то время получение

из-за границы красок, бумаги, инструментов для моей работы по гравюре. Но надо признаться, что светское общество я по-прежнему не любила и, елико возможно, его избегала.

стр. 316

Лето 1904 г. я проводила с родителями в Финляндии, в прекрасном лесу, на берегу глубокого озера. Там же рядом жил А.Н. Бенуа с семьей. Он в то лето, главным образом, работал над своей “Азбукой” - Собрание очаровательных картинок. Бодрые, веселые, полные юмора, а иногда насмешки... Сделаны они свободно и легко...

Природа Финляндии, ее терпкий пейзаж, как мне казалось, были чужды Александру Николаевичу, Она в нем не вызывала горячего желания ее запечатлеть. Он в то лето работал мало на воздухе. Но красоту и своеобразие природы он тонко чувствовал и понимал. Любовался многочисленными озерами, блестящими среди хвойных лесов, белыми мхами, покрывавшими горки. На фоне их так красиво выделялись синевато-зеленые молодые сосенки, тонкие, легкие березки. Много раз ходили мы по берегу горной живой речки. Она бежала по камням. Из ее вод выпрыгивали веселые серебристые форели. Красивы были свежие кружевные заросли папоротников. Все, все это понимал и ценил А.Н. Бенуа. Во время прогулки он нередко останавливался и говорил: “Посмотрите! Здесь, на горе, на фоне озера и леса, как кстати была бы деревянная скульптурная фигура какого-нибудь лесного зверя, чудища или Пана. Так

и кажется, что из-за этого пригорка выглянет сейчас сказочный лесной обитатель. Как жаль! - с нами нет Коненкова!"

стр. 323

Было начало апреля. Мы ехали по Финляндии. Удивительно живописны места, через которые проходил наш путь. К вечеру приехали на Иматру и немедленно отправились к реке. Она уже издали была слышна оглушительным грохотом и ревом, потрясавшим воздух. Грандиозная картина. Очень полноводная река Вуокса при сильном наклоне вдруг попадает в глубокую и узкую гранитную расщелину, дно которой состоит из скал и провалов.

Мы, взволнованные, стояли и смотрели на редкое зрелище. Какая стремительная сила в беге ее вод! Громадные валы, как водяные горы, обрушиваются с чудовищным грохотом в расступающиеся бездны, чтобы через несколько мгновений оттуда выпрыгнуть грандиозными столбами брызг и пены. И немедленно воды опять собираются в гладкие валы и опять проваливаются в следующие бездны. Адский шум не дает говорить. Большой железнодорожный мост дрожит от ударов. Но во всем этом сумбуре и движении чувствуется ритм и непреложные законы природы. Мы долго стояли на берегу, наблюдая беснующиеся воды.

стр. 324

Пребывание за городом, общение с природой дали нам возможность отдохнуть. Так было приятно на несколько дней забыть дела и заботы...

К этому времени надо отнести издание Общиной Красного Креста десяти открытых писем с моих подкрашенных рисунков цветов. Живя в Финляндии, в лесу, я собирала скромные лесные цветы и травы, которые зарисовывала в дождливые дни. Открытки были исполнены трехцветкой и напечатаны за границей.

Весной 1905 г. Сергей Васильевич получил развод, и мы 11 мая обвенчались и уехали ненадолго в Финляндию. Поселились мы в маленьком городке Нодендале, среди финляндских шхер, залечивая наши раны от двухлетнего непрерывного волнения и забот. Но грозные события войны и там нас волновали. Цусимский бой, в котором погибла наша эскадра. Горько и стыдно было все это переживать.

стр. 378

Лето 1908 г. мы с мужем жили в Финляндии. У нас гостила Клавдия Петровна Трунева. Как-то под осень она и я решили сделать экскурсию по Финляндии. Мы предполагали доехать до Выборга и оттуда на пароходе прокатиться по Сайменскому каналу и озеру. В самом начале нашего путешествия в Выборге с нами произошло забавное недоразумение. Познакомившись с расписанием рейсов и взяв билеты, мы явились на пароход, воспользовавшись существующим правом - ночевать на нем накануне отплытия, так как он выходил рано утром. Мы забрались в нашу каюту и улеглись спать. Перед сном мы попросили принести нам в каюту чаю и удивились медлительностью девушки, которая с недовольным видом подала нам чай и сейчас же скрылась.

Ночь прошла незаметно. Мы поздно проснулись и стали громко сетовать на то, что так много прозевали красот пейзажа. Бросились к маленькому круглому окну, отдернули занавеску и... какая неожиданность! Окно по-прежнему упиралось вплотную в темные, серые бревна пристани Выборга. Мы ошиблись днем: пароход отходил только на следующий день. Капитан парохода с энергичным лицом, голубыми глазами, в ослепительно белом кителе только посмеивался, когда мы утром смущенно извинялись за наше слишком раннее вторжение на пароход.

Путешествие наше было приятно. Пароход небольшой, быстроходный, блестел чистотой. Он быстро плыл по озерам, каналам, заливам, изредка причаливая к пристаням, чтобы забрать пассажиров.

Через несколько часов мы доехали до славящейся красотой Пункахарну (Свиной хребет). Это узкая горизонтальная полоса земли. Она иногда шириною только в дорогу. Ее склоны с обеих сторон круто обрываются вниз, к воде. Воды, открывающиеся с ее вершины, такой необыкновенной красоты, что сравнить их ни с какими в мире нельзя.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В разные годы войн и мира Карельский перешеек является своего рода перекрестком человеческих судеб, истории, культуры, политики.

Человеческий мир обитателей перешейка был и остался бесконечен. Когда мы сегодня отдыхаем, идем по Зеленогорску, Ушкову, Репино, Комарово, Молодежному и другим пригородам Петербурга, мы невольно вспоминаем имена писателей, поэтов, художников, архитекторов и ученых, чья жизнь тесно связана с Карельским перешейком. Удивительное состояние, праздник души, умиление испытывает каждый человек, оказываясь на местах одухотворенных жизнями великих людей. День вчерашний и сегодняшний идут рядом, и мы слышим голоса тех, кто любил эту землю.

Мозаика событий Карельского перешейка фрагментарно вошла в нашу историю. Но мощные пласты неизвестной хроники событий ждут своего исследователя. Время оставляет свой след – вчера, сегодня, завтра. Он остается в сердцах и памяти, в деревьях и камнях, в море и небе.

Из событий и фактов складывается история, которую мы должны знать.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. "А пришлось в разлуке жить года..." Российское зарубежье в Финляндии. СПб. ИКЦ. Русская эмиграция, 2003.
2. Алексеева А. Женщина будущего. Советский музей. 1986. № 1.
3. Андреев Андрей. Из воспоминаний о Леониде Андрееве. Красная новь. 1934. № 9-10.
4. Андреев В.Л. Детство. М.: 1963.
5. Андреев Павел. Воспоминания о Леониде Андрееве. Л.: Литературная мысль. Т. 3. 1925.
6. Антонов Андрей. Расчет и нравственность. Новое время. 2005. № 50.
7. Асафьев Б.В. Русская живопись. Мысли и думы. М.: Из-во "Республика". 2004.
8. Арэ. Памяти Берты Яковлевны Бехтеревой. Журнал «Истории Петербурга», 2009.
9. Арабоглы М.А. Три усадьбы, три судьбы. СПб. Искусство. 2006.
10. Аспидов Альберт. Петербургские арабески. М. СПб. Центрополиграф. М и М Дельта. 2007.
11. Барышников Н.И. Линия Маннергейма в отношении Ленинграда. История Петербурга. 2007. № 3.
12. Балашов Е.А. Карельский перешеек - земля неизведанная. СПб. 1998.
13. Батышев А.С. Как понять и полюбить Финляндию. М. 2008.
14. Бахтиаров А. На финском взморье. Петербургская газета. 1899. № 176.
15. "Белая армия. Белое дело". Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург. 2007. № 7.
16. Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 2-х кн. М.: Захаров. 2005.

17. Березин Н.Н. Пешком к карельским водопадам. СПб. 1903.
18. Беренштам Вл.В. Мирный уголок Финляндии. Русское богатство. 1897. № 8.
19. Брусянин В.В. В стране озер. Очерки из финляндской жизни. Петроград. 1916.
20. Бойцы Выборгской стороны: Воспоминания ветеранов 5-й (Выборгской) дивизии народного ополчения Ленинграда. Л. Лениздат. 1989.
21. Булах А.Г. Воеводский И.Э. Порфир и мрамор, и гранит. СПб. 2007.
22. Булах А.Г., Абакумова Н.К. Каменное убранство центра Ленинграда. Л. 1987.
23. Василевский Г. Финляндия глазами Валентина Серова. Stop in Finland. 2005. № 5.
24. Валентин Серов в переписке, документах, интервью. Т. 1, 2. Л. 1985.
25. Варадинов Н. Поездка в Финляндию. Путевые очерки. Газета "Северная почта". 1862. № 72, 73, 92, 93.
26. Вейбулл Йорген. Краткая история Швеции. Шведский институт. Стокгольм. 1997.
27. Верзилова Н.М. Летние лечебные места Финляндии. Новости 1897. 28 сент. № 267.
28. Веригина В.П. Воспоминания. Искусство. Л. 1974.
29. Водовозова Е.Н. Финляндия. Журнал "Мир Божий". 1892. № 9-11.
30. Власов Л.В. Междоусобная война в Финляндии. СПб. "Европейский дом". 2009.
31. Володина Ольга. Творчество Леонида Андреева в европейском литературном процессе XX века. Орел. 2008.
32. Встречи с Мейерхольдом. Сборник. М.: 1967.
33. Выставка современных русских женских портретов. Каталог. СПб. 1910.

34. Гарднер В.Д. У Финского залива. Избранная лирика. СПб. "Гранит". 1990.
35. География Финляндии. М.: Прогресс. 1982.
36. Глезеров С. Петербург Серебряного века. Быт и нравы. М.: СПб. Центрополиграф. 2007.
37. Глезеров С. Петербургские окраины. М.: СПб. Центрополиграф. 2006.
38. Головин А.Я. Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания. Л. М.: 1960.
39. Дмитриева Е., Купцова О. Жизнь усадебного мифа. О.Г.И. Москва. 2003.
40. Додин Вениамин. Густав и катерина. Повесть. Журнал «Москва». 2007. № 7.
41. Дэвис Ричард. Жизнь важней архивных единиц хранения. Общая газета. 1999. № 50.
42. Заварзин Г. Возникновение русской школы в микробиологии. Вестник Российской академии наук. Т. 76. 2006.
43. Исторические кладбища Петербурга. СПб. 1992.
44. Иодко О.В. Печальная судьба могилы М.В. Крестовской. Пунинские чтения. Л.: 1988.
45. Карельское народное творчество. Л. 1981.
46. Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941-1945. М.: Наука. 1984.
47. Кириков Б.М. Петербургские дачи начала XX века на Карельском перешейке и архитектура "северного модерна". Краеведческие записи. Вып. 4. СПб. 1996.
48. Книпович Н. Выборгская губерния/Энциклопедический словарь. Т. VIII. СПб. 1892.
49. Коллекции и коллекционеры. Сборник статей по материалам научной конференции. Русский музей. СПб. 2007.
50. Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 1-8. "Юридическая литература". М.: 1969.

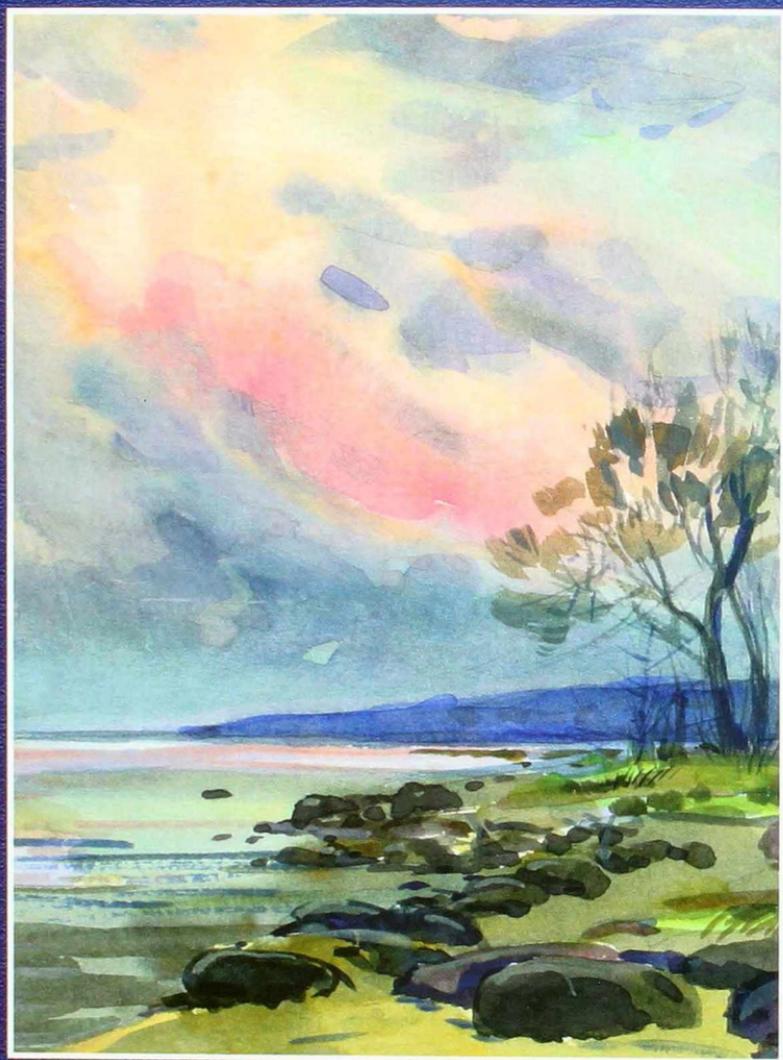
51. Киреев Руслан. Вечная Магдалина. Журнал «Наука и религия», 2008.
52. Коллонтай А.М. Революция - великая мятежница. М. Сов. Россия. 1989.
53. Кравченко Н.И. Выставки современных женских портретов. - Новое время. 1910. 20 янв. № 12162.
54. Кудря Арк. Валентин Серов. М.: Молодая гвардия. ЖЗЛ. 2008.
55. Лапшин В.П. В.А. Серов. Последний год жизни. М.: 1995.
56. Литературное наследие. Т.72. М.: Наука. 1965.
57. Лица: Биографический альманах. М.; СПб. Феникс: Athencum. 1992.
58. Мейнандер Хенрик. История Финляндии. М.: ООО Из-во "Весь мир". 2008.
59. Миролюбов П. Русская жизнь в Терийоках. СПб. Ист. общ-во "Мариоки". 2004.
60. Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Сб. статей. Великий Новгород. 2004.
61. Минувшее. Истор. альманах. Т. 1, 2, 4, 8. ATHENEUM. Paris. Printed in France.
62. Ниронен Ярмо. Финский Петербург. Евродом. 1999.
63. Островская О. Мы срослись с депрессией. СПб. Ведомости. 2007. 31 января.
64. Поздняков А. И дольше века длился фильм. СПб ведомости. 2008. июнь.
65. Православные святыни Карельского перешейка. "Агат". СПб. 2004.
66. Перцов С. Литературные воспоминания. - М.: Л.: 1933.
67. Приютко Ю. Петербургский лексикон. М и М. Дельта. М. СПб. 2010.
68. Рассказы о великом бактериологе С.Н. Виноградском. СПб. 2002.
69. Репин И. Е., Чуковский К.И. Переписка 1906-1926. М.: Новое литературное обозрение. 2006.

70. Рогов В. Первая кинодуэль, или песня про подьесаула Ханжанова и удалого купца Дранкова. Литературная газета. 2008. № 18.
71. Спивак Д.Л. Северная столица. Метафизика Петербурга. СПб. 1998.
72. С.-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной международной научной конференции. 2002, 2003, 2004, 2005. СПб. РХГИ.
73. SOS.; Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918-1919) / Леонид Андреев. Под ред. и со вступ. ст. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб. Феникс. Париж. Atheneum. 1994.
74. Столпянский П.Н. Дачные окрестности Петрограда. Из-во "Петроград". Петроград. Москва. 1923.
75. Таргайнен М.А. Ингерманландский излом. "Дмитрий Булавин". СПб. 2001.
76. Титков Е.П. Патриарх Сергей. (Страгородский). Подвиг служения Церкви и Родине. Арзамас. АГПИ. 2007.
77. Трофимов А. Ловись рыбка по-волшебному. Знание-сила. 2001. № 9.
78. Уайт Фредерик. Тайная жизнь Леонида Андреева. История болезни. Вопросы литературы. 2005. январь.
79. Уайт Фредерик. Леонид Андреев. Лицедейство и обман. Литературное новое обозрение. 2004. № 69.
80. Фомин Вл. Тараканьи бега первого синемаатографиста. Чудеса и приключения. 2008. № 5.
81. Федорова В.И. В.В. Матэ и его ученики. Л. 1982.
82. Финляндия за 100 лет в составе России. СПб. 1911.
83. Философов Д.В. Бакст и Серов. Наше наследие. 2002. № 63-64.
84. Фотографии на память. Фотографы Невского проспекта 1850. СПб. 2003. Автор. состав Ю.Н. Сергеев, А.О. Славия.

85. Черных О.И. Дачное строительство в Петербургской губернии XVIII - начала XX вв. Кандидатская диссертация. СПб. 1994.
86. Чуваков В. Переписка Л. Андреева и Е. Чирикова. М.: Наследие. 2000.
87. Чуковский К. Воспоминания. Москва. 1972.
88. Чуковский К. Книга о Леониде Андрееве. Берлин. 1922.
89. Чулкова Надежда. Портрет Леонида Андреева 1906-1908. СПб. 1905.
90. Щепкина-Куперник Т.Л. Избранные стихотворения и поэмы. Составитель Дональд Рейфилд. Москва. О.Г.И. 2008.
91. Эрлихман В. Первоцвет. Прокудин-Горский. Журнал «Гео». 2008. № 8.
92. Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб. Из-во "Европейский дом". 2008.
93. Яковлева Л. Человек, потерявший надежды. СПб. 2007.

Григорьева Н.В.
Карельский перекресток
Художник М. Доронина

Подписано в печать с оригинал-макета 11.06.2010.
Формат 148x210. Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,03.
ISBN 978-5-86983-162-0
Тираж 350 экз. Заказ № 1357.
Отпечатано в сервис-бюро «InCode».
ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»,
Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 60, лит. «У».
Тел.: (812) 333 2659, 331 6214.



ISBN 978-5-86983-162-0



9 785869 831620